87.Р1
Т-52

А. ТОЛСТОЙ

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

собрание сочинений

8

государственное издательство
„художественная литература"
ленинград
1936

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

драматургия

4863

014048

государственное издательство
„художественная литература"
ленинград
1936

Т—32

Переплет и титул
художника Б. Титова

петр первый

Пьеса в 4 действиях
12 картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Петр I.
Екатерина Алексеевна.
Царевич Алексей.
Монс, Виллим Иванович — личный секретарь Екатерины.
Анисья Толстая.
Меншиков, Александр Данилович.
Шереметев, Борис Петрович — фельдмаршал.
Ягужинский.
Шафиров, Петр Павлович — вицеканцлер.
Толстой, Петр Андреевич — начальник тайной канцелярии.
Апраксин, Федор Михайлович — адмирал.
Ромодановский — князь-кесарь.
Бутурлин, Петр Иванович — князь-папа.
Василий Поспелов — денщик Петра.
Афанасий Вяземский.
Кикин.
Еварлаков — подьячий.
Поп Битка.
Буйносов, князь, Иван Иванович.
Авдотья — его жена.
Ольга, Антонида, Мишка } его дети.
Воробей — крестьянин.
Лоскут — беглый крестьянин.
Жемов — кузнец.
Аладушкин — мастер, плотник.
Жигулин, Ревякин, Свешников, Шустот, Шорин } купцы.
Пельтенбург — голландский шкипер.
Шмиттоф — мастер.
Продавец. Иеромонах. Варлаам — юродивый. Стрелец. Карл XII. Мазепа. Кошевой. Шведский солдат. Баговут — шведский офицер.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Пролог

Ильинка. Бревенчатые дома, лавки, навесы цырюльни. Покосившаяся церковка, — в открытые двери — похоронное пение. На паперти — нищие. Здесь же — купец Жигулин и Поспелов. Идет мокрый снег. Вдали, на Красной площади, — зарева костров.

Лоскут *(идет со стороны площади; он в рваном полушубке, без шапки)*. Этих стрельцов будут казнить особенно.

Поспелов. Лоскут, а, Лоскут...

Лоскут *(подозрительно)*. Ты откуда меня знаешь?

Поспелов. А как особенно-то?

Все придвигаются, слушают.

Лоскут. На площадь — сколько стрельцов, столько и бояр согнали. Против стрельца — боярин, — руби голову. *(Смеется)*

Жигулин. Бояр кровавой порукой вяжет, — сильный царь...

Поспелов. Чай, страшно...

Лоскут. Привыкай, ничему не дивись. Ты чей холоп?

Поспелов. Князя Буйносова, — Васька Поспелов.

Лоскут. Ну его к чорту, пойдем гулять, пропьем шапки..

Поспелов. Ох, ты, гляжу, бойкий.

Ревякин *(входит)*. Оглянитесь, оглянитесь, — се человек...

За ним на четвереньках ползет юродивый Варлаам, в зубах — мясо. Среди нищих волнение.

Ревякин. Зубами сырое мясо рвет... Лучше зверем быть. Человеком нельзя быть нынче...

Жигулин. Шалишь, купец, уйди от греха.

Ревякин. Ах ты, купец, царев гость... Рад, поди, ворон кормить православными людьми? Кыш, кыш, сколько ворон-та! Восемь тысяч стрельцов висят по Китай-городу... Радуйся, Микита Жигулин... Скоро в Москве православных совсем не будет, одни немцы будут... Любо тебе с немцами, царев гость...

Волнение среди нищих.

Варлаам. В Голландской земле царя нашего Петра Алексеевича в бочку с гвоздями забили, в море бросили... В Москву подменного царя прислали — жидовина...

Жигулин. Эй! За такие слова — слово и дело! Караул!

Нищие заслоняют Варлаама.

Варлаам. Царь Петр головой вертит, ногой дергает, — он человек не свежий...

Ревякин. Слушайте старца...

Варлаам. Он кукишом крестится... В Москве у нас сидит большой чорт. Он табак курит, по-немецки говорит... Ад кромешный, смола горящая, черви и жупел...

Страшное волнение.

Стрелец *(грозит в сторону площади)*. Погоди, погоди... Будет он у нас сидеть на колу...

Появляются приговоренные стрельцы без шапок, с зажженными свечами, иные — в окровавленных рубахах. Стрельцов окружают преоб-

раженцы. Впереди — Ягужинский и царский денщик Меншиков. Позади с саблями — бояре, среди них — Буйносов, Толстой, Апраксин, князь-папа, Ромодановский. Сбоку бегут стрельчихи.

Меншиков. Дорогу, дорогу...

Варлаам. Стрельцы спасение приимут...

Голоса стрельцов. Отец... Варлаам... Благослови на муки...

Варлаам. Отплывайте в царствие небесное...

Ягужинский. Чего стали!..

Меншиков. Дорогу, дорогу!..

Стрельцы идут в сторону костров. Из церкви выходит поп Битка.

Битка. Понамарь, вдарь в большой, вдарь громче...

Поспелов *(Меншикову)*. Алексаша... Не узнал меня? Помнишь, пирогами торговали...

Меншиков *(боярам)*. Князья, бояре, не мешкайте, идите вслед...

Буйносов. Не кричи на меня, царский денщик... Не могу я этого делать, — руки, ноги отнялись. *(Бросает саблю)*

Толстой. Саблю поднял бы, князь, — не заодно жеты с чернью...

Буйносов. Да не заодно я... Не рой мне могилу, Петр Андреевич Толстой. *(Поднимает саблю)* Не учены мы головы рубить...

Ромодановский. Затем и учат, что ничему не учены...

Бодро проходят.

Меншиков *(Поспелову)*. Опосля приходи ко мне в Преображенское. Я старых товарищей не забываю...

Лоскут *(кричит)*. Начали! Полетели стрелецкие головы...

Стрельчиха *(бежит со стороны площади)*. Как баранов режут! *(Кидается на колени на паперти)*

Голоса. Царь! Царь!

Толпа шарахается.

Битка. Понамарь, вдарь громче...

КАРТИНА ВТОРАЯ

Воронеж. Берег реки. Строящийся корабль. Бревна, ящики, кули. Водяное колесо, приводящее в движение кузнечный молот. Двери кузниц. В среднюю виден горн и около — мужик, раздувающий мехи, кузнец Жемов и Петр в кожаном фартуке. Они наваривают лапу якорю, подвешенному к потолочной балке. Снаружи работают плотники, мужики подвозят материалы. Часовые. Один из них — Поспелов. Здесь же валяется дохлая лошадь. На распряженном возу Воробей ест хлеб. Подходит Лоскут в казацкой шапке.

Лоскут. Воробей, что ли? Земляк? Здорово.

Воробей. Э-э... А ведь это ты, Лоскут... А мы думали — ты пропал... Ох, ярыжки тебя искали долго...

Лоскут. Ищи, — степь велика...

Воробей. Казачествуешь?

Лоскут. Вроде того. Что привез-то?

Воробей. Повинность — железо.

Лоскут. Повинность! мужичье сиволапое! Ты ешь-то чего?

Воробей *(глядя на кусок)*. Эта? Как чего? Хлебушко...

Лоскут. Так это ж голая лебеда.

Воробей. Ну, лебеда.

Лоскут. И едите?

Воробей. Едим.

Лоскут. Хлеб, что ли, не родился?

Воробей. Хлеб-то родился. Такие, брат, ныне дани пошли... Боярину — плати, кабальные — плати, оброчные — плати, повытошные в казну — плати, мостовые — плати... Третью шкуру с мужика дерут...

Лоскут *(захохотал)*. Богато вы живете...

Воробей. А теперь, говорят, война, что ли, — подводы спрашивают... Вон он, Васька-то мой, валяется, — отбыл царскую службу... И еще с нас сухари спрашивают... Этим нашим сухарем царь когда-нибудь подавится...

Лоскут. Бери с воза топор, идем в степь... Скоро Дон будем подымать.

Воробей. Ой, чай, страшно.

Поспелов *(подходит)*. Ты что народ мутишь?

Лоскут. А я ж коней привел из степу. Покупать не будете?

Поспелов. Украл?

Лоскут. А я не жеребец, — сам их не делаю.

Воробей. Это — наш, лыковский, мой сродственник, Лоскут...

Поспелов. Лоскут!

Лоскут. Здорово, Васька.

Поспелов. Мы тебя давно ищем...

Лоскут. Что ты! А я около хожу..

Поспелов. Драгуны, вяжите этому локти...

Лоскут. Погодите, я еще погуляю...

Поспелов *(хватает его за грудь)*. Держи!

Лоскут *(выхватывает кистень, свистит, вскакивает на бревна)*. Встретимся, сука, — поберегись. *(Исчезает)*

Поспелов. Драгуны!

Суета, погоня, Воробей глядит, разинув рот.
С другой стороны выходят Буйносов, его жена Авдотья, сын Михаил и две дочери — Антонида и Ольга.

Буйносов. Шум, свист... Сказали, что здесь государь. Где же?

Авдотья. Господи, владычица, куда заехали..

Буйносов. Авдотья, при государе ты рта не разевай, — погубишь меня своей глупостью...

Антонида. Тятенька, идемте назад, — здесь все юбки в грязи изваляем...

Буйносов. Помолчи, Антонида...

Ольга. Намолчались в теремах, нынче государь говорить приказал...

Буйносов. Замолчи, кобылища..

Поспелов *(вернувшись на место)*. Вам здесь что нужно?

Буйносов. Из Москвы приехали по царскому указу, скажи, господин унтер-офицер, где государь?

Поспелов. А вон — в кузнице.

Буйносов. Не бывало это... С мужиками, в саже вымазан... Глядеть страшно... Государь! *(Падает на колени)* Вели казнить... Род твой от византийских императоров... После бога ты первый... Брось баловство... Не срамись... Иди в баню, иди в храм... Ты хоть о нашей-то чести подумай...

Ольга *(Антониде)*. На колени не становись, Тонька, делай французский политес...

Петр, заметив наконец, выходит из кузницы.

Буйносов. Смилуйся, великий государь...

Петр. Иван Иванович, долго ты раскачивался. С приездом. Э-э, ты и девок привез. За это спасибо. У нас танцовать не с кем. *(Ольга и Антонида кланяются, заваливаясь на зады, Авдотья по старому обычаю — в ноги. Петр берет Ольгу за подбородок)* Минувэт танцуешь?

Ольга. Тятенька не велит учиться, тайно учимся, побои терпим...

Петр *(Буйносову)*. Ты указ читал? Да ты еще и бороду не сбрил...

Буйносов. Великий государь, от бритья щеки пухнут...

Петр. Напрасно упрямитесь, бородачи, — старую обыкновенность вашу без пощады сломаю...

Жемов *(из кузницы)*. Молотобойца...

Петр. Здесь. *(Быстро уходит, берет молот)*

Ольга *(Антониде)*. Чудный кавалер, ей-ей, только что руки чумазые...

Антонида. Ах и ах, Ольга. Ах...

Буйносов. Ничего не сказал, — куда итти, как служить... Сон это, что ли, сон страшный... *(Толкая жену)* Встань, ворона, здесь честь не к месту, отряхнись...

В это время в кузнице идет ковка якоря.

Жемов *(мужику у мехов)*. Дуй, не ленись, поддай... *(Рабочим, держащим концы веревок от подвешенного якоря)* Берись... Слушай... *(Петру)* Петр Алексеевич, — в самый раз, а то пережжем... *(Рабочим)* Быстро, навались. Давай... *(Якорь пошел из горна, повис над наковальней)* Нагибай, клади, плотнее. *(Отмахивает веником окалину)* Лапу! *(Петру)* Не зевай! Что ж ты... Давай лапу!

Петр. Есть. *(Хватается за клещи, вытаскивает из горна якорную лапу, кладя ее на наковальню, промахивается)*

Жемов. Чорт безрукой...

Петр. Есть... *(Приложил лапу к якорю, схватил молот. Торопливая ковка)*

Меншиков. Погодите, погодите, — когда кончит...

Перед кузницей появляются Толстой, Меншиков, Шереметев, Апраксия.

Шереметев. Петр Андреевич, ведь так нам завез, — не готовы мы...

Апраксин. Ведь у нас турки за плечами...

Толстой. Турок напужаем флотом.

Меншиков. Завтра спускаем стопушечный корабль... Султан призадумается...

Толстой *(нюхая табак)*. Мир султан подпишет, — ámен...

Меншиков. Это — аминь...

Апраксин. Нам одним воевать со шведом? Не знаю... Это не татарва, не турки, — Европа...

Шереметев. С Европой будет трудновато...

Меншиков. Научимся, — ámен...

Буйносов *(заметив Воробья на возу)*. Эй, ты, поди ко мне...

Воробей соскакивает, подходит, становится на колени.

Ты из деревни Лыковой?

Воробей. Твои, боярин...

Буйносов. Заворовались вы, мужики, лежебоки, гультяи... Опять оброк не внесли. Почему?

Воробей. Мы на царской повинности..

Буйносов. Дела нет. Царю — особе, мне — особе... Учить вас, воров, гультяев. *(Бьет его)*

Ковка окончена. Петр, сполоснув в бадье руки, выходит из кузницы.

Петр. Здорово, Толстой. От короля польского? Какие вести привез?

Толстой *(галантно кланяется)*. Дурные, государь.

Петр. Говори.

Толстой. Шведский король Карл XII без изящного объявления начал войну: датчане уже разбиты и подписали мир. Дания нам более не союзник. Засим король Карл вторгся в Ливонию и на-голову разбил саксонские войска короля Августа, — король польский нам более не союзник. Рассчитывай, государь, на одни свои силы.

Петр *(оглядывает стоящих перед ним. Меншикову)*. Александра, надо воевать. А?

Меншиков. Что ж, мин херц, податься некуда

Петр. Потрудимся.

Апраксин. А деньги, Петр Алексеевич?

Петр. Купцы дадут — Бурмистерская палата. А ты что скажешь, Борис Петрович?

Шереметев. Надо — умрем, Петр Алексеевич...

Петр. Не умирать, победить надо... *(Идет, останавливается около Буйносова)* Алексашка... Ножницы подай...

Меншиков. Есть, мин херц... *(Достает из кармана, подает ножницы)*

Петр. Князь Иван Иванович, в Европе над бородами смеются... Уж одолжи мне бороду, сделай милость... *(Режет ему бороду)* Брада — обычай невежества, и женской породе брада зело не любезна, ибо в ней грязь и вонь. Жаль тебе ее — в гроб вели бороду положить, — на том свете пристанет... *(Ольге и Антониде)* Вино пьете, девицы? Идем обедать. И плясать и вино пить научим...

Авдотья *(подбирая бороду, — с тихим воем мужу)*. Ба-а-а-а-тюшка, оголили... Голова-то, слава богу, осталась...

Буйносов. За что? За что?

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Лагерь Шереметева. Изба. Шереметев диктует писцу. Перед ним стоит Ягужинский. За окном скрип телег, голоса, крики. Отдаленный взрыв.

Ягужинский. Бастион взорвали..

Шереметев. Шведов-мушкетеров, сорок семь человек, отправь в Москву. А пленных мужиков-чухонцев — продать.

Ягужинский. Купец Свешников на круг за чухонцев по рублю с четвертью дает с головы...

Шереметев. И отдать надо, не торгуйся: чухонцы — ах, люди какие сердитые... Ступай... Постой, зайди в драгунский полк, — я давеча видел там у них — бабенка одна пленная... Жалко, пропадает в обозе, — замнут драгуны... Так ты ее сюда приведи...

Ягужинский. Все будет исполнено, господин фельдмаршал.

Шереметев. Постой... Скажи Александру Дани-

ловичу Меншикову, что я государю пишу письмо, чтоб не уезжал из обоза, покуда не зайдет за письмом...

Ягужинский. Будет исполнено. *(Уходит)*

Шереметев *(диктует)*. «Всесильный бог и пресвятая богоматерь желание твое исполнили: более того, неприятельской земли разорять нечего, — все разорили и запустошили. Остались у неприятеля неразоренными только Нарва да Ревель, да Рига... Как повелишь теперь, — итти ли дальше разорять, или итти на генерала Шлиппенбаха... Шведы уж стали на зимние квартиры. Король Карл гоняется по всей Европе за королем Августом, и сюда его скоро не ждут...»

Ягужинский *(входит)*. Девку привел.

Шереметев. Ага. Пусть войдет, посидит. *(Писцу)* Дальше я сам припишу, ты ступай.

Ягужинский вводит испуганную Катерину, писец уходит.

Ягужинский. Сядь вот тут. *(Ухмыльнувшись, уходит)*

Шереметев пишет. Катерина стоит у двери, — она в голубом простеньком платье и в шали.

Шереметев. Как зовут?

Катерина *(с готовностью)*. Элене-Экатерине...

Шереметев. Катерина... Хорошо... Отец кто?

Катерина. Сирота. Была в услужении у пастора Эрнста Глюка.

Шереметев. В услужении... Очень хорошо. Стирать умеешь?

Катерина. Стирать умею... Многое умею...

Шереметев. Видишь ты... А у меня исподнего простирнуть некому. Ну, что ж, — девица?

Катерина *(всхлипнула)*. Замужем... На прошлой неделе вышла.

Шереметев. А-а... За кого?

Катерина. Королевский кирасир Иоганн Рабе.

Шереметев. Ну, и что же он, — убит?

Катерина. Нынче утром, как вам ворваться в крепость, Иоганн с двумя кирасирами бросился вплавь через озеро. Больше его не видала.

Шереметев. Плакать, Катерина, не надо. Молода. Другого наживешь.

Катерина. Теперь кто меня возьмет...

Шереметев. Ну, это, тово... Есть хочешь?

Катерина. Очень.

Шереметев. Садись. Ешь на здоровье. *(Указывает ей место за столом, где еда и вино)* Вино пьешь?

Катерина. Не знаю.

Шереметев. Значит, пьешь. Ишь ты какая голодная. Зазябла. Шубенки, платьишки твои, чай, все погорели?

Катерина *(беспечно)*. Все пропало.

Шереметев. Наживешь. Погоди, по первопутку поедем в Новгород, — там тебя хорошо устрою. А уж покуда — по-походному — на печи будем спать... Что прикрылась... Какая... Не обижу... Я ведь еще ничего себе...

Катерина *(шопотом)*. Хорошо...

Шереметев. Белая, черноволосая... Галочка, утеночек...

Входят Меншиков и царевич Алексей.

Меншиков. Господин фельдмаршал, письмо написано?

Шереметев *(толкает Катерину)*. Сядь в сторонке... Здравствуй, государь, Алексей Петрович... Здравствуй, Александр Данилович... Письмо написано... *(Запечатывает)* Государю передайте земной поклон... Приустал, чай, Алексей Петрович, от невзгод дорожных?

Алексей *(сидя на лавке)*. Не люблю я войны...

Меншиков *(стоя у стола, пьет, закусывает, косится на Катерину)*. Взял бы ты, Борис Петрович, царевича в горячее дело — потешиться саблями, — весело...

Алексей. А ну тебя, скажешь тоже... Дурак ты, Меншиков. *(Сердито глядит на него)*

Меншиков *(смеется)*. А как батюшка в Москве спросит: «Не пужался ли ты шведов? Бомбам не кланялся ли?» Что ответим?

Алексей *(тихо, с ненавистью)*. Время будет — об этих словах пожалеешь, Меншиков...

Меншиков. Надо вам с батюшки брать пример, Алексей Петрович... Мы вот не знаем, когда Петр Алексеевич и спит... Сегодня в Москве суконные заводы сшит, завтра в Туле пушки льет, ан, глядь, уж при войске в обозе... В каждую телегу заглянет, каждому солдату под кафтан полезет... После Нарвы, как нас Карл вдребезги разгромил, Петр Алексеевич в месяц оборону поставил, к весне войско и пушек вдвое было... В Новгороде сам палкой гнал монахов копать рвы, городить стены... И нас, дураков, приучил...

Алексей *(Шереметеву)*. Я пойду, в телегу сяду, там подожду...

Шереметев. Батюшка, Алексей Петрович, откушай, обогрейся...

Алексей. Нет... *(Берет тулуп, уходит)*.

Меншиков. Волченок. А ну его... Надоел хуже горькой редьки, не чаю, как в Москве отцу сдам. *(Берет письмо)* Это у тебя кто такая?

Шереметев. Так, девка одна, — белье стирает.

Меншиков. Фельдмаршал, уступи.

Шереметев. Да господь с тобой, Александр Данилович...

Меншиков. Продай, ей-ей... Возьми караковую кобылу верховую...

Шереметев. Да не надо мне твоей кобылы, ничего не хочу...

Меншиков. Ой, не ссорься со мной, фельдмаршал...

Шереметев. На что тебе эта девка далась, Александр Данилович?.. Молодой, взысканный... Все у тебя есть... А у меня, может, она одна...

Нагужинский *(входит)*. Царевич ждет в телеге, нетерпится...

Меншиков. Ладно. Вечером мы еще вернемся, будем почевать. Поговорим. Ты подумай хорошенько, фельдмаршал. *(Останавливается около Катерины, пронзительно глядит на нее)* Ну где с эдакой старику справиться... *(Жарко целует ее в губы, выходит вместе с Нагужинским)*

Шереметев *(сердито)*. А уж ты на него уставилась, бесстыдница. *(Берет плащ, шляпу, выходит)*

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Комната в деревянном временном дому Меншикова в Питербурхе. За окнами на берегу Невы — стук деревянного копра по сваям, протяжные голоса рабочих: «Еще разик, еще раз...»

Катерина *(сидит у окна, вышивая, напевает).*

Малютка любила, малютка страдала,
Ах, розы увяли...

(Высовывается из окна) Тебе куда? По доскам иди, а то здесь топко.

Бьют стенные куранты — двенадцать.

О гот! *(Вскакивает, хлопочет у обеденного стола)*

Жигулин *(входит, ищет, куда перекреститься).* Здравствуй, матушка.

Катерина. Здравствуй, добрый человек. Ноги вытри.

Жигулин. Александра Данилыча повидать.

Катерина. Господин губернатор сейчас придет. Сядь у двери.

Жигулин. Что же, на реке город, что ли, ставят?

Катерина. Крепостцу от шведов, городок Питербурх.

Жигулин. Жена евонная будешь?

Катерина. Экономка.

Жигулин *(не понял).* Ага.

Катерина. Купец?

Жигулин. Мы из Архангельска. Лесное дело у нас. Корабельный лес пилим.

Меншиков *(входит — в военном платье, в большом парике. Отдает Катерине шляпу, шпагу и плащ).* Катерина, собирай скорее закусывать. Петр Алексеевич будет с кумпанией.

Катерина. Гот! Сам государь...

Меншиков. Из Голландии корабль пришел... Петр Алексеевич сам за лоцмана провел его от Котлин-острова. Шкипер, конешно, чарку водки Петру Алексеевичу и червонец... Мы со смеху легли. И все спрашивает, можно ли повидать царя Петра... *(Смеется. Ласково)* Ты приоденься... А! Микита Жигулин. Здорово.

Жигулин. Прослышали, государь Неву отвоевал у шведа: пудовые свечи ставим, — путь известный, великий...

Меншиков. Ну, это дело еще не кончено, швед за Сестрой-рекой стоит.

Жигулин. Значит, одно дельце у меня есть, Александр Данилыч...

Меншиков *(спокойно-внушительно)*. Господин губернатор...

Жигулин. Ага... Извини христа-ради. *(Достает кошель)* От нашей, сударь, скудности, — не осуди.

Меншиков. Сколько?

Жигулин *(шопотом)*. Сто рублев.

Меншиков. Говори дело...

Жигулин. Вам корабельный лес нужен? Верно? Я бы тут на Неве, у самой Ижоры, мельничное колесо поставил — лес пилить, — от колеса машиной.

Меншиков. Как машиной?

Жигулин. Обязательно, в Архангельске так пилим. И цена моему лесу дешевле на десять алтын. Понятно?

Меншиков. Тебе в дело взять надо интересана — с деньгами.

Жигулин. Чего бы лучше... Входи ко мне интересантом.

Меншиков. Мы подумаем...

Входят Петр, голландский шкипер Пельтенбург, Жемов, корабельный плотник Аладушкин и поп Битка.

Пельтенбург *(под-руку с Петром, он — вполпьяна, Петр — только весел)*. Я так и скажу царю Петру: ты добрый лоцман...

Петр. Данилыч, первого голландского шкипера — в красный угол.

Битка *(пьяный)*. Бахусова зелья не зрю, уедемте к чорту отсюда, ребята...

Петр. Битка другой день как свинья пьяный... *(Все садятся к столу)*

Битка *(поет)*. Восстав поутру, чрево свое, яко бочку, добре наполняю и матерствую всех пьяноборцев...

Петр. Не робей, садись, Жемов, садись, Аладушкин... С морского ветру голодны гораздо. Подай-ка ветчину...

Битка. Ныне день постный, миног хочу...

Жемов. Поп, а, гляди, какой баловник...

Битка. Обидели духовное лицо...

Петр *(толкая Битку под стол)*. Не ори, сатана...

Пельтенбург *(Петру)*. Я хочу быть большим другом царю Петру, я хочу подарить ему одну штуку доброго аглицкого сукна.

Петр. Спасибо, штурман.

Пельтенбург. И тебе, лоцман, тоже подарю — медные часы...

Петр. Покажи-ка...

Пельтенбург. Мы слышали, у царя Петра можно дешево взять лес... Я возьму корабельный лес и пеньку.

Петр. Данилыч, налей нам перцовой... *(Хлопает Меншикова по спине)* Сердечный друг царя Петра...

Пельтенбург *(трясет Меншикову руку)*. Значит, и мой друг. У меня на корабле есть боченок крепкого рому...

Меншиков. Виват первый голландский корабль!

Пельтенбург. Виват храбрые русские! *(Обнимается с Меншиковым)*

Битка *(из-под стола)*. Рассолу хочу... Виват!..

Петр *(глядя на кланяющегося Жигулина)*. С чем пришел? Велю — сядь!

Жигулин. Челобитная. *(Подает, Петр читает)*

Пельтенбург. Говорят — царь высокий, как бизань-мачта.

Меншиков. Да похож вот на этого лоцмана.

Пельтенбург. Царь — на лоцмана, это не бывает. *(Хохочет)*

Петр *(Жигулину)*. Ставь колесо на Ижоре, пили доски... Пять лет пошлины брать не будут... Вот в чем беда: гляди, голландец надутый, как пузырь, а дает грош...

Жигулин. Петр Алексеевич, даром отдаем товар иноземцам. Свои бы корабли.

Петр. Строй. Ставь верфь. Вези лес, пеньку, деготь сам в Голландию.

Жигулин. Языкам не учены, — с немотой за границей проторгуешься.

Петр. Учись по-голландски. Приказываю. Год сроку.

Жигулин. Горячий какой ты, Петр Алексеевич...

Петр. Данилыч, заготовить указ: первому негоцианту-навигатору... Как тебя — Жигулин Никита?.. А по батюшке?

Жигулин. По батюшке?!. Так ты с отчеством будешь писать нас? Да за это, государь, Петр Алексеевич, что хошь спрашивай. *(Кланяется)*

Пельтенбург *(оборачивается ко всем)*. Это и есть царь Петр?..

Битка *(из-под стола)*. Исполлаэтидеспота...

Пельтенбург *(кланяется с морской неуклюжестью)*. Я очень глупый человек... Я очень пьяный человек...

Петр. Ладно, ладно, шкипер, пеньку и лес продадим тебе дешево: за то только, что первый пришел в Неву... Хороший у тебя корабль, отличный корабль, — плакать хочется...

Пельтенбург *(успокоительно)*. Нет, плакать не надо.

Петр. А ты вот что: возьми Жемова и Аладушкина, — они мужики умные, — хорошенько покажи им корабль... *(Встает, — Жигулину)* Ты поди, его матросов угости. Понимаешь?

Жигулин. Все будет сделано, Петр Алексеевич. *(Уходит)*

Петр. Данилыч, что же музыки нет? *(Только сейчас заметил Катерину)* Ух ты... Ну-ну... Данилыч... Это кто ж у тебя?

Меншиков. Так, экономка, мин херц.

Петр. Отчего раньше не показывал?

Меншиков. Пужливая очень... да глупая, девчонка...

Петр. Ничего... Пусть она поднесет мне.

Меншиков. Катерина... *(Тихо)* Поднеси чарку Петру Алексеевичу да поцелуй в губы, — он любит...

Катерина. Александр Данилович, лучше не надо этого...

Меншиков. Ты и впрямь дура. *(Дает ей поднос, наливает вино)*

Аладушкин. Шкипер, нам главное хочется посмотреть. Ты покажи честно. Нас, брат, не обманешь...

Жемов. С нас спрашивают, а ведь мы чего не видали, того не можем. Понятно?

Пельтенбург. Выпьем, русские.

Входят музыканты. Катерина подносит Петру чарку.

Катерина. Прошу покорно, герр Питер. *(Петр пьет, она целует его в губы)*

Петр. Как зовут?

Катерина. Катерина, герр Питер... *(Приседает)* Спасибо.

Петр. Неплохо тебе жить в неволе-то?

Катерина. Неплохо, герр Питер. Спасибо.

Меншиков. Заладила одно — спасибо да спасибо. Расскажи что-нибудь...

Катерина. Как я буду говорить? Они — не простой человек. Они сами знают, какой начать разговор.

Петр *(захохотал. Поднялся)*. Прошу на польский...

Музыка. Петр с Катериной пляшет.

Битка *(из-под стола)*. Держи бабу плотнее, Ликсеич. Крути ей подол...

Пельтенбург. О, царь большой мастер плясать.

Жемов. Способный.

Петр *(сажая Катерину)*. Не обижает тебя Александр Данилыч?

Катерина. За что же меня обижать?

Петр. Верно, что не за что. Немка? Чухонка?

Катерина. Батюшка — литовский крестьянин Скавронцук... Могу я вас просить, герр Питер?

Петр. Ну, проси...

Катерина. Пойдемте еще раз польский..

Петр. Еще раз? *(Засмеялся, выпил стакан вина)* Данилыч... Отдохнуть пойду к тебе на часок ..

Меншиков. Постель готова...

Петр. А вы тут пошумите без меня...

Битка. Ликсеич, ты шалить собираешься... Грех великий...

Петр *(в дверях, — Меншикову)*. Скажи Катерине — взяла бы свечу, посветила мне в спальне... *(Ушел)*

Меншиков. Катерина. Царь хочет, чтоб ты взяла свечу — посветила ему в спальне...

Катерина. Господь с вами, Александр Данилович.

Меншиков *(берет со стола свечу)*. Иди...

Катерина. Подождите... Сашенька... Свет мой...

Меншиков. Я есмь муж государственный... Мне с бабами возиться неприлично. Иди...

Катерина *(берет свечу, стоит, опустив голову. Потом — низкий реверанс).* Повинуюсь... *(Ушла)*

Меншиков *(музыкантам).* Застольную, бахусову... Эй, вина еще...

Музыка.

Пельтенбург. Я чересчур много выпил, пфуй...

Жемов. А ты пей, да головы не теряй, а то ты у нас пропадешь, иностранный...

Жемов и Аладушкин поют: «Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла».

Битка. Данилыч, заней горе перцовкой...

Меншиков *(схватил его за бороду).* Сволочь, ты что давеча царю нашептывал?

Битка. А я к тому и приставлен, чтобы на ухо нашептывать. Мне под столом все слышно...

Меншиков *(запрокидывает ему голову, вливает вино).* Пей.

Битка. Будя. *(Валится)*

Пельтенбург. В будущую навигацию я приду на десяти кораблях, я у вас все куплю. Весь лес, всю пеньку. И всех одарю, как герцог... Вы, русские, варвары, вы никогда не научитесь строить корабли. Ходите пешком...

Катерина появляется в дверях. Платье ее на груди расстегнуто. Меншиков бросается к ней.

Меншиков. Царь заснул?

Катерина ударяет Меншикова по щеке. Меншиков вспыхнул. Понял. Поклонясь, целует Катерине руку.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Кремль. Тронная сводчатая палата. На тронном стуле сидит Петр в русском платье, держа скипетр и державу. Ниже его — царевич Алексей и Ромодановский в русском платье. На скамье — бояре, среди них — Буйносов, все — в иноземном платье. На другой скамье — купцы, среди них Шорин, президент Бурмистерской палаты, Свешников, Жигулин, Шустов, Ревякин.

Ромодановский. Восемь лет король Карл не дает нам отдыха. Господа бояре, господин президент

Бурмистерской палаты, знаете сами, сколько положено несносных трудов: построены флоты на Азовском море, на Белом и на Балтийском... Город Питербурх строим. Каналы копаем... Наместо ополчения устроено регулярное войско... Ныне пробил грозный час... Кровожаждущий Карл вторгся на Украину. Гетман Мазепа, изменник и вор, с казацкими полками шатнулся на сторону шведа... На Дону — великая смута и гиль, — по верховым городкам гуляет атаман Кондратий Булавин, да Некрасов, да беглый мужик Лоскут... В народе шатание, леса полны разбойниками... Казна государева пуста... *(Волнение на скамьях)* В сей час надлежит знать: не удержим Карла на рубежах Днепра, падут Полтава и Курск, и Тула, и Москва, смута возникнет в народе, как тому сорок лет при Степане Разине, погуляют казацкие кони по земле, погуляет казацкая сабля по нашим головам... В сей час надлежит каждому оставить попечение о себе... Подумайте, бояре, подумайте, именитое купечество...

Ревякин. Все отдали... Да, господи, в гроб лечь — и то чистой рубашки нет.

Свешников. В сундуках у нас деньги? В сундуках у нас — мыши.

Буйносов. Пшеницу весь урожай в казну отдал, десять бочек солонины отдал же... Пятьдесят мужиков в драгуны взяли... А ведь у меня две девки на выданьи... То да се... На одного цырюльника еженедельно восемь алтын отдай...

Петр. Помолчи, шут... *(Собранию)* Для ратного дела нужно железо. Демидов с Урала да Виниус из Сибири пишут — железной руды много. Деньги нужны... Опять с посадских, с мужиков тянуть? Они уж и так не дышат, да и раньше года дани не собрать... Деньги нужны сегодня... Рассудите, господа именитые купцы... Мне пишет Алексей Курбатов... *(Отдал державу, скипетр Ромодановскому, указал ему сесть вместо себя на трон)* Сядь... *(Вынул письмо)* «...Народы ослабевают в исполнении и, чуть послабже, думают, что все будет по-старому... Гостиной сотни купец Матвей Шустов подал сказку о пожитках своих, будто всех пожитков у него только на тысячу рублев и разорен всеконечно... А нам известно — у Матвея в чулане под полом зарыто дедов-

ского еще серебра и золота тысяч на сорок рублев. Он, Матвей, пьянством истощает богатство, а не приумножает, и если его не обуздать — истребит до конца... Укажи, государь, послать к Матвею подьячего да солдат, и он те золотые деньги вынет и отдаст...» Я велел послать солдат к тебе, Матвей.

Матвей Шустов поднимается с лавки, шатается, падает на лавку.

Жигулин. Государь, что ж говорить: связал нас бог одной веревочкой. Куда ты, туда и мы... Деньги есть на Москве.

Петр *(подошел, обнял Жигулина)*. Умен, и за то много тебе воздастся...

Шорин. Бурмистерская палата — твоя, государь. Деньги дать надо...

Входят иеромонах и монахи.

Петр. Вы что скажете, божьи люди?..

Иеромонах. Великий государь, не дай запустеть монастырям и храмам божьим... Указом твоим велено для рытия рвов и стен на Москве брать с каждого монастыря и прихода по десяти и более подвод и людей с железными лопатами и ставить кормы им... Воистину сие выше сил человеческих, великий государь... Одною милостыней живем, христа-ради...

Петр. Вот что, божьи заступники... Идите по монастырям и приходам... Нынче же выходить на работу всем — копать землю... Помолчи, отец... Выйти с железными лопатами и лошадьми не одним послушникам — всем монахам, вплоть до ангельского чина... И бабам-черноризкам, и попам, и дьяконам с попадьями и дьяконицами... Помолчи, говорю, отец... Я один за всех помолюсь, на сей случай константинопольский патриарх меня помазал... Пошлю поручика — посмотреть, кто не вышел... Того — на площадь, пятьдесят батогов... Этот грех тоже на себя возьму... Ступайте...

Ромодановский *(с трона)*. Ступайте все, — государь кончил думу...

Все уходят.

Петр *(Алексею)*. Ну, а ты, сын, что скажешь?

Алексей. Головой я скорбен... Батюшка государь... Плохо соображаю... Боюсь я всего...

Петр. Врешь, врешь... Молод, а врать уж научили тебя...

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Вечер Полтавского боя. Огромные пороховые облака озарены закатом. Пушечные выстрелы. Берег. Камыши. Из-за холма скатываются запорожцы. Среди них Лоскут.

Запорожцы. Гайда, гайда, гайда...

Лоскут. Тикай через реку...

Кошевой. Стой, не вси, бисовы дети... Треба короля перевезти... *(Кричит)* Гей! Шведы... Бегите до перевозу... Давай сюды короля...

Лоскут. Кошевой, нема перевозу. Начихай на короля...

Кошевой. Шукай челны по камышам. Не вси же дубы угнали проклятые москали.

Из-за холма бегом появляются шведские солдаты, — несут на носилках Карла, раненного в ногу. Рядом с носилками — Мазепа.

Мазепа. Братики запорожци, спасайте короля...

Лоскут. Чорт его спасет теперь.

Мазепа. Не все еще потеряно, хлопцы. У короля грошей много. Король набере новое вийско. При москалях нема нам воли. Царь Петр стрельцов вешал, вас, братики, на колья будет сажать...

Запорожцы. Геть, москали собаки!

Лоскут. Гетьман, а яки гроши будут нам за це?

Мазепа. Клянусь владычицей — по сто червонцев хлопцу.

Запорожцы. Эге, це дило.

Лоскут. Брешет, старый чорт...

Кошевой. Братики, шукайте челн какой ни на есть.

Мазепа *(королю)*. Боже ж ты мой, за что победу дал тирану...

Карл. Будущей весной я привезу в Стокгольм царя Петра с веревкой на шее.

Приближается шум битвы.

Мазепа. Челн, челн, хлопцы!

Карл. Где мой ботфорт? *(Солдату, держащему королевский сапог)* Положи в носилки. Подай пистолет. *(Приподнимается)*

Швед *(вбегает)*. Все кончено... Все погибло... Король... Нас топчут конями... За этим ты меня оторвал от жены, оторвал от моих детей... Зачем ты послал меня на смерть? Король! Будь проклят! *(Падает)*

Карл. Он ранен в голову, он сошел с ума.

Вбегает шведский офицер Баговут.

Баговут. Король!

Карл. Полковник Баговут, шведы попрежнему продолжают гневать бога и своего короля?..

Баговут. Фельдмаршал Реншельд в плену... Шлиппенбах сдался... Розен упал с коня на шпаги русских... Безумие... Конец всему...

Карл. Опомнитесь, полковник, мне стыдно за вас... Возьмите эскадрон кирасир и задержите, наконец, этих взбесившихся мужиков...

Баговут. Я слушаю, мой король. *(Садится на лафет, обхватывает голову)*

Мазепа. Нас окружают...

Шум битвы.

Карл. Баговут, что это — неповиновение?

Баговут. Я слушаю, мой король. *(Опять садится)*

Кошевой. Пан гетьман, нашли челн...

Мазепа. В лодку, ваше величество...

Карл. Сегодня, видимо, неудачный день...

Запорожцы. Тикай, тикай... Тащи короля...

Карл. Хотя бы раз нужно испытать поражение. Несите меня...

Короля уносят. Мазепа уходит вслед. На вершине холма показываются русские, среди них Ягужинский и Поспелов. Стрельба с обеих сторон.

Лоскут *(стреляет в Поспелова, ранит)*. Сука, это тебе за Кондратия Булавина... *(Убегает)*

Меншиков *(появляется в латах, в шлеме с перьями, в сопровождении трубача)*. Король взят?

Ягужинский. Господин фельдмаршал, король ушел за реку...

Меншиков. Сволочи, упустить короля... *(Ягужинскому)* Бери драгун, — вплавь нагони, возьми...

Ягужинский *(убегая)*. Драгуны!

Появляется солдат — Воробей, — голова обвязана окровавленной тряпкой, ружье наперевес.

Воробей *(кричит дурным голосом)*. Ура-а-а-а-а-а-а-а...

Меншиков. Замолчи, дурак...

Воробей. Коли, коли, коли, ура-а-а-а-а-а...

Появляется толпа русских и пленных шведов. Впереди Петр — размахивает руками, возбужден.

Меншиков *(подняв шпагу)*. Виктория! Виктория!

Петр. Вот они, превеликие в свете генералы — Реншельд, Шлиппенбах, Розен... Во сне этого не увидать!

Меншиков. Весь обоз взят. Вся пехота неприятеля побита. Один Левенгаупт с конницей ушел за реку.

Петр. Чорт с ним — нагоним...

Меншиков. Король ушел...

Петр. Догоним... Виктория, Данилыч... Победа... Опомниться нельзя...

Воробей *(опять)*. Ура-а-а-а-а-а-а... Кровища... Коли, коли, коли... Ура-а-а-а. *(Меншиков ударяет его, чтобы замолчал)*

Петр. Все сошли с ума нынче... Давай отбой, кончай резню...

Меншиков. Трубачи, играй отбой...

Петр. Господа превеликие, преславные генералы, плакать будете завтра... Данилыч, вели отдать им шпаги... Нынче будем праздновать викторию... Конец войне... Живем... *(Вырывает у горниста рог)* Зови всех в шатер... *(Трубит)* Будем пить за вас, господа шведы... Первое — за Нарву будем пить, как вы били меня под Нарвой. *(Трубит)*

Уходят все, кроме Воробья.

Воробей *(шатается, опираясь на ружье, глядя вслед)*. Поработали на тебя, царь... Ты не забудь, — з нас-то вышей... *(Прислоняется головой к штыку)*

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Москва. Святки. Горница в доме Буйносова — соединение русской старины с европейскими новшествами. Антонида и Ольга вешают на стену гравюру. Мишка сидит на лавке, копает в носу.

Ольга. Мужик с коровьими ногами — это сатир. Что скосоротилась, — это у него лист фиговый...

Мишка. Г-ы!

Ольга. А *этот с бородой* — кто, я спрашиваю?

Антонида *(робко)*. Юпитер...

Ольга. Что про него говорится?

Антонида. Юпитер прикинулся лебедем, делал амур с нинфой Ледой, потом прикинулся быком, делал амур с нинфой Европой...

Мишка. Г-ы!

Антонида. Дурак... Потом... Забыла.

Ольга. Это все, Тонька, ты должна заучить, — кавалеры теперь постоянно стали спрашивать про греческих-то богов. Вопрос: Венера, жена хромоногого Гермеса, с кем делала амур?

Мишка. Г-ы!

Ольга. Мишка, я ужо тебя, — попадись мне в сенях...

Входит Авдотья. Увидя гравюру, плюет.

Авдотья. Бесстыдницы. Отец идет. Миша, хоть ты ему в ноги поклонись. От этих не дождешься...

Мишка. Маманя, ряженые скоро приедут?

Авдотья *(заплакала)*. Эх, святки, святки... Одна срамота...

Буйносов *(входит в французском платье, — красный после бани)*. Святки...

Мишка *(кланяется в ноги)*. С приездом, родный батюшка.

Ольга. Добрый вечер, фатер... *(Ольга и Антонида приседают)*

Авдотья. С легким паром, батюшка...

Буйносов. Святки... *(Садится к столу)* Веселиться указано... Приготовляемся, как бы к смерти, — вот

какая потеха — святки... *(Толкает тарелку)* Что за дрянь на столе... Мать, студню бы с чесночком.

Авдотья. Ба-а-а-тюшка, чесночку не велят дома держать...

Буйносов. Кто не велит?

Авдотья. Они же всё. *(Указывает на дочерей)*

Буйносов. Чей дом? *(Стучит по столу)*

Ольга. Французский король уж сто лет запретил чеснок-то в домах держать, — почитайте гисторию Пуффендорфия...

Буйносов. А я вот пойду на кухню ужинать, чем с вами, кобылищами французскими... Ни тебе поесть, ни тебе подремать... Каждый тебя в глаза лает... Так жить знатным особам — это разве жизнь? От Питербурха царь без отдыху гнал день и ночь. За ним в санях, вповалку, как холопы, — князь Одоевский, князь Ростовский, да я, да князья, бояре. Животы растрясло, зады растерло...

Ольга. Тонька, не слушай, не привыкай...

Авдотья. Не томился бы ты после бани в немецких штанах, надень, батюшка, штаны православные...

Буйносов. При алонжевом парике я — русские портки надел. Дура. Тебе к святкам подарочек: государь указал нам ехать всем домом в Питербурх на вечное жительство...

Ольга. Ах, ах, счастье!..

Антонида. Ах и ах, Ольга...

Авдотья. Батюшка, лучше в Москве живую в землю меня закопайте, — не поеду на болото жить.

Буйносов. Замолчи. И — второе: поди сюда, Миша...

Мишка. Я здесь, батюшка...

Буйносов. Миша, Миша, деды твои, прадеды, я сам в царской думе с честью сиживали...

Ольга. Вы бы ему лучше выговорили, — Мишка от рук отбился: цифири, грамматике не учится, целый день с девками в дворницкой на балалайке играет...

Мишка. Наговаривают они на меня по злобе...

Буйносов. Указано тебе, Миша, ехать в Амстердам учиться.

Авдотья *(заголосила)*. Не берите от меня сына мово родного...

Мишка *(заревел)*. Родный батюшка, родная матушка, зачем меня на свет родили...

Авдотья. Лучше бы тебя титешным земля взяла.

Буйносов. На кулачки там не дерись, не пьянствуй, — научись чему-нибудь. Не вой, Авдотья. Вот тебе третий указ... Настрого велено всем дворянкам зубы чистить...

Авдотья. Батюшка, да ведь белые зубы только у арапов да обезьян, — у боярынь зубы всегда желтые.

Буйносов. Возьми тряпочку, штукатурки кусок, — почисти. Телогрею поди сними, надень бострогу с хвостом, волосы мукою обсыпь... Так велено, — указы не я пишу... Ступай...

Авдотья уходит.

Мишка. Родный батюшка, дозвольте в последний разик на двор пойти с малыми ребятами позабавиться.

Буйносов. Ступай, сынок, позабавься.

Мишка уходит.

Ольга, не сегодня-завтра государь приедет к тебе сватом.

Ольга. Ой! Ой! Ой! За кого?

Буйносов. За денщика, бесстыдница... Не княгиней, денщиковой женой будешь...

Ольга. Нынче царским денщикам графские титлы жалуют, это даже более рафине, чем князья-то...

Антонида *(у окна)*. Гости приехали...

Ольга. А мы еще не прибраны, Тонька... *(Обе, тряся руками, убегают)*

Буйносов. Сороки длиннохвостые. *(Идет к окошку)* Кого принесло? Батюшки, никак — царевич? Его сани. Ох, не во-время...

Входят Алексей, князь Вяземский, Кикин, Евларлаков и Ревякин.

Алексей *(помолясь)*. С праздничком, князь Иван Юрьевич... А мы уж зело шумны. Много дворов объехали. *(На Ревякина)* И у купца были... Понравилось мне это, истово, по дедовской старине... Давайте сядем. У меня радость нынче, — батюшка на меня не гневен... Как я узнал, — сегодня из Питербурха выс-

шие к нам жалуют, — живот заболел со страху. Чуть свет помчался в Преображенское. Зайти боюсь, а батюшка — в спальне с моей крестницей, Катериной Алексеевной. Сотворил молитву. Вошел, а они в постели лежат, веселые. Батюшка было скулы выдвинул: «Зоон, говорит, извольте доложить...» А я пуще смерти боюсь — будет он меня спрашивать про математику да фортификацию... Стою, дрожу, а Катерина Алексеевна: «Государь, для праздника ради екзамен-то оставьте...» Так и пронесло... Ну-ка, сними кто-нибудь валенки, — жарко...

К его ногам кидаются Ревякин и Буйносов.

Буйносов. Отойди прочь... Отец мой и дед были постельничими, и мне сапожки снимать у русского православного царя...

Алексей *(испуганно)*. Тихо, ты... А то — знаешь... Смотри...

Еварлаков. Э-хе-хе, не живем — оглядываемся...

Кикин. Ничего, пусть царевич слышит правду...

Еварлаков. Правда нынче околицами ходит.

Ревякин. Истинно, истинно... Храмы запустели, купола воронами обгажены.

Еварлаков. Правда есть бог, а бог — тишина да покой. *(Алексею)* Твой дед, царь Алексей Михайлович, был кротчайший, а Украину присоединил. А мы пятнадцать лет воюем и все без надобности... Всю землю разорили. Только мужика от дела отрывают. Жрать нечего, — кораблики строим...

Ревякин. Кораблям на России все равно не бывать... И наукам на России не бывать...

Буйносов. А я что говорю: дворянин — сиди дома да смотри за хозяйством, — вот и вся наука...

Еварлаков. С нашими порядками быть на святой Руси пусту...

Ревякин. Пусту ли? Не еще ли страшнее?

Вяземский. Брось, купец, воронить, — и без тебя тошно.

Алексей. А я вам такое сейчас покажу, — рот разинете... Письмецо сильненькое.

Кикин. Двери закрыть бы...

Буйносов. Здесь все свои.

Алексей. Рука известна? *(Читает)* «Зоон... Что до Федосеевской церкви — лучше оную сломать, нежели крепостную стену вести криво...» А? Лучше церковь сломать?.. «Ибо не гораздо на Москве церквам, — чаю, и пустых довольно... Так же и в прочих местах, — на Китай-городе, — лучше церкви ломай и береги пропорцию фортеции...»

Еварлаков. Основу ломает...

Ревякин. Чтоб уж и молиться негде было.

Кикин. Царевича в этом грехе долее оставлять нельзя — опасно.

Вяземский. Уехать Алексею Петровичу хоть к римскому кесарю, там пусть переждет... Что-нибудь образуется, — хуже некуда.

Буйносов. Да если царевича у нас не станет, — надеяться не на что... Государь, ведь только тем и живы, — надеемся на твой царский венец.

Ревякин. Аминь.

Алексей *(дрожит, оглядывается)*. Замолчи, замолчи, проклятый... *(Вскочил, схватил Буйносова за парик)* Нарочно мои тайны выпытываете... Вот скажу отцу, ей-ей скажу... Из-за вас, дураков, мне голову терять... Дурак, дурак... *(Бьет его)*

Буйносов. Бей, батюшка, бей, православный царь...

Алексей. Не царь я... Не царь... *(Обессилев, рыдает)* Не человек я... Вся душа изныла от страха... Отца боюсь... Меншикова боюсь... Меншиков, собака! Сколько лет меня спаивает, как на холопа, на меня кричит... Будет он у меня торчать на колу... Дай срок... Ромодановский, Толстой, Ушаков... На сковородах их зажарю на Красной площади... *(Кидается)* Кикин, Вяземский... Увезите меня на край света... Отцу не век же лютовать... Придет мой час. Все вам будет... Отцовским министрам головы отрублю... Буду жить на Москве тихо, благочинно, с колокольным перезвоном... Воевать не стану, солдат распущу, корабли сожгу... Питербурх пускай шведы берут, — место проклятое... *(Схватил Еварлакова)* Еварлаков, не выдашь? Крестись... Тебе одному скажу... Смерти *его* хочу... День и ночь о том думаю... Ведь лучше всем будет? Чего не крестишься?

Или, думаешь, грех? Будут мне за *него* адские муки? А вы что ждете? А? Почему *его* никто из вас не убьет?

Все, кроме Еварлакова, отшатываются, Вяземский отходит к окошку, Буйносов — к дверям.

Кикин. Захмелел ты, царевич...

Алексей. Трусы, трусы, холопы...

Еварлаков. Мы все того хощем, ибо тягости наши черезмерны суть.

Ревякин. Аминь.

Вяземский. Ряженые приехали...

Буйносов. Кого чорт принес?

Вяземский. В машкерах. Уж не царь ли...

Кикин. Уведите скорее, спрячьте царевича...

Алексей. Отец? Проводите меня... Куда итти? Спрячьте меня...

За окном — рожки, бубны, пищалки, топот, хохот.

Буйносов. В чулан его спрячьте... *(Махнув руками на царевича, убегает навстречу гостям)*

Вяземский *(у окошка)*. Навождение бесовское.

Все, кроме него, уводят царевича во внутреннюю дверь.

Ольга *(выбегает из другой внутренней двери, с ней Антонида с музыкальным ящиком)*. Тонька, ставь на лежанку.

Антонида. Ряженые, ряженые приехали.

Ольга заводит ящик. Вяземский кланяется русским обычаем.

Ольга *(Антониде — презрительно)*. Князь Вяземский — не кавалер.

Обе девы торопливо приседают.

Буйносов *(пятясь из двери, входящим гостям)*. Милости просим, князь-кесарь, князь Федор Юрьевич...

Входит Ромодановский в мантии и короне.

Милости просим, князь-папа, князь Петр Иванович...

Входит князь-папа в шутовской мантии с нашитыми непристойными изображениями и в жестяной митре.

Милости просим, господин граф Александр Данилович...

Входит Меншиков, одетый римским цезарем.

Ромодановский *(подходя к столу, осматривает)*. Все ли у тебя по регламенту? Икра, сельди, редька, окорока, сухие куры, колбасы, огурцы...

Князь-папа. Капусты нет...

Буйносов. А вот капустка на тарелочке...

Князь-папа. Бочку ставь на стол...

Буйносов *(вбежавшей перепуганной Авдотье, одетой во французское платье)*. Капусты бочку требует, что же ты...

Авдотья. Сейчас, сейчас... Господи, куда же ее тащить, бочку... *(Убегает)*

Меншиков *(подойдя с поклоном к княжнам)*. Изрядно веселитесь на святках, мамзели?

Ольга. Изрядно, господин граф.

Антонида. Изрядно, господин граф...

Ромодановский *(Вяземскому)*. Ну, чай, на святках старое платье надеть?

Вяземский. Денег нет на машкеры, надел отцовское.

Ромодановский. Ну, ладно, — повеселись. *(Буйносову)* А ты почему без машкеры? Указ знаешь. К трем часам всем надеть машкерады, кто бояры...

Буйносов. Не успел я, князь-кесарь... Да и нездоров я чего-то...

Князь-папа. Нездоров, — царь живо вылечит. *(Хохочет)*

Буйносов кидается к дверям, кланяется. Входит Петр, одетый лекарем, под-руку с ним — Катерина, одетая арлекином, и Анисья Толстая, одетая капуцином. Сзади Поспелов, одетый арапом.

Петр. Веселья не вижу... Святки хороните...

Ромодановский. Хозяин жалуется — нездоров.

Петр. Как тебя лечить — промывательное, очистительное, закрепительное?

Буйносов. Зуб болит...

Петр. Хирургически? Можно. Сбегай кто-нибудь, — у меня в санях готовальня... Не пьют, не едят, красавицы скучные. Князь-папа, благослови питие...

Князь-папа *(с чашей, говорит нараспев)*. Питие трижды оскверняю, непотребствуете, братия... *(Дает выпить Буйносову)* Испей от зелья сего... *(Буйносов пьет, князь-папа задирает мантию)* Плуты и казнокрады, пья-

ницы, сквернословы, обгаженные и обмоченные, дураки и умные, — подходите, лобзайте. *(Оборачивается задом к Буйносову)*

Петр *(хохочет)*. Сие духовито да здорово. Подходи, Иван Иванович...

Вяземский *(рванул на себе ворот, зашатался)*. А-ах!

Ромодановский. Тоже, видно, нездоров, Афанасий?

Вяземский. Захмелел я...

Ромодановский. Так, так, — протрезвись...

Катерина *(кланяется Ольге)*. Я, веницейский арлекин, — прошу на танец, мамзель...

Анисья *(Антониде)*. Я, превеселый капуцин, изрядный охотник до мамзелей, — прошу...

Катерина с Ольгой, Анисья с Антонидой танцуют.

Петр. Иван Иванович, а ведь я к тебе сватом. *(На Поспелова)* Моего денщика купидон пребольно в сердце ужалил... Ольгу сватаю...

Ольга. Ай, ай!

Катерина *(танцуя)*. Жених арап весьма престрашный, лицо хоть черное, да сердце горячее...

Ольга. Я такая чувствительная...

Буйносов. Против твоего жениха, государь, невеста моя немощна, худа...

Анисья. Поспит с мужиком — пополнеет... *(Катерина и Анисья хохочут)*

Петр. Живот на живот — все заживет.

Меншиков *(Петру)*. Мин херц, видишь, — валенки валяются, — здесь Алексей Петрович...

Петр. Прячется? С чего? Я на него не сердит. Иван Иваныч, ты куда сына спрятал?...

Буйносов. Царевич в чулане спит... Пьяный приехал... Не знали уж, как его и в дверь-то проводить...

Петр. Разбуди, — после святок выспится...

Буйносов уходит.

Князь-папа. Подведите ко мне отрока и отроковицу.

Петр подводит Поспелова, Катерина — Ольгу. Авдотья — в ужасе в дверях. Все повторяют слова за князь-папой.

Благословляю аз пьяных сих, нетрезвых, во имя всех скляниц, во имя всех пьяниц, во имя отца нашего Бахуса, во имя неистовой матери нашей Венус...

Авдотья. Господи, помилуй нас, грешных...

Анисья. Целовать невесту в глазки, в губки, в белые зубки...

Катерина. Слаще, слаще...

Входят Алексей и Буйносов.

Петр *(Поспелову)*. Целуй, велю...

Алексей *(кидается к ногам Петра)*. Обезумел я от пьянства, от чахотки, сам не знаю, что говорю... Чахотка у меня...

Петр. Что-нибудь здесь говорил?

Буйносов. Чепуху, одну чепуху, уж мы ему рот затыкали, — больной.

Петр. Сумнительно.

Алексей. Отпусти меня за границу... Болен я... Отец, пощади...

Ромодановский. За границу? Так...

Меншиков. За границу...

Петр. Истинно — ты весьма пьян, зоон... Так, — бежать от меня хочешь? Я к тебе добр... Хочу от тебя многого...

Алексей. Отрекаюсь от наследства... Не надо мне царства... Отпусти...

Петр *(гневно)*. Отведите его в чулан...

Меншиков и Ромодановский уводят царевича. Петру подают готовальню.

Катерина *(осторожно и ласково, — гладя по волосам)*. Другого такого дорогого не найти на свете... Не гневайся, свет мой. Поедем веселиться в другое место...

Петр. Катерина, матка моя... Ладно... *(Буйносову, — весело)* Который зуб болит? Покажи.

Буйносов. Кажись, не этот ли...

Петр. А может, другой... Вот этот?..

Буйносов. Будто бы этот...

Петр. Князь-папа, придержи ему руки... Рот шире...

Буйносов. Не надо...

Петр. У нас — ахнуть не успеешь. Шире... *(Выры-*

вает) Вот и все. Видели... *(Показывает зуб)* Не зуб, а монстра... Четыре корня изрядных... Э, брат, да я тебе здоровый выдрал... Ну, прости, пожалуйста... Катюша, едем в другое место.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Канатный завод. Рабочие вьют канаты. Свист ветра.

Лоскут *(в ножных кандалах вбегает)*. Бросай работу... Вода поднимается. *(Пушечные выстрелы)* Слыхали?.. Вода уж в городе по пояс... Дома заливает...

Все бросают работу.

Ребята, слушайте одного человека.

Голоса. Юродивый, юродивый... Слушайте, слушайте...

Варлаам *(вопит)*. Конец Питербурху... Конец Питербурху... Конец Питербурху... С праздничком, братья во Исусе... *(Кланяется)* Царство мнимое рассыпается... Ветер восстал... Море восстало... Пусту месту сему... *(Плюет на четыре стороны)* Ведомо вам: из-за моря пришли три корабля, на тех кораблях клейма привезены. Вот сюда, — между большим и середним пальцем, — указано клеймить антихристовой печатью... Только тем, кто клеймен, хлеб давать будут, а на которых клейма нет — хлеба давать не будут...

Воробей *(протискиваясь к нему)*. Антихрист пришел?

Варлаам. Нет еще, сынок, но грядет, спастись еще можно... Грядет антихрист на огнепыхательном звере, держит чашу, полну мерзостей и кала, причащаться от чаши сей...

Голоса смятения и ужаса.

Воробей. За что нас губят? За какие наши грехи?

Варлаам. Антихрист выслал вперед себя сильного

человека... Он — длинный, он с кошачьей головой, в бархатном картузе ходит по Питербурху, глазами вращает, дубинкой подпирается...

Воробей. Царь!

Общее смятение.

Варлаам. Знающие бегут от него, души спасая... Царевич Алексей Петрович за тридевять земель убежал... Царевич — святой человек, на царевиче — божья благодать... Он — наша надежда. Он меч возьмет, поразит во главу змия...

Воробей. Отец, меня благослови, меня, меня... *(Бьет себя в грудь)*

Вбегают Жигулин, приказчик и сторож с алебардой.

Жигулин. Что здесь, я спрашиваю? Что за разговор? *(Варлаам пытается скрыться)* Опять юродивого слушали... Кто привел? *(Замечает Варлаама, — сторожу)* Возьми его...

Воробей *(заступает дорогу)*. Не трогай вещего человека...

Жигулин. Прочь пошел...

Воробей *(угрожающе)*. Купец, не трогай, говорю...

Жигулин *(хватает Воробья за грудь, швыряет на пол)*. Вор, гультяй... На цепь его, в яму... Ребята, вода подступает, — живо тащи всю пеньку, весь товар на крышу... Всем по чарке водки...

Лоскут. Сам тащи, гладкой... Ветчину жрешь...

Голоса. Мы с голода пухнем... Хуже скотины сдим... Всем тут сдохнуть на твоей работе...

Лоскут *(сует Жигулину кусок)*. На, поешь хлеб с навозом...

Жигулин. Бунтовать!.. *(Выхватывает у сторожа алебарду)*

Лоскут. Город пропал, ему первому пропасть... Бери его, ребята... Бей его...

Свалка. Стены барака шатаются.

Голоса. Вода... Вода...

Жигулин скрывается.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Левобережная набережная Невы. У воды рабочие бьют сваи. Налево дощатая палатка со съестным, направо мазаный домик в два окна. Проходят Петр, в бархатном картузе и светлом камзоле, и Екатерина, позади — Толстой, Апраксин и Меншиков, одетый богато и пышно.

Екатерина. У нас здесь шестую неделю тишь, тепло. Одно сожаление — редко вас видишь...

Петр ухмыляется.

Зимний дворец, глядите, сколько уж выстроили, — я все браню Растрелли, чтобы скорее... Тесно нам очень в Летнем-то саду, в домишке...

Петр. Тесно им стало, ишь — царица.

Екатерина. Для зверинца вы прислали мартышек, — только три остались, да и у тех головы распухли. Вот я плакала... А лисица, что прислали, — смирная, игреливая, и паче всего — духу от нее нет...

Петр. В Амстердаме так и продавали, что лиса без духу. А редьку — я прислал — кушала?

Екатерина. Объелися за столом, прусский посол уж так хвалил, — что за редька! Где такую достали?

Петр. В Копенгагене купил... *(Останавливается у палатки)* Почем баранки?

Продавец *(кланяясь)*. На полушку — пара, государь Петр Алексеевич.

Петр. Дорого. На полушку — три. Смотрите у меня, купцы, — заворовались... Я — вас... Дай-ка бараночку.

Продавец. Пожалуй — отборные.

Петр. Я неотборных попробую. *(Берет из связки баранку, пробует)* Дрянь баранки. Смотри на полушку — три. *(Сует остаток в карман)*

Екатерина. За границей, я чаю, вы изрядно повеселились.

Петр. Ни-ни... В Карлсбаде во время питья вод доктора домашние забавы совсем запретили.

Екатерина. Ох, так ли?.. Сумнительно...

Петр. Трудновато было, трудновато... Раз подвернулась одна мадамка, да я ее скоро отпустил...

Екатерина. Красивая, веселая?

Петр. Да похожа на вас маленько... Гляди, как надулась... Первое, что на мышь стала похожа, второе, что

я — шучу... Где уж нам с мадамками забавляться, — мы люди старые, не таковские...

Катерина. Напрасно затеяли, что не таковские... Молодым-то гребнем не причешешься, только исцарапаешься, старый гребень лучше чешет...

Петр *(толкает ее под бок)*. Болтай, Евина дочка...

Катерина *(обернувшись)*. Тише, — придворные глядят... А мы что ни год — от вас брюхатая... Вот какие вы, старики, таковские... *(Петр засмеялся, хотел ее обнять, она отстранилась)*

Петр *(глядит на реку; внезапно)*. Эй, там, в шлюпке!

Голос *(с воды)*. Есть...

Петр. Разиня... Парус полощется... Подтяни шкоты. Рифы отдай. Моряки-горе... Ужо приходи ко мне — я тебя попотчую. *(Показывает дубинку)*

Голос. Есть...

Петр *(показывая на ту сторону Невы)*. Это что ж такое?

Катерина. Дворец Меншикова, только что леса сняли...

Петр. Нет, — правее я показываю...

Катерина. Александр Данилович заложил Камер-Коллегии строить, как вы указали...

Петр. Торчком к Неве!.. Вор! *(Гневно обернувшись)* Светлейший князь.

Меншиков *(подбегая рысью)*. Что случилось, мин херц?..

Петр. Тебе указано дом Камер-Коллегии ставить лицом вдоль Невы...

Меншиков. Местечка нехватило, мин херц... Уж очень длинен, — двенадцать Камер-Коллегий... Решили поперек острова повернуть... Красиво...

Петр. Вор... Своевольник... Всему свету известный вор и казнокрад... Тебе место на острове для своего дома понадобилось... *(Бьет его палкой)* Разорю... В яме сгною...

Меншиков. Прости, прости, мин херц... Мне ничего не надо, одну любовь твою боюсь потерять...

Петр. Пироги продавал, — будешь пироги продавать...

Меншиков. Хорошо, мин херц, слушаю тебя. *(Вытирая кровь, уходит)*

Петр. Города весь план мне испортил... *(Бьет пушка, играют куранты)*

Катерина *(робко)*. Петр Алексеевич, адмиральский час...

Шмитгоф *(в куртке, в колпаке, с трубкой — у дверей домика)*. С адмиральским часом, герр Питер...

Петр. Мастер Шмитгоф, здорово, как живешь?

Шмитгоф. Очень хорошо. Стаканчик водки, герр Питер... *(Достает из окна чарку на тарелке)*

Петр. С адмиральским часом, мастер Шмитгоф. *(Пьет, закусывает кренделем)* Меншикову я не прощу... Все у вас — кое-как без меня... Набережную не замостили... Грязь, вонь... Господин адмирал...

Апраксин и Толстой торопливо подходят.

Разве так бьют сваи, — криво, накосо... Кто здесь работает?

Апраксин. Дети дворянские.

Петр. Какие дети дворянские?

Апраксин. По указу вашему присланы из Москвы, — понеже не желали учиться математике и фортификации и за море ехать не пожелали же... Определено им — в наказание бить сваи на Мойке и на Фонтанке...

Петр. За дело. Чего ж ты нос повесил?

Апраксин. Великие муки принимают сии вьюноши, — глядеть — сердце разрывается.

Толстой. Да, гиштория партикулярная...

Катерина. Отцы их в ногах валяются, — так-то мне надоели. Свет мой, ради приезда радости — уж простил бы детей-то...

Апраксин. Как раз на той неделе посылаем новиков в Голландию, а грамотных мало...

Петр *(поманил пальцем)*. Господа дворяне...

Апраксин. Вьюноши, приблизьтесь без страха.

Появляются несколько оборванных юношей, среди них Мишка Буйносов. Все валятся в ноги.

Петр. Встать! Ну, что, — надумали учиться?

Мишка. Надумали...

Петр. В Голландии пьянствовать станете или учиться?

Мишка. Учиться будем...

Голоса. Прости нас, великий государь...

Петр. А как сваи бьете... За такую работу с десятника шкуру спускают... Ладно, поработайте еще, а я подумаю.

Дети дворянские уходят.

Петр *(продолжая прогулку, — Катерине)*. Дети дворянские! В Штетине допрашивал княжонка Шаховского, — чему тот за два года научился. Ничему! Пиво пить с девками... Я отвернусь, а холоп его — калмычонок — из-за стула ему подсказывает. Я калмычонка за ухо... Екзамен, — все знает: такой умный калмычонок... Указал ему быть офицером во флоте, а Шаховского — в матрозы, пускай линьков попробует...

Идет Воробей с тюком пеньки.

Толстой *(поспешно)*. Государь, осторожнее...

Воробей *(увидел Петра, уронил тюк)*. Кошачья голова... Зверь...

Петр *(хватает его за плечо, у Воробья из-за пазухи падает нож)*. Ты что?

Подбегают Толстой и Апраксин.

Кто? Отвечай...

Воробей. Убей сразу...

Толстой. Э, голубчик... Нож-то у тебя знатный... Кто тебе дал нож?

Воробей. Не скажу.

Толстой. Скажешь, голубчик, — на дыбы поднимем и кожу сдернем...

Воробей. Пытаный уж, пытаный.

Петр *(отстраняя Толстого)*. Дурачок, мучить не стану... Вина, хлеба дам... Отпущу, — скажи — кто тебя послал?..

Толстой. Отвечай — на спицы поставим...

Петр *(Толстому)*. Поди прочь... *(Воробью)* Знаю, что вы про меня думаете... Взгляни. Человек такой же, как ты... А ты убить хотел...

Воробей всхлипнул.

Кто тебя послал по мою душу?..

Алексей *(тихо, в гневе)*. Отвяжись от меня к чорту, пес...

Буйносов. Я пытки боюсь... Донесешь на меня, — со страху наговорю, чего и не было... *(Совсем тихо)* А чего и было... Помнишь, как ты кричал: «Отец-де по городу пеший бродит, — уходить его можно ножом али ножа в три...»

Алексей *(тихо)*. Дьявол, дьявол, проклятый...

Буйносов. Слабый ты человек, Алексей Петрович...

Из домика выходят Катерина и Авдотья Буйносова.

Авдотья. Миша мой пишет, — в Амстердаме так заучился, — пишет, — головка кружится...

Катерина *(бросает крошки через решетку)*. Павлин, павлин...

Авдотья. А гуси, утки — где же у тебя, государыня матушка?

Катерина. Гусей, уток в Летнем саду не держим, здесь чистая птица... Павлин, павлин...

Авдотья. Умно, государыня матушка, умно, — русская птица гадит обильно и еще вши на утках...

Катерина. Павлин, павлинушко...

Буйносов. Авдотья, помолчи хоть немного, дура, — чего несешь...

Авдотья *(покашляв)*. Я статс-дама, Иван Иваныч, и знаю, что говорю.

Буйносов. Дерзка стала...

Авдотья. Государыня мне волю дала — с вами разговаривать...

Алексей *(с голубем у груди приближается к Катерине)*. Голубка вот, держу у сердца, будто сыночка твоего, Петеньку, ангела цесаревича прижимаю... Радость какая — на границе узнал, что братец у меня, заплакал от счастья...

Катерина. Что ты ее давишь, так задушить можно, — отпусти лучше.

Алексей. Лети, счастливый... *(Отпускает голубя)*

Катерина. Ты и впрямь в монастырь собрался?

Алексей. Одно меня в жизни держит... Одно... *(Вдруг припал на колени, тряся плечами, целует край Катерининого платья)*

Катерина. Встань, нехорошо, Алексей Петрович.

Алексей. Помоги, помоги. Не погуби... Выручи Афросиньюшку.

Катерина. Кого?

Алексей. Девицу Афросинью — жену мою перед богом... Оставил ее в Берлине брюхатую, — дороги тогда были тяжелы... Третьего дня приехала, — ей вот-вот родить... Ее с корабля сняли, схватили, прямо увезли в крепость... Толстой третьи сутки допрос чинит... Ей грубого слова, бывало, не скажешь.. Ее — в застенок... На дыбу...

Катерина. Ох! Дела эти... Не плачь. Уж скажу отцу, скажу...

Монс появляется, одет по последней французской моде, кланяется

Катерина *(ласково)*. Дебошан французский, Виллим Иванович.

Монс. Его величество государь изволили прибыть на шлюпке.

Катерина. Обед готов, Виллим Иванович, давно ждем...

Монс. Осмелюсь, ваше величество, вас — отдельно...

Катерина *(отходя с ним)*. А что случилось?

Монс. Государь весьма тяжело расположен... Они прямо из крепости, с розыска...

Катерина. Ох...

Монс. Лучше б всех удалить...

Катерина. И то, удалю от греха... Виллим Иванович, все замучились, конец бы этому розыску... Государь по ночам зубами скрипит, кричит... *(Буйносовым)* Пойдемте в дом, на мою половину, государь один будет кушать.

Авдотья *(мужу)*. Когда государыня проходит, тряси шляпой.

Буйносов. Етикет без тебя знаю..

Катерина и Буйносовы уходят в дом.

Монс *(Алексею)*. Вы, государь мой, задержитесь.

Алексей. Батюшка хочет со мной говорить? Виллим Иванович, друг, благодетель, батюшке ты не шепнул про Афросинью? А?

Монс. Я лишь секретарь при ее величестве для личных поручений, — делам государственным не причастен...

Алексей. Государственное дело?.. Ты меня пугаешь, друг...

Входят Петр, Толстой и Поспелов.

Петр. Зоон...

Алексей. Батюшка, милостивый... *(Пытается поцеловать руку)*

Петр *(отдергивая руку)*. Веселые дела узнал про тебя... Горестно мне, зоон... *(Садится. Монс уходит в дом)*

Толстой *(сухо кашлянув, вынимает из папки бумагу)*. Показание...

Петр. Подожди... *(Сыну)* Не однажды писал я тебе... Много тебя бранивал. Не только бранивал, но и бил... Почитай сколько лет не говорю с тобой... Ничто не успело, — все даром...

Алексей. Вашей воле я покорен, батюшка...

Петр. Всем известно: ты ненавидишь дела мои... И по мне разорителем всех дел моих будешь... Молчи, зоон, лучше — слушай... При моем отце был у нас единственный корабль, гнил на Волге. Ныне наши флоты плавают в трех морях... Неприятели боятся нас... Несносными трудами устроили разные мануфактуры... На людей стали похожи... Бояр, любезных тебе брадами да ленью, дубиной гоню с печи — за море учиться... Купцы наши теперь, слава богу, не последние за границей, на биржах... Всех сих дел ты разорителем будешь... Молчи, зоон, — более верить тебе не могу... Хотя бы истинно ты захотел дела мои беречь, тебя принудят к разорению оных большие брады, бояре да попы — ради тунеядства своего... Ибо ты равнодушен. Нельзя быть, зоон, ни рыбой, ни мясом... Я не щадил людей, я и себя не щадил... Чего не домыслил, что дурно делал, — что ж! — виноват... Но за отечество, за люди я живота своего не жалел и не пожалею. Помысли, как могу тебя, непотребного, пожалеть?..

Толстой. Алексей Петрович, по вашем прибытии государь поверил, что вы ему, как на исповеди, все открыли...

Алексей. Все, все... Батюшка, я всех выдал, всех...

Ах, одного запамятовал — князя Буйносова Ивана Ивановича...

Толстой. Сей нам известен...

Алексей. Батюшка, вы обещали отписать мне деревеньку в глуши, где бы я день и ночь молился за ваше здравие... Окажите милость последнюю — дайте мне согласие на брак с Афросиньей...

Петр. С Афросиньей? *(Глядит на Толстого)*

Толстой. Курьезите...

Петр. Нет, зоон, в деревеньку тебя сослать невозможно...

Алексей. В монастырь? Молод я еще, для схимы не годен...

Петр. Нет, и не в монастырь. *(Толстому)* Прочти ему...

Толстой *(читает)*. «По прибытии в крепость жившая с царевичем девка Афросинья по своей воле сказала за собой слово и дело...»

Алексей. Сама? Нет! Не поверю...

Толстой. «После чего вышеназванной девке учинен допрос. На оном она показала — царевич-де в гневе говаривал на государя простые слова и говаривал: «Меня-де австрийский император любит, он мне даст войско, если захочу. Только я и без войска обойдусь, — отцу-де не вечно жить, он пьет много...» И еще говаривал: «Хотят, чтоб я отрекся от престола, я любое письмо дам, это-де не запись с неустойкой, — дам, да и назад возьму. А мне только шепнуть архиереям, архиереи шепнут приходским священникам, а священники прихожанам, — все будет, как я захочу: меня чернь любит...» И говорил еще: «А захотят сослать в монастырь, — ну, что ж! — я пойду: клобук не гвоздем к голове прибит...»

Петр. Так...

Алексей. Ничего не говорил и не думал...

Петр. Зоон, сам я не отважусь такую болезнь лечить... Посему вручаю тебя суду сената...

Алексей. Смилуйся... Оправдаюсь... Богом клянусь...

Петр. Стража...

Толстой. Господин поручик...

Поспелов. Есть...

Алексей. Поверь в последний раз...

Петр. В железа его.

Поспелов. Есть.

Алексей. Батюшка, родной, пожалей... *(Ему крутят локти)* Что вы делаете?.. *(Уходящему Петру)* Отец, не вели пытать.

Петр, не оглянувшись, уходит.

Толстой. Алексей Петрович, об Афросинье не горюй, девка была к тебе подослана...

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Каземат в крепости. У двери Поспелов курит трубку. На дощатой койке в тулупе лежит Алексей. Бьют крепостные куранты.

Алексей *(бормочет)*. Поведут на плаху, и тулуп снимут, и голову на плаху положат... Палач занес топор... Вдруг — стой, стой!.. Офицер скачет, грамотой машет... Стой, стой, палач!.. Помиловали... Господи, господи, а вот — опоздай на минутку... Господи, не дай опоздать... Опять тулуп наденут... В санях увезут... *(Приподнялся)* Василий...

Поспелов. Ну?

Алексей. Афанасия Вяземского помиловали?

Поспелов. Вчерась кончили на колесе...

Алексей. На колесе-е... Да... Афанасий Вяземский был плохой человек... Не оговори я его, он бы все равно попался... Вася, а это недавно кто кричал?..

Поспелов. Один из твоих...

Алексей. Им надо было понимать, зачем они толкали меня на супротивство. В оба уха нашептывали — то плохо и то плохо, я им и верил... Уж, кажется, чего — прикажет батюшка приехать на ассамблею, а мне кажется, лучше в лихорадке биться, чем сидеть с его министрами... Был один поп, он на меня глазами сверкал: что Москва — третий Рим, иностранцев всех надо перебить, границы закрыть и, как было прежде, восстановить древнее благочестие... Чорт этот поп... Чорт окаянный... *(Пауза)* Водицы!..

Поспелов дает пить из кувшина.

Руки вывернуты, а спине теперь не больно, как маслом помазали... Вася...

Поспелов. Ну, слушаю.

Алексей. Сенат приговорил к смерти. А батюшка ведь может помиловать, он выше сената... А?

Поспелов. Вряд ли...

Алексей. Ты бы лежал, а я бы стоял, я бы тебе не так ответил... Эх, вы — звери... Вот погоди, меня еще помилуют, я тебя на кол когда-нибудь посажу...

Поспелов. Покурить хочешь?

Алексей *(затянулся)*. Горько... Ох, тоска, тоска... Вася, сбегай к царю, — я от имени отрекусь... Народу скажут — казнили, а меня тайно — в Соловецкий монастырь... Без имени, тихонько, так и проживу там...

Поспелов. Не пойду. Лежи смирно... Мужчине нехорошо смерти бояться... А еще царствовать хотел... Эх, ты...

Алексей. Томно.

Поспелов. А ты засни.

Алексей. Мальчик у нее родился?

Поспелов. У кого?

Алексей. У Афросиньи...

Поспелов. А чорт ее знает...

Алексей. Она где теперь?

Поспелов. У коменданта живет...

Алексей. Проклятая, проклятая... Хуже всех ненавижу... Ужалила в сердце... Гада, рыжая... Ребенку ее не жить... Ребенку моему проклятие отцовское... Анафема...

Поспелов. Будет тебе безобразничать... Спи...

Шаги, звон ключей. Алексей приподнимается, глядит на дверь. Входят Петр, Меншиков, поп Битка, Толстой, князь-папа в черном плаще, Апраксин.

Петр. Проститься с тобой пришли. Можешь — прости... Зла к тебе не имею... Помню, как носил на руках... Что ты сын мой, помню... Любил тебя мало — прости... Виноват... Прощай... *(Целует в лоб)*

Меншиков. Прости, Алексей Петрович, много согрешил перед тобой... *(Целует)*

Толстой. Алексей Петрович, преужасный грех мой перед тобой... Трудно, — не насилуй себя, не прощай... *(Заплакал)*

Апраксин. Прощай, скоро и я, старик, за тобой...

Князь-папа. Прости меня, безобразного, скверного, многогрешного...

Битка наклоняется с крестом, шепчет.

Алексей *(Битке)*. Умоли отца — помиловать... Что ты, глухую исповедь читаешь...

Петр *(отойдя к двери, берясь за дверь)*. Кончайте...

Все бросаются к Алексею.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Новый Зимний дворец. Проходная комната с закоулками и дверцами. Туалетный стол, свечи. Ольга и Антонида, обе пышно одеты.

Ольга *(бежит к туалету — пудриться)*. Сейчас императрице будут делать кран куафюр. И, значит, большой выход, потом — обед. Царевна Анна Петровна и герцог Голштинский сядут за отдельный стол. Государь сегодня будет маршалом на пиру...

Антонида. Ольга, какие палаты!.. В Москве таких и не видали...

Ольга. Иностранцы удивляются — русский Версаль. Муж с тобой приехал?

Антонида. Нет, опять где-то в Сибири, — купчина, мужик. Ольга, скучно живу, только что денег много...

Ольга. Тебе, Тонька, нужно немедля завести аманта при дворе...

Антонида. Кого?

Ольга. Любовника взять, гвардии офицера... Их нынче развелось, — войны-то нет... С ним — на все балы, машкерады. Делай ему подарки, — когда табакерку, когда шелковые чулки, когда и деньгами... Чтоб тебе завидовали...

Антонида. Ой, а муж узнает если?

Ольга. Дура московская, как же в свете — без изящного любовника? У всех аманты.

Антонида. Оля, и у тебя?

Ольга. Милая, не один десяток сменила... Их нужно менять: все с одним да с одним, в свете скажут — редикюль, смешно... Этого больше смерти бойся... Ах, Тонька, высший свет — это праздник, понимаешь, без отдыху праздник... Пиры, танцы, любовь... Петербург — это парадиз... Императрица!.. Ты знаешь, как кланяться? Большой реверанс...

Антонида. Чай, присяду...

Входят Катерина в пудромантеле, Монс, Авдотья Буйносова, несколько дам и парикмахер. Катерина садится у зеркала, Монс — у ее ног на скамеечке.

Парикмахер. Вотр мажесте чуть-чуть бледна сегодя...

Катерина. Уксусу понюхать...

Авдотья и дамы кидаются за уксусом.

Авдотья *(одной из дам)*. Пусти, пусти, сама подам...

Дама. Пардоне муа, уксус всегда я подаю...

Авдотья. Пусти, не так подашь...

Дама. Пардоне мау, умру, не отдам...

Катерина. Что же вы, стаст-дамы?

Дама *(подает)*. Ваше императорское величество, извольте понюхать...

Авдотья. С похмелья, ваше величество, хорошо — рассолу...

Катерина. Знаю... Не по етикету... Виллим Иванович, усладите слух...

Монс. Истинно, не спал всю ночь, — сочинял — так мысли и лезут... *(Читает по бумажке)*

Ах, что есть свет, и в свете — все противно...
Не могу жить, ниже умереть... Сердце тоскливое,
Долго ль еще мучиться? Купидо, вор проклятый,
Пробил стрелою сердце, — лежу без памяти...
Ах, тоска великая... Сердце пробитое
Кровью-рудой запеклось, и жала стрелы не вынути...

Катерина. Весьма чувствительно, чудные вирши... *(Дамы тихо аплодируют)*

Антонида. Оля, вот бы этого — в аманты...

Ольга. И думать не смей, Тонька...

Парикмахер. В Версали ле дам дю монд более не выпускают буклей... Осмелюсь: сет букль — се па за ла мод...

Волнение среди дам.

Катерина. Нам также букли носить не в авантаже — убери.

Парикмахер. Это делает честь великому вкусу вотр мажесте. Можно объехать все дворы Европы, — великий вкус, роскошь русского двора затмевает все на свете...

Катерина *(дамам)*. Подкрепительного.

Монс. Извольте подкрепиться рюмкой венгерского...

Катерина *(отстраняет)*. Покрепче, — перцовой... *(Парикмахеру)* Подрумянь щеки...

Парикмахер *(трогает заячьей лапкой)*. Вуаля! *(Откидывается)* Вотр мажесте подобна утренней заре... *(Снимает с нее пудромантель)* Северный Венус!

Анисья Толстая быстро приближается, шепчет Катерине на ухо.

Катерина *(схватясь за сердце)*. Что ты говоришь! У кого оно?

Анисья Толстая. У Петра Андреевича Толстого.

Катерина. Что же теперь будет?

Анисья Толстая *(громко)*. Ваше императорское величество, весь двор ожидает в нетерпении...

Катерина. Подайте шифр... *(Тихо)* Виллим Иванович, побудьте здесь, — я улучу минуту...

Монс. Что случилось?

Катерина. Страшное... Статс-дамы, ленту и шифр...

На Катерину надевают ленту с алмазами. Катерина, за ней все дамы идут к дверям в зал. Музыка. Одновременно из других дверей проходит в зал царевна Анна Петровна с сестрой, теткой и царевичем.

Ольга *(Антониде)*. Невеста Анна Петровна, — за платье десять тысяч рублей плочено. Эта, в персиковой робе, — царевна Елизавета Петровна... Ее за французского короля сватают... В черной робе — царевна Анна Иоанновна, герцогиня Курляндская... Видишь, толстомордый, у дверей жмется, — ее любовник, Бирон, из ко-

нюхов взятый... Мальчик хорошенький — царевич Петр Алексеевич, государя внук...

Ольга и Антонида уходят вслед за другими. Монс чистит ногти у зеркала. Появляется Буйносов во французском платье, но без парика, на голове шутовской колпак.

Буйносов *(падая к ногам Монса)*. Благодетель...

Монс *(не глядя)*. Что, князь Иван Иванович?..

Буйносов. Да за что же? Опять парик содрали с головы, колпак надели.

Монс. Таково приказание императора тебе шутить и шалить за столом герцога Голштинского... Что? Тебе мало чести?

Буйносов. Ради такого дня... Я бы на большой выход парик-то надел, а уж за столом — колпак...

Монс. Нельзя...

Буйносов. Виллим Иванович, а насчет того дела, — меня в Сенат сенатором? *(Сует ему в руку)*

Монс. Что это?

Буйносов. Табакерка рыбьего зуба — со вложением...

Меншиков *(входит, — Буйносову)*. Поди, поди, князь Иван Иванович...

Буйносов *(кланяется)*. Светлейший... *(Уходит)*

Меншиков. Сердечный, наивернейший друг Виллим Иванович. Я уж к тебе... Замолви за меня, шепни. Донос, опять донос... Петр Алексеевич который день видеть меня не хочет...

Монс. С коей стороны донос?

Меншиков. Чорт их знает, — Толстой либо Шафиров... Будто я опять хапнул на военных поставках. Сплетни же, — на что мне деньги?

Поспелов *(входит)*. Виллим Иванович, внизу купцы пришли, Жигулин, Свешников, Шорин... Просятся в зал...

Монс. Кто их пропустил?

Поспелов. Жигулин говорит, государь с ними вчера в аустерии на Петербургской стороне вино пил и велел прийти...

Монс. Глупости. Гони купцов в шею. На ковры натопчут мужицкими сапогами.

Поспелов. Дело твое. *(Уходит)*

Меншиков. Да, императорский двор, — нельзя

нельзя... Ты еще маленький был, у Петра Алексеевича, бывало, в домишке, кто только за столом не шумит... Простое было время. Виллим Иванович, не во-время моя опала. Государь плох, мрачен... А ну, как... спаси боже, спаси боже... Кому наследовать? Завещания-то нет... Крепость государства на нас троих стоит: императрица, ты да я... А тут — враги мои... Шепни государыне, он ее слушает. Друг! *(Хватает его за руки)* Ах, ручки твои белые, по мерке им индийский изумруд... Носи... *(Снимает с себя перстень, надевает Монсу)*

Монс. Надейся на меня, как на каменную гору.

Входят Толстой и Шафиров.

Шафиров *(с усмешкой)*. С черного крыльца забегать стал светлейший-то.

Толстой. Не связывайся с ним, хуже чорта прилипнет.

Они церемонно раскланиваются с Меншиковым.

Шафиров. Давно тебя во дворце не видно, светлейший, здоров ли?

Меншиков. Почечуй маленько пошалывает, барон Петр Петрович, да подагра.

Шафиров. Понятно, понятно.

Меншиков. То есть — что тебе понятно?

Толстой. Со счетами у тебя нехорошо выходит, Александр Данилович...

Меншиков *(задыхаясь от бешенства)*. Какие счета? Какие еще тебе счета!

Толстой. Ай, ай, ай...

Шафиров. По многу хапать стал, светлейший, разбойничаешь, казна трещит.

Меншиков. Докажи! Сам — вор, жид крещеный...

Шафиров. Но, но!

Толстой. Господа министры, господа министры...

Шафиров. Тебе давно надо ноздри вырвать...

Меншиков. Собака, на колу сдохнешь!.. *(Оба схватываются за шпаги)*

Толстой. Господа министры, лайтесь в другом месте.

Меншиков. А ты, святоша, — вор самый первый...

Толстой. Нельзя судить огулом, ваша светлость, не все воруют...

Меншиков. Нет, все... Ты с турецкого визиря сколько сдернул?

Толстой. Сплетни.

Меншиков. Нет такого человека, — хоть копейку, да украл. *(На Шафирова)* Его потряси, сколько из него посыплется...

Шафиров. А ты меня поймай...

Меншиков. Эх... Одни дураки нынче не обманывают государя...

Во время этой сцены Петр незаметно вышел из дверцы, ведущей в его токарную комнату, он в байковой куртке и колпаке.

Петр. О чем спор?

Толстой. О пустяках повздорили...

Петр. Спорили — кто меня еще не обманул?

Меншиков. Шутили, мин херц.

Толстой. Спор о том: у светлейшего князя в счетах темно, — железо-де им куплено по два рубля за пуд, а стороной известно, платил он на Урале Акинфию Демидову по рублю...

Меншиков. Врет, врет, — платил по два рубля, как перед господом... Пусть разберет господин Сенат...

Петр. Помолчи. *(Шафирову)* А ты что украл?

Меншиков *(на Шафирова)*. Пусть он даст отчет о казенных деньгах, — когда в Париж ездил...

Шафиров. Да я за каждую копейку государеву душой болею... Обидно... *(Заплакал)*

Петр *(Толстому)*. Ты что скажешь?

Толстой. Государь, не одни твои министры, но и сенаторы, и все чины, и дворяне все, от мала до велика, вступили в сущее расхищение казны. Не столько служат государству, сколько сидят у наживочных дел в свой карман... Бедствие велико...

Петр *(Меншикову)*. Старик Толстой, быть может, с ума спятил? Хоть ты утешь меня, что не напрасно все содеянное... *(Пауза)* Хочу предложить Сенату указ: кто украл хотя б столько, чтобы можно веревку купить, — на украденные деньги купить веревку и повесить оного... Господа министры?

Меншиков *(мрачно)*. Захочешь розыск чинить — плетей нехватит... Судить хочешь — суди всех... Казнишь — с одними черными людьми останешься. Один...

Петр *(едва сдерживаясь)*. Спасибо, утешил, сын мой любимый... Твоя голова первая полетит... И твоя... И твоя... Один останусь, один, один.

Поспелов *(появляется в глубине)*. Прибыл герцог Голштинский.

Толстой. Ваше императорское величество, извольте быть в авантаже...

Петр *(бешено)*. Поспелов!

Поспелов. Есть.

Меншиков. В железа нас взять, казнить — успеешь, оденься, Петр Алексеевич.

Министры окружают его, теснят к дверце, он пятится, скрывается. В зал проходит герцог Голштинский, — журавлиным шагом, — длинный блондин. Министры кланяются ему, уходят вслед.

Анисья Толстая *(вбегает)*. Где государь? Все ждут...

Монс. Его императорское величество еще не одет и не в авантаже.

Анисья Толстая *(тихо)*. Жди, сейчас придет. *(Уходит)*

Монс пудрится.

Катерина *(выходит из боковой двери)*. Виллим Иванович, беда.

Монс. Что? Что?

Катерина. Донос.

Монс. Донос?

Катерина. Писец из твоей канцелярии, Егор Столетов.

Монс. Столетов...

Катерина. На допросе сказал Толстому, будто видел у тебя мои письма.

Монс. Сжег. Все сжег.

Катерина. Одно не сжег.

Монс. Это... Смерть...

Катерина. Нет, нет... Я найду словечко, — государь добрее стал... Все оберну в легкое куртаже. Только ты сейчас со мной не танцуй, будто я на тебя гневаюсь... Виллим Иванович, не трепещи, — пытать не станут. А будут пытать, ты молчи, отпирайся... Я и на плахе тебя спасу... Свет мой... *(Обнимает его, целует)*

Петр *(выйдя из токарной, остановился, глядит)*. Катерина, мне — кафтан и ленту...

Катерина слабо вскрикивает, опускается на колени. Монс стоит, закрыв лицо руками.

Петр. Отошли его.

Монс скрывается.

Что мне теперь делать? Ум гаснет, научи. *(Указывает на зал)* Кафтан надеть, итти в сию кунсткамеру? Булавой стучать на вашем пиру? Глядеть, как ты юбками вертишь, распутная, меж воров, глупцов, монстров? Для того мы ломали хребет? Для того я убил сына? Для ради тунеядства любовников твоих, для ради веселья шлюх твоих напудренных? Город сей поставлен на человеческих костях. Для кого? Отвечай! Трудимся над сим огородом, поливаем потом и кровью, — видишь ты, какие цитроны и оранжи выросли! Чертополох! Сын Алексей хотел без мучительства сидеть в Кремле, долдонить в колокола, как отцы и деды. Может, Алексей умнее меня? Может, я убил его напрасно? Отвечай... Сколь жалок есть человек... Встань, подойди...

Катерина. Смерть приму легко от рук твоих... Все мне дал, все взял... *(Хочет поцеловать руку, он отдергивает)*

Петр. Его я казню. Тебя прощу. Ума в тебе мало, бабьего распутства много. Но, кроме тебя, никого нет... Отдам тебе все, — не торопись... Если начатое нами расточишь, — анафема тебе... Иди, видеть тебя более не желаю...

Входят князь-папа с булавой, Анисья Толстая и Буйносов.

Князь-папа. Господине наш, маршал пира... На столах усладительные яства, вина, пива и меды. Жених и невеста ждут. У гостей чрева пустые гудят. Господине маршал пира, извольте взять булаву, начать битву с превеликим недругом нашим Ивашкой Хмелем.

Петр встает, берет булаву.

Занавес

1929—1934 гг.

ЛЮБОВЬ — КНИГА ЗОЛОТАЯ

Комедия в 3 переменах

ВЕЧЕР, ОБИЛЬНЫЙ НЕОЖИДАННОСТЯМИ

Описанное здесь удивительное любовное приключение случилось в конце восемнадцатого века в вотчине князя Ивана Ильича Серпуховского. Князю было в ту пору лет 45, супруге его, государыниной крестнице, — Дарье Дмитриевне, впечатлительной и весьма легкомысленной женщине, шел девятнадцатый год в самом начале. Князь был чудаковат, давно уже оставил службу и жил в уединении с молодой женой, еще не вкусившей ни забав света, ни волнений любви. При доме находился постоянный собеседник князя, душевно им любимый шут, по прозванью Решето, человек почтенный и умом не острый; славился же он в округе уменьем изображать кур, петухов и иных домашних животных.

Внезапно в мирной и однообразной жизни Серпуховских произошло событие: приезжим курьером был завезен от самой государыни подарок — календарь-альманах, «Любовь — книга золотая». Галантная эта книжка произвела необыкновенное впечатление на молодую княгиню, — у нее раскрылись глаза: вот дивный рецепт, как нужно жить отныне! Князь же, Иван Ильич, книжкой был удручен и поступка княгини ни понять, ни одобрить не мог.

Был летний вечер. Сквозь полукруглые окна большой зеленой комнаты виднелся закат. Там, в саду, было слышно, как играли на пастушьем рожке.

В простенке между окон на туалетном столе горели свечи в двух канделябрах. Здесь же лежала книга.

Из боковой дверцы появился князь в стеганом старом халате и за ним Решето. Шут, стриженный и в очках, был одет в короткий кафтанчик и широкие, навыпуск, штаны.

Князь, оглядываясь, осторожно подошел к зеркалу и взял книгу. Время двинулось, очарованье началось, туман прошедших лет, как театральный занавес, поднялся над этой забытой жизнью.

Князь. Вот она, проклятая книжка. Недели ведь нет, как государыня прислала, и книжка-то небольшая,

а какая скверная. Что бы такое с ней сделать, с этой книжкой?

Р е ш е т о. Дай-ка мне, дядюшка, я ее брошу в речку.

К н я з ь. Вот тоже сказал! Кабы можно — я бы сам ее в воду бросил. Государыня сама книжку эту прислала княгине в подарок для чтения. А вот надо бы государыне и написать, что, мол, так и так, прислана книжица, и от той книжицы будет нам всем скоро пустота и разорение, потому что супруга моя — княгиня — совсем без ума от чтения, и по саду у нас уже нимфы и сатиры скачут, а княгиню поучить — никак нельзя тронуть пальцем. Так бы и написал государыне, только вот, не смею и не смею. Робею.

Р е ш е т о. Дядюшка, а ты ее спрячь подальше.

К н я з ь. Как можно! Княгиня хватится, опять срамить начнет. Водой книгу разве покропить, святой водой?

Р е ш е т о. И то. А какая же это книга такая?

К н я з ь *(раскрывает осторожно книгу)*. Называется: «Любовь — книга золотая. Соизволением ее императорского величества государыни императрицы оттиснута в Санкт-Петербурге в 1771 году. На предмет воспитания светского манеру детей дворянских мужска и женска пола. Календарь для любовников. Вопросы и ответы. Стрелы Купидона. Забавные анекдоты». Вот книга!

Р е ш е т о. Духовного содержания книжка.

К н я з ь *(читает из середины)*. «И вон та, которую ты мнишь любовницей, спрашивает тебя, юный Эраст: что такое канапэ? Ответ: канапэ — место, излюбленное супругами; видом своим — диван, только поусадистее, и двое, в близком хотя соприкосновении, но могут удобно на нем сидеть, и многие в том удобный для разных шалостей и забав случай находят; любовникам сия вещь предпочтительнее постели, — коль скоро постеля сминается, когда с нее встают, канапэ не сминается, но выпрямляется, сохраняя тайны резвых любовников». Нет, это книга не духовная.

Р е ш е т о. Да, это книжка того, книжка.

К н я з ь. Пускай государыня гневается, а я у княгини вышибу дурь из головы!

Р е ш е т о. Вот и верно.

Князь. И еще вишневой тростью ее прибью. Потом сама спасибо скажет. Ведь скажет?

Решето. Обязательно скажет.

Князь. Я за жену, Решето, перед богом должен отвечать. Коль скоро жена не повинуется мужу, — бери жезл свой и по спине оным ударяй ее, токмо не причиняя сокрушительного членовреждения.

Решето. Бить — это первое дело, еще бы.

Князь. Так мне и поп говорил. А книжицу, проклятую, разокаянную, в окошко. *(Идет с книжкой к окну, замахивается, чтобы бросить... С ужасом)* В саду...

Решето. Кто?

Князь. Сатана... Враг нечистый!..

Решето. Аминь, аминь, рассыпься!

Князь. Враг сатана, отженись от меня в места пустые, в леса густые, в пропасти земные, иде же не пресещает свет от лица божия.

Решето. Постой, постой... никак ведь это наш, дворовый. Это Микитка.

Князь. Рожа окаянная, изыде от меня в тартарары, изыде от меня, окаянная рожа, в ад кромешный. Аминь, рассыпься! Дую на тебя и плюю.

В это время в дверях появляются княгиня в пастушеском полосатом роброне, за ней Санька с купальными простынями, большой соломенной шляпой и с посохом, перевитым лентами, и, наконец Микита, паренек; у него поверх рубашки надета шкура, на голове — козьи рога, в руке—дудки.

Княгиня. От рук отбились! Мука моя с людьми. Вот послушайте-ка, Иван Ильич... Да что вы, друг мой, плюете на меня?.. В уме ли?

Князь. В сумерках померещилось. Взглянул невзначай в окошко, вижу — рожа окаянная. Микитка, уйди за дверь, поганец.

Княгиня *(садится к зеркалу)*. Хороши ваши людишки, нечего сказать. Сейчас иду с пруда — купалася. *(Показывая на Микиту)* Ему с утра нынче приказано сидеть в розовом кусту, играть на дудках с меланхолией, покуда не прикажу итти на людскую ужинать. А ты чем занимался в саду? Подойди...

Микита. Сроду не буду больше, матушка барыня, виноват.

Княгиня *(строго)*. Кто ты?

Микита. Не знаю.

Княгиня *(стуча пальцем)*. Кто ты, я спрашиваю?

Санька. Чего забоялся? Княгиня тебя спрашивает, какой ты породы. Отвечай: я, мол, сударыня, получеловек, полузверь, называюсь сатир.

Микита. Заучу, матушка барыня...

Княгиня. Где обитать имеешь обыкновение?

Санька. Отвечай: в роще с нимфами и иными прочими грецескими божествами. Он, ваше сиятельство, очень пужливый.

Княгиня. Не угодно ли вам послушать, Иван Ильич, чем этот мальчишка вместо дела своего занимался. Что ты делал в кусту? Ну, отвечай...

Микита. Рога отвязал.

Княгиня. Еще?

Микита. В землю хотел зарыть рога те...

Князь. Ай!.. ай!.. ай!..

Княгиня. Зачем тебе это понадобилось?

Микита. Девки задражнили — козел... козел. Крапивой стегаются...

Княгиня *(с гневом князю)*. Объясните, объясните этому гадкому мальчишке, как он меня огорчает. А у меня и слов больше нет.

Князь *(Миките)*. Ну-ка, ты, пойди-ка, братец мой, на конюшню, да и скажи там, чтобы тебя выпороли...

Княгиня. Опять ваша грубость! Я уже сказала, чтобы лесных богов, всех, обоего пола, от порки освободить. *(Миките)* Убирайся. Завтра, как солнце встанет, у меня под окном в сирени играть на рожке, рога сквозь листья казать и козлом блеять три раза тихо. А когда окно раскрою, бежать за нинфой, ловить, сладострастно взирая на прелести оной. Завтра нинфой — девка Наташка. Ступай.

Микита, поклонившись, уходит.

Руки опускаются с таким народом. Нечего сказать — большая приятность жить у нас в дому. Где поэзия, где забвение? *(Вытирая глаза платочком)* Жаннета!

Санька подбегает.

А что нинфы?

Санька. Нинфы в баню забились, сидят по сей час, не выгоним. Комары заели.

Княгиня. Позови.

Санька убегает в балконную дверь.

Князь. Вот я насчет чего, княгинюшка, поговорить хотел...

Княгиня *(перебивая)*. Иван Ильич, просила я вас привыкнуть, нет-нет да и взяли бы табакерку и табаку понюхали ж. Хоть при мне-то будьте дебошаном светским.

Князь. Чихаю от того табаку, Дарьюшка, да и грех. Однако для тебя готов и понюхать. *(Вынимает табакерку, большой платок и нюхает)* Что ты меня все на вы да на вы — срамишь при всем народе. Вот даже Решето и тот заметил: «Как, говорит, так у вас с княгинюшкой тяжело выходит...»

Княгиня. Не Решетом, а зваться приказано ему Фенимел... Боже, какая скука!.. *(Развернула книгу, читает)*

Князь *(подталкивает Решето)*. Помоги, братец...

Решето *(княгине)*. Ваше сиятельство, Решетом зовусь по причине сильно конопатого лица своего, а в святом крещении — Осип. Для вас же, ваше сиятельство, не только Енимелой, но готов и петушком. *(Хлопает себя по бокам и кокуречет)* И курочкой. *(Кудахчет, вынимает из заднего кармана красное яичко, подает)*

Князь *(смеясь до слез)*. Княгинюшка, ведь курица, настоящая курица.

Княгиня. Прикажите ему убраться вон.

Решето. Что, плохо, что ли?

Князь. Уходи, сказано, уйди.

Решето обиженно уходит.

Ну, и кудахчет, — ловкач! Так кудахчет — закроешь глаза, и кажется тебе, что не человек это кудахчет, а курица. Во всей округе никто лучше его не кудахчет. Был у князя Лыкова шут Пузан, тот важно кричал перепелом, но помер.

Княгиня. Хотя бы вы что-нибудь светское за весь день сказали. А то ваших слов я даже и не понимаю.

Князь *(сразу переменившись, деловито).* Я, княгинюшка, по совести говоря, к тебе зашел за делом. Женщина ты молодая, горячая и с норовом, и ведь так, душа моя, как неделю эту живем, так и до беды недалеко. Постой, не перебивай, а то собьюсь. Матушка, выкинь дурь из головы, отдай мне прелестную книжку, я на чердак снесу или отдам попу, он спрячет.

Княгиня. Вы, Иван Ильич, — пейзан, невоспитанный человек.

Князь. Э, матушка, по старине живем, дураками нас, ни дедов, ни прадедов, никто не считал. А французские нравы нам не пристали. Голова кружится. Государыню императрицу почитаю после богов первою, но, ей-богу, напишу, чтобы уволила нас от тех прелестных книг. Скажи, скажи, ну, что хорошего вычитала ты из этой книжки?

Княгиня *(сидит, уронив руки, глядя на свет свечей).* Ах, кабы кто знал, какая мне охота изящного любовника себе завести.

Князь *(садится в кресло, схватывает себя за голову, бормочет).* Враг сатана, отженись от меня в моря бездонные, безлюдные, иде же не пресещает свет лица господня. Аминь... аминь... рассыпься... *(Вскакивает)* Не стерплю, Дарья! Скажи — пошутила. На скотном дворе сгною!

Княгиня. Боже мой!.. Боже мой!.. *(Залилась слезами)*

Князь *(упав духом).* Скажи — пошутила... Не вводи меня в грех Христа ради...

Княгиня. Не касайтесь меня холодными руками... Теперь я поняла, какой вы человек... Злодей!..

Князь. Куда же податься-то... Вышла замуж — терпи, княгинюшка.

Княгиня. Терпеть? Чтобы красота моя даром пропала? До сырой могилы терпеть ваши грубости, в диких и страшных лесах жить — не хочу!.. Погибну и погибну здесь, как цветок... В Санкт-Петербурге балы, иллюминации, светские интриги... А вам и думы нет, что не последней была бы красавицей в свете. В монастырь уйду, чем в слезах увядать, глядя на ваше лицо противное.

Р е ш е т о *(из двери шопотом)*. Наскакивай, дядюшка, наскакивай, не робей...

К н я з ь. Принеси вишневую трость.

Шут скрывается.

Сей тростью дед мой бабку учил, и матушка не раз оной учена в рассуждении добротолюбной жизни. Так уж ты не осуди, княгинюшка, — горько и обидно, но долг выполнить обязан, а там — что бог пошлет.

К н я г и н я. Пальцем тронете, государыне напишу, вам ноздри вырвут, сошлют на Тобол-реку на казенные работы.

К н я з ь. В Российском государстве нет такого закона.

Шут приносит трость.

Уйди, Решето.

Р е ш е т о. Уйду, уйду, батюшка, уйду... *(Уходит)*

К н я з ь. С молитовкой приступим, княгинюшка...

К н я г и н я Да вы всерьез?

К н я з ь. Читай Богородицу... *(Плачет)* Читай Богородицу, Дарья Дмитриевна, бить буду сейчас...

К н я г и н я *(схватывает книжку)*. Остановитесь!.. с одобрения моей крестной, государыни императрицы, напечатано здесь... Вот... *(Ищет в книге)* О супругах. Нет, вы извольте слушать... «Вопрос: что есть супруг? Ответ: муж, рогами украшенный и глупостью подобный птице Пингвинус. Как оная птица в гнезде своем вертит головой, гордясь и чванясь, не имея к тому натурального резону, так и супруги во всем свете смеху подобны...» Подождите, подождите... А вот: «Обмануть супруга. Супруга обмануть то же, что полководцу хитростью выиграть сражение. Но, сколь война долгими походами и кровопролитиями обильна, — супруга обмануть случается без больших трудов и потерь, и даже не покидая своей постели. Примечание. Многие прелестницы для сих уютных сражений постели предпочитают канапэ». Теперь — что такое канапэ?..

К н я з ь. Читал... Отдай книжку.

К н я г и н я. Пустите-ка...

Вырывают друг у друга книжку.

К н я з ь. Отдай книжку...

Княгиня. Пустите-ка...

Решето. Дядюшка, помочь?

Княгиня. Девушки, девушки, Жанетта!..

Князь. Отдай книжку...

Санька *(появляясь в балконной двери)*. Батюшки, княгиню нашу убивают!.. Девушки!.. Девушки!..

Из сада появляются Наташа, Дуняша и Стеша, одетые нимфами, то есть в коротких туничках и венках.

Чего смотрите, княгиню убивают!..

Санька и девушки помогают княгине, Решето — князю.

Князь *(вырвав книжку)*. Вот она, проклятая книжка!..

Княгиня. Монстр кровожадный! *(Садится в кресло, обмахиваясь платком)*

Князь. Беги, Решето, за бургомистром. Этих трех дур разослать по деревням.

Решето. Бегу, бегу. *(Уходит)*

Князь. А ты, Санька, будешь у меня целый год спину чесать...

Княгиня. Неслыханное злодейство!

Санька. Воля ваша безвинно людей увечить...

Князь. А вот книжку при тебе на мелкие куски изорву! *(Раскрывает книгу, из нее выпадает маленькое письмецо)*

Княгиня. Письмецо!..

Князь. Письмо какое-то. *(Поднимает письмецо)*

Княгиня, быстро подойдя, глядит.

Князь. От кого?

Княгиня. Сама не знаю.

Князь разворачивает письмецо, вдруг оба они вскрикивают и глядят в страхе друг на друга.

Князь *(шопотом)*. Подписано — Екатерина...

Княгиня. Государыня!.. В книге лежало, а я и не заметила.

Князь. Очки мне, очки дайте... Что пишет?..

Княгиня *(берет письмо у мужа, читает)*. «Мне кажется, сударыня, что из вашего письма, переданного мне с оказией, надлежит вывести двоякое заключение: пер-

вое, что вы меня очень любите, хотя я-то чаяла, что совсем забыли...»

Князь. Когда вы, княгиня, изволили писать ее величеству?

Княгиня. На прошлом месяце. *(Читает)* «И далее, — но здесь я даю волю своему удивлению и разгневанному перу, — что ваш муж несносный чудак».

Князь *(сперепугу крестится)*. Пронеси, господи.

Княгиня. «За что жестоко собираюсь ему отомстить в новой комедии».

Князь *(моргая глазами)*. Пропал, пропал совсем...

Княгиня. «Дабы хотя немного утешить вас от ваших огорчений, обещаю, проездом в Тавриду, куда меня везут глядеть на покоренные земли и народы, сделать тайком от моих тиранов небольшой крюк,— поцеловать ваши розовые щечки и побраниться с вашим мужем. Екатерина».

Князь. Головой я ослаб, княгинюшка. Как есть ничего не понимаю.

Княгиня *(растерянно)*. Государыня будет к нам в гости.

Князь. Что? К нам в дом сама государыня?!

Княгиня. Прочтите.

Князь *(глядя в письмо и ловя рукой воздух)*. Где это?.. так и пишет... побраниться... Батюшки, понял... Дарья Дмитриевна, не рви голову с плеч!.. *(Повалился на колени)* Не жалуйся государыне.

Княгиня *(отходя)*. Невежество и грубость должны быть наказаны. Встаньте. Вы жалок. Жанетта, помогите князю подняться.

Санька *(помогая)*. Бог-то правду видит.

Князь. Матушка, не за себя прошу, — быть всему роду нашему пусто, коли прогневается государыня или насмех поднимет.

Княгиня. Получите по заслугам.

Князь. Ох!

Княгиня. В зеркало поглядите — на что вы похожи, — смеху достойно.

Князь. Приказывай, что делать, — всему покорюсь.

Княгиня. Где ваш парик, я спрашиваю?

Князь. По весне еще моль побила и парик и шляпу. Не доглядел.

Княгиня *(с гневом)*. Показать-то вас даже нельзя государыне, а с нею, чаю, будут дамы и кавалеры придворные. Вот, скажут все, — злые шутки Гименея. Благодарю покорно! Вас в огород поставить чучелой, воробьям на ужас...

Князь. И наряжусь, и ноги выверну.

Княгиня. А вот раскроете?

Князь. Да, придется.

Княгиня. Что ни слово, то жестокий стыд. А поклониться? А руку поцеловать? А завести галантный разговор? *(В волнении обмахивается веером)*

Князь. Так как же быть-то?

Княгиня *(подает ему книгу)*. Нате, извольте прочитать раза три, хоть немного попривыкните к светским манерам.

Князь. Всю ночь не засну, буду читать. Я, княгинюшка, дьячка возьму читать эту книгу. А то и Решето у меня не хуже дьячка читает. А я с голоса вот как заучу... Ну, еще какие твои будут распоряжения?

Княгиня. Подымите вишневую трость. Подайте.

Князь. Возьми, возьми. *(Подает)*

Княгиня. Этой вам трости вовек не прощу. Доселе не могу опомниться: даму бить тростью вишневой. Вы — турок!

Князь. Ударь, чем терзать словами.

Княгиня. Наперед помнить вам надлежит: какие бы я ни являла перед вами поступки, сколь далеко любезность моя в рассуждении шалостей ни заходила, — молчать и улыбаться.

Князь. Ох, княгинюшка...

Княгиня. Вы опять за свое?

Князь. Ладно, Дарья Дмитриевна, перетерплю как-нибудь...

Княгиня. Говорю это вам к тому, что жену ревнуют одни мужики да гишпанцы. А вы, слава богу, российский дворянин. Ступайте.

Решето *(вбегает)*. Курьер! Курьер! От царицы курьер прискакал!

Князь. Что ты говоришь?

Княгиня. Куда же ты его провел, дурень?

Решето. В большую залу.

Княгиня. Кто он такой? Офицер?

Р е ш е т о. Понесли за ним шпагу и пистолеты прямо в дом.

К н я г и н я. Молодой?

Р е ш е т о. Не разобрал я. Только что важный барин. Два раза меня пхнул, — веди, говорит, меня прямо к княгине, у меня, говорит, к ней письмо и поклон.

К н я г и н я. Санька, одеваться! Скорее!.. Скорее, скорее! *(Князю)* Не смейте к нему выходить. Я сама выйду.

Уходит вместе с С а н ь к о й в боковую дверь. С а н ь к а сейчас же выскакивает обратно и пробегает через комнату.

К н я з ь *(Решету)*. Вот, братец мой, беда, откуда не ждали. *(Смотрит под ноги)* Какой из себя приезжий?

Р е ш е т о. Страшенный.

К н я з ь *(вздохнув)*. Вот, братец ты мой, беда какая...

С а н ь к а *(пробегает с ворохом платьев)*. Княгиня гневается, чтобы книжку читали.

К н я з ь *(Решету)*. Возьми-ка, братец мой, книжку да и почитай. *(Подает ему книгу)*

Р е ш е т о. Откуда читать?

К н я з ь. Читай с начала.

Р е ш е т о устраивается около свечи, откашливается.

Вот, братец ты мой, беда какая...

Р е ш е т о *(начинает читать нараспев, по-церковному)*. «Календарь для любовников. Во все времена года люди все, от юных лет до лет преклонных, сколь ни убелены сединами власы их, никоими крепостями не убережены от сладчайших и коварнейших стрел проказливого бога любви, Купидоном или Эротом именуемого...»

К н я з ь *(вздохнув)*. Вот, братец ты мой, беда какая...

Р е ш е т о. «Месяцев года, кои различную оказывают судьбу на рожденных, суть двенадцать. Месяц генварь. Люди, в сем месяце рожденные, любят кофий».

К н я з ь. Подожди! А княгинино в каком месяце рождество? В мае. Прочти-ка, что там стоит про май месяц.

Р е ш е т о. «Месяц май. Люди, в сем месяце рожденные, имеют тело красивое и легкое и столь жестокую ярость во всех чувствах, что мужья оных проливают горькие слезы, кляня тот день, когда отважились вступить в брак с изменчивыми сими, шаловливыми проказницами».

К н я з ь. А ты не врешь? Покажи-ка. *(Смотрит в книжку)* Переверни, читай из середки...

Решето. «Вишенье... сей сладкий плод, именуемый в просторечии вишеньем, зреет на столь ужасной высоты ветвях, что молодая дева, взлезши на оные, все прелести свои стоящему внизу любезнику оказывает явными, от чего происходит головокружение и с древес падение...»

Князь. Тфу, прости господи, и вишенье у них все к тому же!

В дверях появляется красивый, одетый по-дорожному офицер — Завалишин. Осматривается.

Завалишин. Эй, где здесь люди? Почему никто не идет?.

Князь *(кланяясь)*. Княгиня сейчас выйдет. Здравствуйте, батюшка.

Завалишин. Ты кто такой?

Князь. Я-то, батюшка, самый и есть князь Серпуховской.

Завалишин. Прошу прощения. Адъютант ее величества Завалишин. У меня письмо к княгине.

Князь. Устали, чай, с дороги? Дорога тяжелая.

Завалишин. Ну, устать-то я не устал, а голоден.

Князь. Решето, беги к повару, торопи его, мошенника.

Решето уходит.

Присядьте, сударь.

Они садятся и молчат небольшое время.

Скажите, сударь мой, в коем месяце вы рождены?

Завалишин. Что вы сказали?

Князь. Говорю — изволили в коем месяце родиться?

Завалишин. В мае. И впрямь, в мае родился.

Князь. Изрядный месяц для рождения.

Завалишин. Да, говорят, что так.

В дверях показывается княгиня, одетая в роброн. Увидев Завалишина, она вскрикивает негромко, как бы в испуге, и низко начинает приседать. Завалишин раскланивается. Оба не спускают глаз друг с друга.

Завалишин. Княгиня... Ее величество приказали мне передать вам, ваше сиятельство, что они будут у вас проездом завтра к фрыштыку.

Княгиня в страхе, растерянно, глядит на него. Князь роняет на пол книгу.

Туманное, теплое утро. Зеленая и мокрая от росы лужайка сада. В глубине виден извилистый пруд, обросший вокруг высокими деревьями, островок и далее — холмистые поля. Вода, плакучие и пышные кущи деревьев и вся даль подернуты голубоватой мглой. На лужайке направо, в небольшой, с круглым куполом, открытой беседке, на скамье спит княгиня, завернувшись в шаль. На ступеньке сидит Санька с веткой в руке.

Налево на лужайке стоит большая подзорная труба на треноге. В трубу смотрит Решето. Около него в почтительной позе стоит князь, при шпаге, в шляпе и шелковом кафтане.

Князь *(вполголоса)*. Ну, что, еще не видать?

Решето. Нет, будто едет кто-то.

Князь. Что ты говоришь? Где?

Решето. А вон поправее тех ветел.

Князь *(глядит из-под руки)*. То возы едут с наших лугов.

Решето. Вон энти-то возы, а поправее — то не возы.

Князь. Нет, и поправее тоже возы. Пусти-ка, я сам погляжу. *(Глядит в трубу, придерживая шляпу)*

Санька *(встает и замахивается на птиц веткой)*. Кшш! Кшш!..

Князь *(отходит от трубы)*. Сильно в глазах туманится, и вся видимость кверху ногами оборачивается. Ничего не видно.

Решето. Да, видать плохо. Как есть ничего не видно.

Князь *(оглядывая лужайку, строго)*. Опять птиц полон сад? *(Решету)* Поди на людскую да разбуди караульщиков — пускай идут с ветвями по саду. К приезду ее величества всех лишних птиц в рощу прогнать. Скажи — князь, мол, крепко наказывает, чтобы птицы зря не летали, странными голосами не кричали, на крыши бы, на кусты не садились. Ступай.

Решето уходит.

Санька. Потише, сударь, княгиню разбудите.

Князь. Все-таки, ты, послушай, изволь объяснить, почему княгиня в саду ночует, а не в спальне?

Санька. Под самое утро княгиня пошли с гостем прогуливаться и здесь сидели, а как гость пошел спать,

потребовали шаль, посидели еще небольшое время и задремали. Спят очень будко. Нет, нет, да и засмеются.

Князь. Во сне смеется? Ну, а ты слышала, что гость говорил княгине?

Санька. Разные многие слова говорил.

Князь. А княгиня что ему отвечала?

Санька. Отвечала, что, мол, очень довольна такие слова слушать.

Князь. А как они близко сидели на скамейке?

Санька. Сидели рядом.

Князь. А не говорил он ей вот этого... *(Вынимает из кармана книжку и раскрывает ее)* Что, мол... где это тут?.. что, мол... *(водя ногтем по строкам)* «все чувства мои повергнуты в столь ужасную страсть, что, не в силах сдержать оную, хочу искать смерти, ежели ты, гордая прелестница, не раскроешь передо мною вместо смертных врат врата не столь...» Ну, дальше там все одно к одному, нехорошо. «На что прелестница, объята страхом, ответствуст сему сластолюбцу...»

Княгиня *(пробуждаясь)*. Ах, боже мой!.. Какой сон... Жанетта, какие чудные сновидения! Что такое? Я в саду заснула?

Санька подбегает к ней.

Жанетта... *(Княгиня садится на скамью, откинувшись, и мечтательно оглядывает природу)*

Князь. С добрым утром. Как изволила почивать?

Княгиня. Ай! Кто это?

Князь. Видишь — даже ты не узнала. Мы с Решетом, княгинюшка, всю ночь не спали, как только живы еще — сами не знаем. Огляни — потрудись: изряден ли вид?

Княгиня *(с гримасой глядит в лорнет, отворачивается)*. Подскакиваете очень, как кузнечик...

Князь. Сие от сильной рези в желудке; ком подваливает, не чаю, как доживу до вечера.

Княгиня *(морщится)*. Какие вы слова говорите. *(Саньке)* Ах, зачем я проснулась?.. Позови нинф, пусть резвятся.

Санька убегает.

Князь. Не все же, Дарья Дмитриевна, одни прелестные слова слушать, послушай и рассудительные... В лечебнике «Почечуй, или как от его избавиться» сказано: «Ночью в саду сидеть, паче того спать оставаться в оном — большой человеку вред бывает. Чирии от того бывают, а также бывает кропивная лихорадка».

Княгиня *(быстро встает и выходит из беседки).* Узнать, чай, гость уж проснулся.

Князь. Гость спит.

Княгиня. Спит до сих пор?

Князь. Удивительно, как он спит долго. Уж здоров ли?

Княгиня *(с беспокойством).* Тогда — пусть спит на здоровье.

Князь. Покушал изрядно за ужином, чаю, оттого поздно и спит. Гляжу, пододвинул себе индейского петуха — так половину его и съел. Вот так, думаю, кавалер придворный!

Княгиня *(с гневом).* Не вы ли съели индейского петуха за ужином! А других оговариваете. Гость в рассуждении еды столь деликатен, — не верится даже, что живой человек это, а не бесплотный дух.

Князь. Нет, Дарья Дмитриевна, гость съел индейского петуха, и жадно.

Княгиня. Вы с ума сошли! Вы, сударь, черный ревнивец. Вас надо опасаться.

Князь. Прости, что говорю, сам не понимаю.

Слева выбегают нимфы — Наташа, Дуняша и Стеша, в венках с распущенными волосами. Их преследует Микита. Девушки бегают, уклоняются. Вышла и смотрит на играющих Санька. Микита схватил Наташу, она завизжала.

Князь. Ишь ты, поганец, схватил как!

Княгиня *(глядя в лорнет).* Кричать громко нельзя.

Санька *(подбегает к девушкам).* Стойте, стойте!.. Сколько вам раз княгиня говорила, чтобы молчком и молчком. *(Наташе)* Очень бойка стала...

Наташа. Он как схватит...

Санька. Можешь и помолчать, не отвалится. *(Девушкам)* Ни в коем разе к людям близко не подходить, будто вы пужливые, а бегать и баловаться скрозь сучья, все скрозь сучья...

Княгиня. Ну-ка, хоровод! Иван Ильич, дайте-ка

Девушки заводят хоровод, Микита играет на дудках.

завяжу вам глаза. Поучитесь, как с изяществом в жмурки играют. *(Берет у Саньки платок)*

Князь. Ни деды мои, ни прадеды в жмурки не игрывали. Уволь.

Княгиня. Сама государыня летнею порой в жмурки играет. *(Завязывает князю глаза)*

Князь. Я и шагу не ступлю, упаду, убьюсь в тот же час, и некогда мне... Фрыштык еще не готов.

Санька *(Миките тихо)*. А ты смотри у меня — хватать. Очень хватать стал.

Микита. Я, как приказано: сказано — ловить, хватать.

Санька. Не ври, хват хвату розь! Ты Наташу не так хватаешь, как тебе приказано, а как тебе не приказано. *(Ударяет его по щеке)* Досада моя!

Микита. Не дерись, Саня.

Санька *(глядя ему в глаза)*. Все щеки тебе отобью.

Княгиня, завязав князю глаза, толкает его в спину, князь идет, расставив руки, к девушкам.

Княгиня *(вдогонку)*. Смелей... Смелей... В руки попадется не зверь ведь, лишь дева пугливая... *(Громко смеется)*

Князь. Кочки какие-то... Боже мой... Вот ведь как это так все не тово...

Князь, играющие девушки и Микита продвигаются налево, скрываются; княгиня кивает Саньке, девушка подбегает.

Княгиня *(схватив ее за руку)*. Саша, Саша милая!.. Я влюблена!.

Санька. Что вы — вот радость!

Княгиня. Что говорю, что делаю — сама не понимаю. Видеть его хочу и боюсь.

Санька. А чего же его бояться-то?

Княгиня. Неужто спит до сих пор?

Санька *(радостно)*. Проснулся.

Княгиня *(со страхом)*. Проснулся!

Санька. Сейчас видела... Слуга ихний камзол тряс. А сами они в окошечке — на одну ручку оперлись, другой ручкой от халата кистью играются...

Княгиня. Задумчивый?

Санька. Задумчивый... Задумался... Сейчас сюда надо его ждать.

Княгиня. Убегу... Увижу — без памяти убегу... Убегу в крыжовник.

Санька. Они даже ничуть на волка не похожи, чтобы от него бегать, сударыня.

Появляется Федор — бородатый, страшного вида мужик, босиком, распояской, кланяется княгине.

Санька. Это, сударыня, Федор... *(Мужику, строго)* Ты бы еще к ночи явился...

Федор. Я — что ж... С поля меня взяли, итти-то — даль...

Слева опять появляются девушки, за ними князь с растопыренными руками.

Княгиня. Дайте мне платок! *(Подбегает, снимает с князя платок и завязывает себе глаза)*

Князь. Отменно глупое занятие. *(Вытирается носовым платком)*

Федор *(Саньке)*. Говорили — в саду работёшка какая-то?..

Санька. Велено быть тебе лешим...

Федор. Как?

Санька. Лешим, говорю, будешь. Портки, рубаху сними, шкуру тебе дадут и рога. Сидеть вон под тем дубом на корнях, в ладоши хлопать и смеяться, как можно, велела княгиня, страшнее.

Федор. Оброк плачу — слава богу, на барщину не запаздывал. Саня, ну, какой я леший?.. Вот, гляди — крест, крещеный. Человек семейный... Я и в ладоши-то бить не умею.

Санька. Да ты в уме? Иди в сторожку.

Федор, покачав головой, отходит было, но остается. Княгиня с завязанными глазами ходит по лугу, протянув руки. Появляется Завалишин. Делая знак, чтобы молчали, подходит к княгине и дергает ее за конец платка. Она бросается с вытянутыми руками, но он увертывается и на лету целует ее пальцы. Княгиня останавливается в недоумении.

Княгиня. Это вы, Иван Ильич? Какой вы проворный стали!.. Чуть пальцы не откусил... *(Она внезапно поворачивается, устремляется вперед и обхватывает За-*

валишина) Кто это?.. Не понимаю. Кто это?.. *(Не выпуская Завалишина, срывает с себя повязку)* Ах!.. *(Глядит ему в лицо)*

Завалишин. Я испугал вас?

Княгиня *(тихо)*. Нет...

Князь. Все-таки ты, Дарья Дмитриевна, отпусти-ка его...

Княгиня *(Завалишину)*. Простите... Виновата...

Завалишин. Теперь мой черед...

Княгиня. Нет, нет, я играть больше не хочу. Ступайте, девушки.

Девушки, Микита, Федор и Санька уходят.

Федор *(уходя, Саньке)*. А скоро это самое — хохотать-то потребуется?

Санька. Как увидишь царицу, так и начинай. *(Уходит)*

Князь *(протягивая Завалишину табакерку)*. Угощайтесь, сударь...

Завалишин. Благодарствуйте. С утра охоты не имею.

Князь. В лечебнике читал: от частого набивания носу табаком — нос мокнет и сизый бывает.

Завалишин *(княгине, указывая на пруд)*. Сколь вид прекрасный отсюдова.

Княгиня *(дрожа как птица)*. Вид очень прекрасный.

Идут к обрыву.

Князь. Вид весьма изрядный. А не посмотреть ли на дорогу? *(Глядит в трубу)*

Завалишин. А в телескоп, я чаю, видно верст за пятьдесят.

Князь. И даже больше того. К этой трубе у меня Решето приставлен, в рассуждении, как говорится, чтобы мошенники-мужичишки сено не воровали... А все-таки воруют...

Завалишин. Слаще нет меланхолии, как слышать тех птиц...

Князь *(отходя от трубы)*. Скажите, сударь, в каком часу ожидать надобно прибытия государыни императрицы?

Завалишин. А в каком часу взойдет государыне в голову — в таком и приедет...

Князь. Сударь, вы меня в пот вогнали... Ведь так и фрыштык весь пригорит. *(Побежал)* Эй, люди!.. Повара!... Приостановить! *(Возвращается)* Сударь, а статься может, и не по сей дороге подъедет ее величество?

Завалишин. Захочет — по этой приедет, а захочет — и по другой. Государынин поезд стоял этой ночью в сельце Иванькове.

Князь. С нами крестная сила! Да ведь я же ни одного караульщика на Иваньковской дороге не поставил! А там — брод.

Решето *(появляется с веткой в руке)*. Вот проклятые птицы, ваше сиятельство, кругом летают, а совсем не улетают... Бьемся... бьемся...

Князь. Голова с плеч летит, а ты с птицами... Беги, прикажи седлать, скакали бы на Иваньковскую дорогу, на Коровий брод.

Князь и Решето уходят.

Завалишин. Ваш супруг — отменный, как я вижу, хозяин.

Княгиня. Желаете пройти в бельведер, там сядем.

Идут к беседке.

Завалишин. Чувствую ваше к себе презрение, всю ночь не мог глаз закрыть.

Княгиня. Отсюда вид еще прекраснее...

Завалишин. Что виды прекрасные тому, кто готов лить слезы...

Княгиня *(растерянно)*. Ежели вам скучно — можно развлечься. В пруду у нас караси водятся и другие рыбы.

Завалишин. О забавах ли забота, когда все чувства повергнуты в столь ужасное смятение, что не в силах терпеть оного, хочу искать смерти...

Княгиня *(поднимается)*. Право, это столь опасно, я лучше уйду.

Завалишин *(горячо)*. Неужто ни жалость, ни иные чувства не трогали вашего сердца ни раз?.. Камена!.. Ах, в несчастный день я родился... На что мне жизнь?..

Княгиня *(опять садится)*. Все же вы... ошибаетесь весьма. *(Со смущением отвернувшись)* Мое сердце не раз бывало тронуто.

Завалишин. Кем? Вы молчите? Кто дерзновенный?.. *(Язвительно)* О, я догадываюсь — супруг ваш.

Княгиня. О, нет.

Завалишин *(хватаясь за ефес шпаги)*. Кто же? Сосед? Сродник? Проезжий?

Княгиня. Мука моя, — говорю — нет.

Завалишин. Кто же тогда, коли не супруг? У вас отменный вкус, княгиня.

Княгиня. Супруг мой — прискорбная шутка Гименея, знайте... Ах, мне одна осталась утеха в жизни — проливать слезы над вымыслом...

Завалишин. Действительно, иные сочинители чувствительно описывают любовь.

Княгиня. А сама я еще не любила.

Завалишин. Но вы даете мне смелость загореться надеждой?

Княгиня. Надежды нет. Сердце навек окаменело.

Завалишин *(откинувшись в другую сторону скамьи)*. Сии гордые созданья подобны изваянию из мрамора. Сколь жалок род наш, стремясь нечеловеческими мучениями, пренебрегая жизнью, вызвать хотя бы подобие улыбки на каменных устах безжалостной статуи. *(Берет книгу, оставленную князем на скамье)* Пусть эта книжица скажет мне судьбу. Княгиня, загадайте страницу.

Княгиня. Право, уж я не знаю, какую загадать страницу. *(Дрожащим голосом)* Вот разве тридцать седьмую, налево снизу...

Завалишин *(раскрывая страницу, читает)*. «И ты, глупый Эраст, смущая нетерпеливыми речами и без того смущенное сердце прелестной Лилы, не догадываешься взглянуть в глаза ее. Они ответят красноречивее слов, что ты...»

Княгиня *(поспешно)*. Нет... нет!.. То дальше, уже на другой странице...

Завалишин *(заглядывает в лицо княгини)*. Не верю глазам своим! *(С восторгом, с испугом)* Вы плачете?

Княгиня. Ничуть .. С чего вы взяли?..

Завалишин. Так вы не презираете меня?.. Вы!.. неужто!.. О, только одно слово...

Княгиня. Нет... нет!.. *(Помолчав, побледнев, закрыв глаза)* На странице пятой снизу...

Завалишин *(читает)*. «Любовь молчалива, но тысячи громких голосов и, более того, — грозу с ужасным громом и молниями заглушает ее сияющее молчание. Наклонись и слушай, это бьется нежное сердце возлюбленной...» Изъясните: как мне понять?

Княгиня. Но это лишь вымысел.

Завалишин. Не таитесь. Взгляните в глаза мне.

Княгиня. Право же, у меня от лесного духа голова закружилась.

Завалишин. Кружение головы — природой нам данное блаженство, но если совершенное созданье отвергает сей дар природы, то что мне до жизни... Иду и убьюсь. *(Вскакивает, делает несколько крупных шагов)*

Княгиня. Сядьте.

Завалишин *(стремительно садится рядом)*. Поднимите глаза ваши. Я чувствую, как с этих уст готово слететь слово. Шепните. *(Шумно вздохнув)* Вот над цветком толкутся два мотылька. .. Счастливые... Тварям безгласным послано блаженство, но не мне... *(Быстро наклоняясь к лицу княгини)* Что? Что?

Княгиня *(едва слышно)*. Я думаю о вас...

Завалишин. Не бойтесь!.. Вы трепещете?.. Говорите же!..

Княгиня *(отвернувшись)*. Я вас люблю...

Завалишин. Нужно сойти с ума!.. Душа моя!..

Княгиня *(глядя в глаза, взволнованно)*. О, как я люблю вас!..

Завалишин. Душа моя, счастье мое!..

Сжав в объятиях, он целует ее долго и страстно. Княгиня со стоном откидывается на скамье, закрыв глаза рукой; другая ее рука лежит на голове Завалишина, который опустился перед ней на колени.

Завалишин. Бежим!

Княгиня. Что вы?.. Что вы?..

Завалишин. Скажи еще, как любишь.

Княгиня. Люблю!..

Появляется князь. Размахивая руками, он спешит к трубе. Неожиданно увидав любовников, не замечающих в забвении ничего на свете,

останавливается. С него слетает шляпа. Первое движение — броситься на них. Затем, овладев собой, он на цыпочках, сутулясь, идет к трубе, смотрит в нее, причем труба подымается то вверх, то круто опускается. Наконец, вне себя, он поворачивается, выхватывает шпагу.

Князь. Эй, сударь, извольте отвечать!..

Княгиня *(поднимается)*. Валерьян! Он убьет вас!

Завалишин *(обнажая шпагу)*. Я счастлив...

Князь *(бросается со шпагой)*. Погоди ж ты у меня!

Княгиня. Ради бога!..

Завалишин *(отбивая удары)*. Доставите мне отменное удовольствие, ежели станете драться, не горячась.

Князь *(отступая)*. Легче, сударь, осторожнее.

Княгиня. Ради бога, перестаньте. *(Прислоняется к колонне, закрыв лицо)*

Завалишин. В кое место прикажете удар нанести?

Князь. Ой! Ай! Ай!

В это время появляются две дамы. Та, что впереди, несколько полная, среднего роста и миловидная. Одета в простое платье серого шелка и в тюлевом черном чепце на белокурых волосах. Та, что позади, одета пестро и богато, в красном тюрбане с кистью. У нее длинный нос и черные сросшиеся брови.

Первая дама. Остановитесь!

Завалишин, обернувшись на голос, отскакивает и опускает шпагу.

Князь. Будет... Уф!..

Княгиня, отняв руки от лица, взглядывает на вошедших и, ахнув, склоняется в глубоком реверансе.

Первая дама. Мы помешали, но, право, сударь, можно извинить нас — так мы устали с дороги и голодны.

Князь. По какому делу ко мне?

Первая дама. Сударь, наш дормез застрял в речке близ самого дома вашего. Одному богу известно, сколь мы были испуганы.

Князь. Зачем же вы по дороге ехали? Надо правее дороги забирать, бродом.

Вторая дама. Действительно, сударь, близ места нашего злоключения стояли какие-то мужики и уверяли, что надобно ехать направо через реку, но ее величество захотели ехать прямо...

Князь. Как, ее величество?.. Какое?.. Где?..

Екатерина *(первая дама)*. Тссс... Мы его отыщем...

Вбегает испуганный Решето.

Решето. Дядюшка, дядюшка, царица в Коровий брод заехала!

Увидев Екатерину, вскрикивает глухим голосом и падает

Екатерина. Бедняк более других хлопотал у нашего экипажа. *(Глядя на князя, начинает смеяться)* Здравствуйте, ваше сиятельство, сударь мой. *(Делает реверанс)*

Князь стоит с выкаченными глазами.

Аннет, возьмите его под-руку и проведите немного, с ним столбняк.

Полокучи *(вторая дама, — князю)*. Вашу руку, сударь.

Екатерина *(со смехом глядит на княгиню)*. Поди, поди ко мне, сорока.

Княгиня подбегает.

И выросла и расхорошелась.

Дает ей руку, княгиня целует ее. Екатерина берет ее за щеки и целует.

Чего ради князь твой меня, как медведя, испугался?

Княгиня. О, ваше величество, простите его.

Екатерина. Надеюсь, Аннет приведет его в чувство. Поди к ней, да поцелуй покрепче. Полокучи, Анна Александровна, из греков, и нравом весьма тяжела.

Княгиня идет к Полокучи, севшей с князем на скамью, и делает ей реверанс. Полокучи встает и тоже делает реверанс.

Княгиня. Сударыня, весьма счастлива видеть вас у себя.

Полокучи. Княгиня, я также весьма счастлива иметь с вами знакомство.

После этого они целуются.

Екатерина *(подходит к Завалишину)*. Что это значит, сударь? Вас ни на час нельзя оставить одного. Опять любовное похождение?

Завалишин. Так точно, ваше величество.

Екатерина. Потрудитесь отдать шпагу.

Завалишин. Слушаюсь. *(Отдает шпагу)*

Екатерина. Объяснитесь.

Завалишин *(рапортуя)*. Полчаса, не более того, вел с ее сиятельством, княгиней, беседу о предметах чувствительных и деликатных. Столь ее сиятельства красотой был поражен, что преклонил колени, чем ее сиятельство была немало испугана. А его сиятельство, князь, справедливым увлечен, хотя и ошибочным, гневом, учинил мне сатисфакцию, в коей противники ни один поранен, оцарапан и побит не были.

Екатерина *(негромко)*. Дерзкий, ветреный мальчишка. *(Решету)* Возьми-ка шпагу господина офицера и отнеси в мой дормез.

Решето берет шпагу и уходит.

Ну, князюшка, чай, теперь очнулся, поди, поди, поздоровайся.

Князь срывается со скамьи и кланяется.

И языком владеешь?

Князь. Государыня матушка... Деды и прадеды мои служили верой и правдой...

Екатерина. Знаю, знаю, все заслуги помню. Только уж больно ты чуден.

Князь. К столбняку и лишению языка склонность имею с нежных лет, с испугу впадая в оные, а также лишаюсь чувствительности во всех членах...

В это время раздается поблизости громкий и скрипучий хохот и хлопанье в ладоши. Екатерина слушает с удивлением.

Екатерина. Что сие означает?

Князь *(крестится)*. Леший, ваше величество. То есть, в рассуждение того, что лешего настоящего найти

не могли, как ни бились, ваше величество, Федьке, мужику, хохотать приказано...

Сзади за деревьями показываются девушки и Микита.

Екатерина. И леший, и нимфы, и сатиры. Нехватает одного — где же Купидон? *(Взглядывает на Завалишина)* Хотя этот ждать себя не заставит. Идемте к фриштику. Иван Ильич, предложите руку Аннет.

Князь *(Полокучи)*. Сударыня, к столу прошу...

Полокучи. Князь, этой ночью я видела во сне кавалера, весьма сходного с вами.

Князь. Благодарю вас, сударыня. *(Уходят)*

Екатерина *(обняв княгиню за талью, направляется вслед ушедшим)*. Ну, милая сорока, когда же мы начнем жаловаться на скуку, на дикие страшные леса и на что еще... *(Обернув голову к Завалишину, который идет сзади)* Даю вам совет, сударь, постараться поскорее покинуть этот дом.

Завалишин *(изменившись в лице, но твердо)*. Ваше величество, осмелюсь не исполнить вашего приказания.

Екатерина *(слегка откинув голову, глядит некоторое время на Завалишина. Затем лицо ее принимает насмешливое, почти презрительное выражение)*. Разумеется, я пошутила. Оставайтесь.

Завалишин. Слушаюсь.

Екатерина *(княгине)*... И на что еще — на мужа. О, с ним будет у меня особый разговор. Кстати, вы получили мою книгу? — Я вам послала, — последняя новость у книгопродавцев. В Петербурге ее читают все...

Княгиня. Получила, и ваше письмо. О, как мне благодарить за милость.

Завалишин *(во время этих слов принес книгу, оставленную в беседке)*. Мы наслаждались только что сим чтением волшебным.

Екатерина. Подайте. *(Берет книгу, закрывает на минуту глаза, как бы загадывая, взглядывает долгим взором на Завалишина и открывает книгу. Читает, затем, с усмешкой, несколько раз качает головой. Княгине)* Сколько тебе лет?

Княгиня. Восемнадцать, ваше величество.

Екатерина *(захлопывает книгу)*. Идем, нас обнимы не учтивы.

Княгиня. Государыня сказала — не будить.

Санька. Ай! Что это с вами? Какая вы бледная.

Княгиня. Оставь меня. *(Глядя в лес, вскрикивает жалобно)* Обняла!.. поцеловала!.. целует!..

Санька *(шопотом)*. За уши треплет...

Княгиня. Взяла под-руку!.. смеются!.. *(Отворачиваясь)* Глядеть не могу!.. Не могу!..

Санька. Ваше сиятельство, вот бог-то привел увидеть.

Княгиня. Господи! Что мне делать?

Санька. Подите, попудритесь. Лица на вас нет

Княгиня. Все равно. *(С отчаянием)* Теперь не все ли равно мне, Саня. *(Поднимает привязанное на шнурочке зеркальце)* На что похожа стала?.. Ну, чего же ты стоишь, почему не сказала раньше, что надобно мне припудриться. *(Бежит к дому)*

Из двери появляется князь в взлохмаченном парике.

Князь. Послушай-ка, вдруг дернул я головой, гляжу — нет никого в столовой. Что значит сие? И не спал.

Княгиня. До того отвратительно напились, наелись, — у всех на глазах, рядом сидя с государыней, замотали головой и спать принялись.

Князь. Врешь?

Княгиня. Государыня даже засмеялась, как вы носом стали высвистывать.

Князь. И носом свистел? *(Со стоном берется за голову, поворачивается в дом)*

Княгиня. Подождите. *(Догоняет его у двери)* Чего за голову схватились? Куда пошли?

Князь. Ах, романея проклятая!

Княгиня. Извольте итти к гостям. Вы — объедало и опивало. Чурбан неделикатный! И еще смеет меня ревновать. Накинулся на гостя с вашей дрянной шпажонкой, едва насквозь его не проколол. Изверг!

Князь *(оторопев)*. Эх, ты как... Душа моя, увидишь, ей-богу, увидишь, сколь буду впредь и вежлив и приятен.

Княгиня. Ничего видеть не хочу! Ах, боже!.. Запало — ревновать! Да чем ревновать-то вы можете? каким местом? Так знайте же... и целовалась я с гостем, и он меня целовал... и еще стану целоваться и обниматься — знайте!..

Князь *(отступая)*. Хорошо... Хорошо... Замолчи...

Княгиня *(поднеся ему к лицу зеркальце)*. Утеха для дамы? Поглядитесь-ка лучше.

Князь *(взглянув)*. Вид зело ужасный.

Княгиня *(хватает его за плечо)*. Супруг мой?.. Да?.. Утеха юности моей?.. Да?.. Да?.. *(С плачем убегает в дом)*

Князь. Решето!.. квасу!

Появляется Полокучи.

Полокучи. Князь, мы одни?..

Князь. Да... сударыня... одни...

Полокучи. Вот удача! Князь, я решила изъяснить вам нечто...

Князь. Изъясняйте.

Полокучи. Сейчас был престранный случай со мною. Села к туалетному столу и, ах! — впадаю в забвение и вижу — гирлянды и бантики, и вокруг все амуры, амуры, и один, вида презлого, метит в меня стрелой... Но, князь, я вижу смятение чувств ваших.

Князь. Великое смятение... Совершенно так... Смятение превеликое.

Полокучи. Ах, в таком разе сядемте на качели! *(Бежит к качелям)* Ну, садитесь же..

Князь. Анна Александровна, матушка моя, я в большой беде!..

Полокучи. Качайте меня.

Князь *(садится на другой конец и качает доску)*. Будучи в нежных годах, я, сударыня, — поверить трудно, какой необыкновенный случай, — объелся ягодой пзникой, с тех пор впадаю в непробудный сон как за трапезой, так и помимо оной.

Полокучи. Каково название ягоды вредоносной?

Князь. Пзника. *(Пэказывает пальцами)* На кусточках, черненькая, произрастает по мокрым местам. Сладимая и противная весьма. Наелся по молодости лет и с той поры маюсь.

Полокучи. Сколь детство ваше полно было меланхолии, князь!

Князь. Анна Александровна, умолите государыню, дабы не гневалась. Страшно сказать — заснул, заснул

в присутствии монарха империи Российской и посом притом свистел.

Полокучи. Князь, утешьтесь. Государыня поняла ваш поступок не иначе, как вы намерение имели нас рассмешить.

Князь. Что вы? так и поняла? *(С радостью)* Господи боже мой, именно так, — намерение имел рассмешить. Еще до фрыштыка подумал, — дай думаю, чем-нибудь возьму и рассмешу государыню. *(Сильно начал качаться)*

Полокучи. Ай!.. Ай!.. падаю!

Князь. И носом свистел для того ж.

Полокучи. Умереть можно от смеха...

Князь. У нас в роду и деды и прадеды посмеяться любили. Дед, бывало, сядет к окошечку, возьмет яблочко кисленькое, ест и морщится, вот так *(показывает)*. Бывало, со смеху все так и лягут.

Полокучи. В жизни не видывала кавалера, столь любезного женскому полу. Сами не понимаете, князь, сколь вы милы.

Князь. Анна Александровна, и сколь же я несчастлив в супружеской жизни.

Полокучи. О! Придвиньтесь ближе. Вы пенями раздираете мне сердце. *(Иным, низким голосом)* Иван Ильич, объяснитесь же. Не бойтесь меня.

Князь *(молчит некоторое время, затем лезет в задний карман кафтана за книжкой. Дрожащим голосом)*. В сей книжице на все случаи изрядные ответы бывают.

Полокучи. «Любовь — книга золотая»? Я слушаю вне себя.

Князь. Вот это место я даже ниткой заложил. «Находчивость»...

Полокучи. Находчивый тот, кто...

Князь *(говоря наизусть, дрожащим голосом)*. «Находчивый тот, кто, не теряя минуты времени золотого, случись задержаться ему с особой иного пола, хотя бы даже за углом дома или за ширмой, или в другом уединенном месте, особу сию со всей смелостью хватает и к себе прижимает и все, что у особы той является преимуществом, от натуры ей данным, к устам приближает, и на восклицание — «ах», или притворный вопль — «увы» — ответствует с находчивостью: сударыня, и боги

в сем повинны не раз бывали, разумея под оными богов греческих».

Полокучи. Неужто на подобную отчаянность способны?

Князь. Способен.

Полокучи. Но нас видят!.. Вы жестоки!.. Я в ваших тенетах, как мошка... *(Обнимает князя)*

Он держит ее за талию, появляются Екатерина и Завалишин.

Екатерина. Аннет!.. Так скоро?..

Полокучи вскрикивает, вскакивает. Князь валится с качелей, сейчас же вскакивает и, держа в руке свалившийся парик, кланяясь, пятясь, скрывается.

Аннет, ваша быстрота и ваш натиск стоят генерала Суворова.

Полокучи. Ваше величество, в глаза влетела мошка, и князь был столь любезен, что языком достал ее из глаза. *(Делает реверанс)*

Екатерина. Но почему он со стыдом бежал?

Полокучи. Я просила принести свинцовую примочку для глаза.

Екатерина. Подите, сударыня, и приведите его вместе с примочкою.

Полокучи. Боюсь, с испугу не приключилось бы с ним беды. *(Уходит)*

Екатерина *(садится на качели)*.

Завалишин также садится на качели и с задумчивым видом покачивает доску.

Аннет — отважнейшая из женщин, известных в истории. Да, она права. *(Тихо смеется)* Сегодня счастливый день, Валерьян: у каждой женщины, даже у императриц, бывает день, когда мы счастливы до кончиков пальцев. Сегодня даже и вам не удалось смутить моего счастья, гадкий мальчишка. *(Обернувшись)* Вы все еще находите учтивым молчать?

Завалишин. Я слушаю вас, ваше величество.

Екатерина. Вечером вернемся ко двору, — я посажу вас под арест на две недели. Вы будете тащиться в карете, в конце поезда, и глотать пыль.

Завалишин. Слушаюсь.

Екатерина. Вы влюблены в княгиню? *(Глядит на него)* Вы находите ваш поступок благоразумным?..

В это время сквозь окна видно, как вдоль них по дому, озираясь, в ужасе пробегает князь, за ним с протянутыми руками Полокучи.

Завалишин. Прошу истолковать мое молчание, как происходящее от сильнейшей головной боли.

Екатерина. Очарование женщины в восемнадцать лет! Ах, друг мой, и вот вы получили взамен головную боль. Верю, награда будет гораздо более сладкой, но так часто и она оканчивается сильной головной болью, и только. В вас мало благоразумия. Вы рискуете многим, господин майор.

Завалишин *(вскрикивая)*. Майор?.. Ваше величество, как благодарить!.. Достоин ли я сего чина?..

Екатерина. Судите сами.

В дверях появляется княгиня.

А в наказание за дерзость вы все же должны быть наказаны — оставляю вас вдвоем с княгиней. Она мила, как Психея. Взгляните. Нет, будь я гвардейским офицером... благоразумие? Что? Какая скука! *(Подходит вместе с Завалишиным к княгине, стоящей в дверях)* Иду к себе немного освежиться льдом.

Княгиня. Позвольте мне услужить вам, ваше величество.

Екатерина. Но вот досада, единственный наш кавалер умирает со скуки. Не оставляйте его одного.

Уходит в дом. Княгиня и Завалишин, молча, опустив головы, идут к качелям.

Княгиня *(оступившись)*. Ах!

Завалишин *(подхватив под-руку)*. Сударыня, так можно ногу повредить.

Княгиня *(отдернув руку)*. Благодарствуйте.

Они садятся на качели, покачиваются, не глядя друг на друга.

После ужина государыня отъедет от нас?

Завалишин. Так точно.

Княгиня. Недолго погостили.

Завалишин. И то придется заморить тройки две, покуда догоним поезд.

Княгиня. К нам гости редко заезжают. Живем — на сто верст леса, людей нет.

Завалишин *(тихо)*. Княгиня, почему столь жестокий поворот чувств ваших?

Княгиня. Какой поворот? Я вас не обижала.

Завалишин. Государыня сказала, что вы Психея... *(Со страстью)* Нет! Бог мой!.. Глаза слепит красота! Глядеть невозможно! *(Хватает за руку)* Хочешь — сейчас заколюсь? На сем месте. У ног твоих ..

Княгиня. Пустите, не верю вам. *(Вырывает руку)*

Завалишин. Не пущу, поколе не скажешь, что любишь.

Княгиня *(с внезапным гневом)*. Вы любите другую, сударь, не меня.

Завалишин. Неправда.

Княгиня *(вспыхнув)*. Как смеете лгать? Я видела. В лесу...

Завалишин. Что? Что видела?

Княгиня. Целовались!. О, как вы жестоко насмеялись надо мной!

Завалишин. Не я целовал! Нет. А если целовал когда — забыл. *(Вновь схватив ее за руки)* Пусть терзают на части, пусть сердце вырвут — не отпущу твоих рук!.. Отрада моя... *(Поднимает княгиню с качелей, глядит в лицо)*

Княгиня. Что вы делаете со мной?

Завалишин. Оберни лицо.

Княгиня. Не хочу.

Завалишин. Зубки сжала. О, рот драгоценный! Вымолви!

Княгиня. Нет.

Завалишин. Зачем зажмурилась? Раскрой милые глаза!

Княгиня. Вовек не раскрою.

Завалишин. Слышишь, сердца наши бьются близко...

Княгиня. Понапрасну бьются. Пустите меня.

Завалишин. Любишь?

Княгиня. Не знаю.

Завалишин. Ведь любишь? Ты не можешь мне лгать сейчас. Ну, говори же.

Княгиня *(тихо, глядя в лицо)*. Люблю... Видите

сами... Доныне никогда не любила и полюбить пришлось на один часок.

Завалишин. Клянись мне, что любишь до гробовой доски.

Княгиня. Клянусь моей жизнью...

Завалишин. И я клянусь.

Княгиня. Нет, поклянитесь всей жизнью...

Завалишин. Клянусь жизнью, честью, всеми божествами — люблю тебя до гробовой доски.

Княгиня. Теперь верю вам. *(Внезапно освобождается)* Господи, боже мой!.. Но ведь я же замужем!.. Валерьян!..

Завалишин *(делает жест, как бы выпадая шпагой)*. Не суть важно.

Княгиня. Заколете его?.. Нет, я не хочу!..

Молчание.

Завалишин. Есть преткновение поважнее.

Княгиня. Да, да...

Завалишин. Гнев государыни немногие выдержать способны.

Княгиня. Валерьян, вы должны отказаться от меня.

Завалишин. Как? Ты уже и разлюбила?

Княгиня *(с нежным упреком)*. О, никогда...

Завалишин. В столь плачевный час мы встретились. Ты — замужем, я ж связан присягой. Только что государыня произвела меня в майоры. Душа моя, любовь несказанная, лучше смерть, чем, хотя бы на миг, не видеть глаз твоих.

Княгиня. Друг мой, нам нужно умереть...

Завалишин. Умереть? Не видеть этого света? Твоих поцелуев не чувствовать?

Княгиня. В книге «Любовь золотая» сказано: «любви сопутствует меланхолия, как дню темная ночь».

Завалишин *(повесив голову)*. Увы, ты права.

Княгиня. Над прудом есть обрыв, мы обнимем друг друга и кинемся... И так, в объятьях, улетим в небо — «вместе — навеки». А над бедным прахом поставят мавзолей и надпись на нем: «Здесь сладостно и печально окончилась любовь Валерьяна и Дарьи».

Завалишин. Жаль только, что не сможем уж сидеть с тобой в тени того мавзолея...

Княгиня. Простимся с небом, с облаками, с этим старым дубом. Здесь я полюбила тебя...

Завалишин. Бог мой... бог мой, как ты хороша!..

Из-за угла появляется Санька в слезах.

Санька. Ваше сиятельство...

Княгиня. Что тебе? Как ты всегда не во-время.

Санька. Сударыня, сил моих нет с Микиткой... Дозвольте замуж выйти за него, подлого. Опять Наташку хватает, терпенья никакого нет. Всю обмусолил. *(Кричит за угол)* Парень, княгиня зовет. Извините, реву, реву, не переставая, через него...

Появляется Микита.

Княгиня. Ты любишь, хочешь взять замуж Саню?

Санька. Отвечай.

Микита *(шмыгнув носом)*. Можно.

Санька. Велите ему, сударыня.

Завалишин. Пусть они поцелуются.

Княгиня. Вот вам два колечка *(снимает с пальца)*. Поцелуйтесь.

Микита. Нехорошо...

Санька. Вот он всегда так, сударыня, а как вы отвернетесь, отбиться от него нельзя. *(Миките)* Спасибо, скажи, дай вам бог здоровья.

Микита. Только вы велите ей, чтобы по щекам не била.

Княгиня и Завалишин смеются. Во время этого разговора выходит из дома Екатерина, незамеченная подходит к княгине и сзади ладонями закрывает ей глаза.

Княгиня. Ай! *(Санька и Микита скрываются)*

Екатерина *(отпуская ее)*. Сударыня, как видно, шел дождь? Мои пальцы мокры и ваши глаза тоже.

Княгиня *(важно)*. Ваше величество, я плакала.

Екатерина. Над чем? *(Завалишину)* Известно ли вам, что это бросает тень на вашу галантность?

Завалишин. Так точно. Я был причиной слез сей дамы.

Екатерина *(нахмурив брови)*. Нимало не делает вам чести, сударь.

Княгиня. Нет, не горьких слез он причиной, а счастья.

Знаю, что скажешь... Вижу... Молчи. А у него ветер сквозной в голове.

Княгиня. Все равно. Мы поклялись...

Екатерина. Да ты знаешь ли... *(Оборвала, в волнении отходит)*

Появляются князь и Полокучи.

Князь. Виноват кругом, ваше величество.

Екатерина *(вспылив)*. Сударь, вы забыли обязанности супруга.

Князь. Мошку хотел достать.

Екатерина. Что ж из того, что дама засорила глаз, — не резон лазать туда языком. Уголок платка имеется на сей предмет.

Князь. В кармане не случилось.

Екатерина. Затем, вы — кровожадный ревнивец!

Князь. Помилуй бог.

Екатерина. А вспышки бешеного нрава? А склонность к неумеренному сну? А необузданные страсти, только что виденные нами?

Князь. Ваше величество, достойнейшая и добродетельнейшая Анна Александровна не зловредные страсти мои узрела, но многие любезные ей качества, кои в неизвестности во мне произрастали, и даже великой жалостью воспылала, особенно слыша повесть моей сиротской юности, когда по одному лишь недомыслию объедался гнусной ягодой пзникой.

Екатерина. Довольно, сударь, извольте собираться в путь, я вас беру с собой в Крым!

Князь *(крестится)*. В Крым, ваше величество?.. Ведь я туда не доеду...

Екатерина. Достойное наказание за все ваши поступки. Надеюсь, Аннет, вы с вашим мужеством одолеете его скверный характер?

Полокучи. Постараюсь изо всех сил, ваше величество.

Князь. А как же насчет супруги моей? Ее на час нельзя бросить одну... С собой ее брать, али еще как?..

Полокучи. Аудиенция окончена, и далее разговаривать — *не по этикету*.

Князь и Полокучи отходят, в дверях появляется Завалишин.

Завалишин. Дормез подан...

Екатерина *(княгине)*. Дитя мое, лишь в восемнадцать лет возможно думать, что любовь — важное занятие. Вот доказательство. *(Завалишину)* Майор! *(Он подходит)* У вас на лице жестокие морщины упрямства и непреклонной воли. А под глазами синяки. Сударь, я приказываю немедленно принять учтивый и веселый вид. Боже, какое непослушание! Моя гвардия распущена, как турки. *(Молчание. Тихо, иным голосом)* Коли всего вам выше безумие, я разрешаю вам бежать с дороги, надеюсь, сюда найдете дорогу сами. А с кручи в воду... С кручи в воду бросьте вот эту книжку.

Завалишин *(пылко)*. Слушаюсь, ваше величество...

Екатерина *(Завалишину)*. Мы можем ехать?..

Завалишин. Так точно.

Екатерина. А все же вы не испортили мне счастливого дня. Как ни старались оба... *(Берет княгиню за подбородок)* Спасибо за гостеприимство, буду его помнить... Прощай, сорока... Веселись, а много не доверяй любви...

Екатерина, Полокучи и князь уходят. Завалишин и княгиня, быстро оглянувшись, устремляются налево.

Завалишин. Жизнь моя! Любовь моя! Радость моя! Я буду нынче в полночь.

Княгиня. Нет... Нет... Это слишком скоро... Мне страшно... *(Он целует ее в губы и убегает, не оглянувшись)* Саша, Саша, Жанетта.

Санька выбегает из-за угла.

Слушай, я читала, что чувствительные натуры нередко впадают в обморок от любви и даже умирают... Ах, только бы дожить до полночи.

Теряя чувства, княгиня опускается на руки Саньке. За домом Микита играет на рожке.

Занавес

1919 г.

чудеса в решете

Комедия в 4 действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Любовь Александровна Кольцова, девушка из провинции.
Алеша (Алексей Иванович), вузовец.
Иван Кузьмич Шапшев, управдом, бывший лавочник.
Адольф Рафаилович Рудик, блестяще одет. Делец.
Семен Визжалов, он же граф Табуреткин, вор.
Марго, девушка легкого поведения, сожительница Визжалова.
Михаил Михайлович Бирюков, председатель жилтоварищества.
Валентин Аполлонович Хинин, актер-эстрадник.
Евдокия Кондратьевна Журжина, домашняя портниха, средних лет.
Федор Павлович Июдин, злостный старичок.
Теппер, крупье.
Григорий Захарович, содержатель кавказского кабачка.
Газетчик.
Левкин.
Человек в тюбетейке.
Ухов, сибиряк.
Лоханкин, клубный жучок, или марафон.
Соня Огурцова, проститутка.
Посетители игорного клуба: нищий на костылях, толстомордый бандит, сердитая женщина, шкеты, торговцы и другие.

Первое действие — на дворе дома на Петербургской стороне.
Второе действие — в игорном клубе.
Третье действие — в кавказском кабачке.
Четвертое действие — на набережной у ворот дома на Петербургской стороне.

Между первым и четвертым действиями проходит несколько часов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Двор на Петербургской стороне. Направо и налево — двери черных ходов. У двери направо надпись: «Управдом». Сбоку, в глубине, покатая крыша сарая. На ней лежит Левкин, голый. В глубине — набережная, река, баржа с булыжником. Алеша возит тачкой камни с баржи на берег. Налево, у черного хода, на табуретке сидит Журжина, шьет. По двору гуляет Июдин с собакой. В окне, за горшками с цветами, виден управдом Шапшнев. Слышен гул воздушного винта. Июдин, Журжина, Шапшнев — в окошке, Марго — в окошке, Алеша — на набережной — поднимают головы и глядят на небо.

Хинин *(торопливо высунулся из окна).* Что случилось? В чем дело? *(Взглянул на небо)* Дирижабль... Эка штука. *(Скрылся в окне)*

Шапшнев. Резиновый. *(Скрылся в окне)*

Журжина. Летят люди выше птицы небесной, летают выше облаков. Как это они летают? Отчего, Федор Павлович?

Июдин. Водород. Накачают в баллон, посадят комсомольцев и летают. Ничего хитрого.

Шапшнев *(в окне).* Один обыватель заинтересовался — полетать. Его подняли. Он оттуда турманом — как загудит!.. Вот тебе и полетел...

Июдин. Потише орите, у моей собаки желудок действует. *(Разглядывает в лупу что-то на земле)*

Шапшнев. Константин!

Журжина. Дворник ушедши, Иван Кузьмич.

Шапшнев. Куда?

Журжина. С какой-то дамочкой на Елагин остров.

Шапшнев. Это ему у Рудика полтора рубля дали, — дрова носил. Нет, чтобы не пропить. *(Потянул носом)* Это откуда вонища?

Журжина. В шестнадцатом номере требуху варят, — ведь праздник, Иван Кузьмич.

Шапшнев. Какую требуху? Телячью? *(Не получив ответа, скрылся)*

Июдин *(Журжиной)*. Я так это и знал.

Журжина. Знаете, Федор Павлович, я сегодня сон видела, такой приличный, интересный...

Июдин. У Мономаха опять пузырчатые глисты.

Журжина. Скушали они что-нибудь неподходящее.

Июдин. Пыль, несущаяся по неметеным и отвратительным улицам, содержит в себе пузырчатые глисты. Они попали в желудок моей собаки благодаря Откомхозу.

Шапшнев *(опять в окне)*. Это что такое насчет Откомхоза?

Июдин. От имени моей собаки благодарю Отдел коммунального хозяйства за санитарное состояние нашей набережной.

Шапшнев. Вот как. *(Скрылся)*

Журжина. Федор Павлович, извините меня, расскажу вам про этот сон мой. Увидела я аккурат наш двор и все такое грязное, облупленное — обыкновенное. И будто я вот так же сижу, шью панталоны проститутке Марго. *(Кивает на окошко)* Вон ей. И будто несут по двору шелковое платье, — вот так — на обеих руках, — белое, подвенечное, с кружевами. И я еще думаю: как так? Неужели в нашем доме невеста? Кто она? И сама я плачу, сама рыдаю. И хочу спросить: кто невеста, кто она? И тут невеста выходит с черного хода и берет это шелковое платье. Знаете, кто она? Люба.

Июдин. Какая Люба?

Журжина. Ну, Люба Кольцова, из третьего номера, Любовь Александровна. Ее беднее на нашем дворе нет. Она из Рязани, рассказывают, пешком пришла. Ну, просто пришла в Ленинград за счастьем. И она безусловно голодная, безработная.

Июдин. Так что же, по-вашему?

Журжина. Нет, Федор Павлович, эта девушка должна скончаться в непродолжительном времени. Белое платье — саван.

Июдин. Ну...

Журжина Саван. *(Вытирая глаза)* Такая прелестная, приличная...

Марго *(высунувшись из окна, вытряхивает юбку)*. Про кого это?

Шапшнев *(из окна)*. Эй, там, — в шестнадцатом номере трясете!

Марго. А что, — *нельзя*?

Шапшнев. Постановлением правления трясти ковры, дорожки, шерстяные вещи дозволяется только от шести до восьми утра.

Марго. Так это же юбчонка.

Шапшнев. Все равно, и юбку трясти воспрещается.

Марго. Извините. *(Скрылась)*

Бирюков *(появляется на дворе с большим листом, прикрепляет его к двери управдома)*. Хочешь, не хочешь, а прочтешь...

Июдин. Председатель опять какую-нибудь гадость приклеит.

Журжина *(мотает головой)*. Тише, тише.

Июдин. Мономах, назад!

Бирюков *(насмешливо)*. Мономах.

Июдин. По конституции не запрещается называть собак монархическими именами. Вот и — Мономах.

Бирюков *(зовет)*. Товарищ Шапшнев!

Шапшнев *(в окне)*. Здесь, Михаил Михалыч.

Бирюков. Хорошо бы клейстеру.

Шапшнев. Сейчас я с клейстером.

Бирюков. Пролетел первый советский дирижабль, первый пробный полет. А у нас хоть бы что, — сидят, сны толкуют. Да про глисты. Да, уж у нас дом — болото!

Июдин. Не агитация — факты нужны.

Бирюков. И будут.

Шапшнев *(вышел во двор, подает клейстер)*. Вы его слюнями разболтайте, засох.

Бирюков. Опять от вас запах тяжелый, товарищ Шапшнев.

Шапшнев. Зуб лечил. Пол-рюмки на дупло — моментально проходит.

Бирюков *(приклеив лист)*. Почитайте. Для всех сознательных и для всех бессознательных. *(Отходит и читает список недоимщиков)*

Шапшнев *(читает объявление)*. «Сегодня розыгрыш государственного выигрышного займа. Можно приобрести билет с перестраховкой за рубль шестьдесят копеек. Каждый должен испытать счастье. Все — на площадь Лассаля».

Бирюков. Кольцова, Любовь Александровна, из третьего номера, задолжала за четыре месяца с пенями шестьдесят семь рублей семьдесят восемь копеек, — надо бы пристращать.

Шапшнев. Стращал, Михал Михалыч.

Бирюков. Деньги, деньги нужны. *(Зовет)* Товарищ Левкин.

Левкин *(садится на крыше)*. Есть.

Бирюков. Будет тебе спать-то.

Левкин. Ну и фиолетовые лучи на этой крыше! Как кипятком дерет. Третья шкура слезает.

Бирюков. Едем на взморье.

Левкин *(соскакивает с крыши и бежит мимо Журжиной на набережную)*. Сейчас, за веслами сбегаю.

Бирюков *(Шапшневу)*. Пострращай. А то ведь никто не платит. Ну и жители! *(Уходит за Левкиным)*

Шапшнев. Шапшнев стращай, Шапшнев клейстер вари, и все с Шапшнева спрашивают, и всё Шапшнев не угодил, от Шапшнева дух тяжелый. *(Стучит в окно Любы)* Гражданочка!

Журжина *(по поводу Левкина)*. И бежит по двору голый мужчина, как это понять, извините, Федор Павлович. В прошлое воскресенье пошла я на Крестовский, на плешь, на самый песок. Раскинулась я с ревматизмом. И что же, Федор Павлович, выходят из воды две мущины, совершенно голые, ну, совершенно. Ну, такие могучие, представьте себе, выходят, и я тут одна на песке. Вы понимаете, Федор Павлович, я зажмурилась, ну, совершенно, как в обмороке. Как это понять?

На соседнем дворе играет шарманка.

Шапшнев. Нет там никого. Когда это она уйти успела?

Июдин *(читает объявление)*. Выиграешь чорта с два.

Из дома выходит Семен Визжалов, направляется к объявлению.

Семен. Граф Табуреткин вышел на двор из своего роскошного особняка и, заметив столпление народа, спросил: граждане, чем интересуетесь? Здравствуйте, Иван Кузьмич!

Шапшнев. Здравствуй, сволочь!

Семен. Разрешите полюбопытствовать... *(Читает объявление)*

Июдин *(оглянув Семена)*. Да, тут нужно отойти подальше.

Шапшнев. Ты, что же, сукин сын, опять в четвертом номере замок ломал?

Семен. Когда?

Шапшнев. Вчера ночью.

Семен. Кто, я? Граф Табуреткин? И тут граф, выйдя из последнего терпения, как развернется... Это не я ломал. В своем районе я никогда себе этого не дозволяю.

Шапшнев. А вот я сейчас схожу за милиционером.

Семен. У графа было восемнадцать приводов, но ни одного вещественного доказательства. Прощайте, Иван Кузьмич.

Шапшнев. Прощай, сволочь.

Из дома выходит Хинин, взволнованно.

Хинин. Что такое? Что за объявление? Опять повышение квартплаты? Заранее говорю — не плачу... Судитесь.

Семен. Будет вам трепаться-то, Валентин Аполлонович.

Хинин. А, граф Табуреткин. Здравствуй, Семен. Ну, как? Воруешь?

Шапшнев. Когда же это его профессия.

Семен. Жизнь графа была покрыта неопределенным мраком... Вот, например... *(Выхватывает колоду карт)* Колода карт. Никакой мистификации, — удостоверьтесь. Одно голое счастье. *(Присаживается, раскладывает три карты)* Вот червонная дама. Удостоверьтесь. Гривенник

ставка. Угадаете между трех карт червонную даму, — ваше.

Шапшнев. Ну, знаешь, за это...

Хинин. Брось. В трынку не играю.

Семен. Ставка — гривенник серебром. Ваши два шанса, мой — один.

Шапшнев. Знаешь, за это тебя не погладят. *(Присаживается, играет)* Вот, эта.

Семен. Угадали. Ваше.

Хинин. А ну-ка я. *(Бросает гривенник)* Эта.

Семен. Угадали. Ваше...

Шапшнев. Иду на двугривенный...

На набережной появляется Люба, Алеша с тачкой спускается с баржи.

Люба. Алеша!

Алеша. Ну, что? Вышло место?

Люба. Ничего не вышло. И разговаривать не хотят.

Алеша *(перевернул тачку, подошел к Любе)*. Так как же теперь? *(Поправляет очки)*

Люба. Ничего не знаю. Камни выгружать?

Алеша. Бросьте. Надорветесь.

Люба. А почему вы не надорветесь?

Алеша. Мне что... Только есть очень хочется, — в три или четыре раза против нормального... С утра и до ночи думаю о чайной колбасе.

Люба. Больше ни о ком не думаете?

Алеша *(взглянув на нее)*. Вы про что?

Люба *(зловеще)*. Скоро узнаете — про что. Пожалеете...

Алеша. Надо спокойно относиться ко временным затруднениям... Я думал: почему бы вам не сдать половину комнаты спокойной жиличке?..

Люба. Может быть, вы еще о чем-нибудь думали?

Алеша *(посмотрел на нее)*. Вы про что?

Люба *(рассердилась)*. Да ни про что я...

Алеша. Я уже предпринял некоторые шаги, но кого ни спросишь, все разъехались на дачу. Будто это какая-то европейская буржуазия, — на дачу...

Люба. Бывает же такое счастье у человека, — в кармане — бац — два или три червонца... Это значит: море, песок, ветер... *(Кричит)* Не дача, а — песок и мо-

ре, и у меня — белое платье. А вы как думали?.. И чтобы мне говорили слова... А не про чайную колбасу.

А л е ш а. Какие слова?

Л ю б а. А вот такие, — каких нет в ваших книжках.

А л е ш а *(подумал)*. Вы про что?

Л ю б а. Вот вы, должно быть, многого добьетесь в жизни, — сразу видно...

А л е ш а. Я тоже так думаю... *(Поправляет очки)*

Л ю б а. Из одного города приехали, с одной улицы... Вы-то, что же, — много умней меня, много лучше?

А л е ш а. Вы, Люба, горячее... Зато у меня больше выдержки...

Л ю б а. У вас все складно выходит... У меня ни черта не выходит. Никогда не выйдет... *(Отходит)*

А л е ш а. Люба... возьмите у меня денег...

Л ю б а. Испугались? А? *(Внимательно глядит ему в глаза)*

А л е ш а. Вы про что?

Л ю б а. Не испугались? Эх, вы...

А л е ш а. Цыганский пот прошибет с вами разговаривать. Загадки, вопросы. Возьмите три рубля...

Л ю б а. У вас не возьму.

А л е ш а. Почему? Я же как товарищу

Л ю б а. Не хочу.

А л е ш а. Сложно. *(Опустив голову, рассуждает)* Очевидно, психология женщины много запутаннее, чем психология мужчины... В то время, когда мы сосредоточиваем всю энергию на достижение одной...

Л ю б а ушла. Он поднял голову.

Ушла... да... Я редкий осел... *(Взял тачку, покатил на баржу)*

Ш а п ш и е в *(бросив карту, пошел навстречу Любе)*. Погодите-ка, гражданка.

Л ю б а остановилась, нахмурилась.

Я к вам с большой неприятностью.

Л ю б а. Ну?

Ш а п ш и е в. Что же вы, — будете, наконец, платить за квартиру? Это безобразие надо кончить.

Л ю б а *(взмахнула головой)*. Сейчас — нет.

Шапшнев. Граждане, вы слышали.

Подходят Июдин, Хинин, Семен и Журжина.

Июдин. Позвольте, позвольте, в чем дело. Насчет квартплаты?

Шапшнев. Нагло отказывается. А виноват всегда Шапшнев, — почему не стращает.

Семен *(спокойно)*. За это гражданочку мало в клочки разорвать.

Июдин *(Любе)*. А на какие средства, я спрашиваю, мы будем ремонтировать крышу, которая течет?

Журжина. В шестнадцатом номере, — это у них привычка, — откроют кран в ванной и сами уйдут на весь день. И вся вода через потолок на мою кровать, и воды по щиколотку.

Шапшнев. Погоди, мы не про то.

Хинин. Граждане... Я, как представитель искусства, как артист, как трудящийся, выражаю самый решительный протест. Заматывание квартплаты надо кончить раз и навсегда. Нужно дать отпор.

Семен. Будет трепаться-то, Валентин Аполлонович...

Хинин. Гражданин Визжалов, прошу не перебивать... В моей квартире начали ремонт, развалили обе печки, и ремонт прерван на неопределенное время. *(Указывая на Любу)* Из-за подобных безответственных личностей у нас нехватает денег на ремонт... Товарищи, задачи революционного строительства — бороться за каждую копейку квартплаты.

Шапшнев *(широко улыбается)*. Правильно.

Семен. Этот вбил гвоздь.

Июдин *(Любе)*. Нынче не девятнадцатый год. Каждое ведро помоев, которое вы изволите выливать в мусорную яму, обходится жилтовариществу в одну девятую копеечки.

Люба. Но я же говорю, что у меня нет денег.

Семен. Совершенно случайно, гражданочка, мне известно, что у вас в кошелечке водится выигрышный билет номинальной стоимостью в десять рублей золотом.

Шапшнев. Вот как — выигрышный билет?

Хинин. Ага! Выигрышный билет.

Л ю б а. Выигрышный билет мне дала мама, когда я уезжала из Рязани. Дала на счастье.

Все засмеялись.

И ю д и н. Вот так счастье!

Ш а п ш н е в. Удружила мамаша!

Х и н и н. Так и платите им за ремонт моей печки.

Л ю б а *(протягивает билет Хинину)*. Возьмите.

Ж у р ж и н а. Смотрите, — материнский подарок.

Х и н и н. Передайте управдому.

С е м е н *(заглянув в кошелек Любы)*. Зловещая пустота.

Л ю б а *(Шапшневу)*. Значит, я заплатила десять рублей в счет долга.

Ш а п ш н е в. Как так? Он этого не стоит. Да и вообще, граждане домовые жильцы, принимать ли?

Х и н и н. Вопрос крайне серьезный.

И ю д и н. Решим на летучем собрании.

С е м е н. На голосование. Кто воздержался?..

Ш а п ш н е в. Не вертись ты около нас, котище проклятый.

Ж у р ж и н а. Я воздерживаюсь. *(Отходит и садится снова около крыльца)*

Ш а п ш н е в. Ведь, может быть, этот билет в тираж вышел.

И ю д и н. Не брать, нет.

Х и н и н. В таком случае — чорт с ним.

Ш а п ш н е в. И номер какой-то подозрительный: серия «А», пять нулей, единица.

С е м е н *(заглядывая в билет)*. Пять нулей, единица... Вот так материнский подарок.

Х и н и н *(заглядывая в билет)*. Пять нулей, единица... Ерунда!

И ю д и н. Давно в тираже. *(Отходит)*

Ш а п ш н е в. Возьмите билет, гражданочка. Завтра подаем на вас в народный суд.

Л ю б а. Но в чем же я провинилась? Я не виновата, что у меня нет денег. Подождите немного... Мне обещали найти жиличку. Если вы меня выселите, — что же остается? В Неву, что ли, кинуться?..

Ш а п ш н е в. Нас это не касается.

Л ю б а *(изумленно)*. Вас это не касается? Но если так, то я, конечно, пойду и кинусь... и записку оставлю, что вы виноваты...

Ш а п ш и н е в. Не запугаете.

Х и н и н. Не на таких наскочили...

С е м е н. Эта кинется, очень просто... *(Отходит, садится на дрова)*

Л ю б а *(растерянно)*. Придет осень... Я поступлю на службу... Я поступлю на драматические курсы. Я заплачу. *(Обрадовалась)* Я напишу в Рязань... Мне пришлют.

Ж у р ж и н а *(Июдину)*. И берет она подвенечное платье, и я уже понимаю, что это — саван.

С черного хода появляется Р у д и к. Л ю б а порывисто идет к нему.

Л ю б а. Гражданин Рудик...

Р у д и к. Адольф Рафаилович.. К вашим услугам.

Л ю б а. Купите у меня билет... это необходимо...

Р у д и к *(рассмотривая билет)*. Серия «А». Пять нулей, единица. *(Засмеялся, протянул билет обратно)* Я не играю. Мерси, барышня...

Л ю б а. В таком случае... дайте мне денег... взаймы...

Р у д и к. Ого! *(Шарит в кармане)* Копеек сорок...

Л ю б а *(струсив)*. Нет... шестьдесят семь рублей... Все равно — меньше. .

Р у д и к. Вот как, — шестьдесят семь рублей или меньше... Но, знаете, денежки я держу в банке. Вы поняли меня? Сегодня праздник и, к сожалению, принужден вам отказать. *(Отходит)*

Л ю б а. Хорошо... Благодарю вас.. *(Опустив голову, медленно идет к себе)*

Ш а п ш и н е в. Адольф Рафаилович, насчет фановой трубы заявленьице надо подписать...

Р у д и к. Ах, эта вечная канцелярщина. *(Идет к двери управдома)*

Х и н и н *(повышенно)*. Адольф Рафаилович, на два слова...

Р у д и к. Ну-те...

Х и н и н. Есть контрабандные носки, дивное мыло, заграничная помада и кое-что другое...

Р у д и к *(оглядываясь)*. Знаете, — контрабанда...

Хинин. Вчера из Парижа... Сбегать?

Рудик. Ну, если французский товар.

Рудик и Шапшнев уходят в контору. Хинин убегает к себе. Июдин ушел на набережную. Семен сидит на дровах. Журжина шьет. Люба уходит к себе.

Журжина *(вслед Любе).* Сердце болит за эту девушку.

Семен *(на дровах, задумчиво).* А что такое честный человек? Нет ответа. Где они, эти честные-то? Мучительный вопрос. И кругом одна жестокая скука.

Алеша *(проходит в глубине и кричит кому-то).* Левка, Мишка... Ты куда? Купаться?.. Подожди, я с вами...

Журжина. Ну, прямо не могу... *(Идет к Любиному окну)*

Семен. Это из мыслей графа Табуреткина.

Журжина. В таком состоянии она, — долго ли до беды... *(Заглядывает в Любино окно)*

Люба с силой его распахивает.

Люба. Вы зачем подсматриваете?.. Что вам еще от меня нужно?

Журжина. Виновата. *(Семенит обратно)*

На дворе появляется мальчик-газетчик.

Газетчик. Красная вечерняя. Рождение волосатого младенца о двух головах на Выборгской стороне. Кулидж собирается проглотить Францию. Гибель Исаакиевского собора. Полный подробный список сегодняшних выигрышей государственной лотереи.

Семен. Дай газету.

Газетчик *(подает ему газету и уходит в дом).* Красная вечерняя. Тайна женского туловища...

Журжина. Девушке, молоденькой в особенности, трудно, невозможно пробиться в жизни. Затопчут люди.

Люба *(выходит из дому).* Нет, не затопчут... *(Уходит на набережную и скрывается за углом)*

Журжина Куда это она пошла? *(Поднялась)* Ай... Ай... Да, Семен же, догони ее... ай... топиться побежала...

Семен. Чепуха. *(Махнул рукой, развертывает газету)*

Марго *(выбегает на двор)* Кто топиться побежал?

Журжина. Кольцова... Держите ее...

Марго. Евдокия Кондратьевна, как страшно!..

Голос Любы. Алеша... Алеша!..

Марго. Жива еще... зовет...

Голос Любы. Алеша... *(Люба появляется на набережной)* Алеша...

Журжина. Они купаться ушедши... Вот только что на лодке уплыли...

Люба. Ушел купаться... Но ведь он слышал, что здесь происходило? *(Глядит в сторону реки)* Хорошо. Тогда — пусть купается.

Журжина *(толкает Марго)*. Помоги ты ей, Марго, ты опытная. Вот горе-то... Пальцы ломает...

Марго *(Любе)*. Гражданка... извините меня... я не такая ужасно образованная, но все-таки...

Журжина. Вы ее послушайте. Она сквозь огонь и воду прошла.

Люба. В лицо им швырну деньги... Научите, где мне достать?

Марго. Это можно даже очень просто разными способами.

Журжина. Она научит.

Марго. Торговать телом вы, безусловно, не станете. Этого и не потребуется в данном случае, — сумма небольшая.

Люба. Огромная! Шестьдесят семь рублей!

Марго. Одну мою подругу, Соню Огурцову, конечно, собрались также выселять с милиционером. Туда-сюда, а платить ей тридцать червонцев за две роскошные комнаты.

Журжина *(всплескивая руками)*. Батюшки, ну, как же она?

Марго. И вдруг ее надоумили: достань, говорят, сколько ты можешь, — ну, рублей пять. Одним словом, тебе терять нечего, поди, попытай счастья...

Люба. Счастье?.. Я хочу, хочу попытать счастья... Научите меня, — где?

Марго. Обыкновенно, — в игорном клубе.

Люба. Я пойду туда. Ваша подруга выиграла?

Марго. Кроме того, — заказала себе роскошное манто.

Люба. Сейчас туда можно пойти?

Марго. Круглые сутки отперто. Конечно — солидный игрок приезжает в клуб после трех часов ночи. Сейчас там элемент не денежный, больше со столов полтинники тырят, чем играют, но попытать можно...

Люба. Пойдемте со мной, Марго.

Марго. Евдокия Кондратьевна, у меня дома требуха варится, так вы присмотрите. А ключ Семену отдайте.

Журжина. Покойненько, покойненько идите обе, я присмотрю... Дай вам господи.

Из дома выходит Хинин со свертком.

Люба *(Марго)*. У меня только выигрышный билет. Как быть?

Марго. Ничего, там возьмут. У меня есть знакомый жучок, Лоханкин, он поможет...

Семен *(вдогонку Марго)*. Ты куда это — туфли шмарыгать?

Марго. Это уж наше дело.

Люба и Марго уходят. Журжина их провожает.

Хинин *(газетчику, который вышел из дому)*. Вечернюю!

Газетчик. Полный подробный список выигрышей государственной лотереи. Сегодняшний выигрыш в двадцать пять тысяч...

Из конторы выходят Шапшнев и Рудик.

Рудик. Пст!.. газетчик.

Шапшнев. Какой такой выигрыш?

Газетчик. Выигрыш в двадцать пять тысяч рублей, ваше междометие.

Шапшнев. А ну, дай-ка сюда газетку.

Газетчик уходит, крича на набережной. Рудик, Хинин, Шапшнев и Семен на дровах — с развернутыми газетами. Пауза.

Семен. Изобретены питательные лепешки из человеческих отбросов.

Рудик *(вздыхает)*. Эх-хе-хе...

Шапшнев. А интересно, какой это номер выиграл? *(Не спеша надевает пенсне)*

Рудик. Ясно — какое-нибудь учреждение.

Хинин. Шаляпин признал эс-эс-эс-эр.

Семен. Да, все-таки, загнула эта женщина на Охте — с двумя головами младенец в бараньей шерсти. Врачи надеются определить пол.

Рудик. Пустая газета.

Шапшнев *(читая)*. Сегодняшний выигрыш в двадцать пять тысяч...

Хинин. А ведь кто-то сегодня купит газету за пятачок, развернет — его номер...

Шапшнев *(дико вскрикивает)*. А!.. *(Глядит, точно проглотил рыбью кость)* Серия-то у нее какая?..

Хинин. У кого?

Шапшнев. Серия «А», спрашиваю?..

Рудик. Слушайте, слушайте... Да быть этого не может! *(Ищет в газете)*

Шапшнев *(кидается к окну Любы)*. Гражданка Кольцова... Любовь Александровна... *(Стучит)*

Рудик. Ну, да... серия «А»... пять нулей, единица...

Шапшнев *(в окно Любы)*. Я согласен... дайте билет... Вот деньги.

Хинин. Как? Выиграл этот самый билет?

Семен внимательно прислушивается, смотрит в газете. Вскакивает, идет к окну Любы.

Шапшнев *(страшным голосом)*. Куда она опять ушла?

Хинин. Позвольте, но ведь она его мне предложила.

Рудик. То есть как это вам?.. Вы мне голову не вертите... Я купил билет, — все свидетели.

Хинин. Идите к чорту. При свидетелях мне первому предложила.

Шапшнев. Нет, уж вы, граждане, оставьте колбаситься. Билет предложен мне как управдому.

Семен пробирается незаметно к набережной.

Рудик. Мне это смешно даже слушать. Вы отказались, и она предложила мне...

Секунда паузы. Все обернулись в сторону Семена. Он спрашивает у снова появившейся Журжиной.

Семен. Да в какой клуб?

Журжина. Не знаю, не знаю.

Семен. Труперда! *(Поспешно уходит)*

Рудик. Я вас рассужу... Как пить дать — билет мой.

Шапшнев *(щелкнув зубами)*. Мой билет.

Хинин. А я говорю — мой билет.

Шапшнев. А вот я за милицией сейчас пойду.

Хинин. Нет, не пойдешь... Чувырла!

Шапшнев. И на тебя, сукин сын, донесу, контрабандист!.. Это что у тебя в бумаге?

Хинин. Не твое дело.

Шапшнев. Не мое?..

Хинин. Не твое.

Рудик. Слушайте, мы только теряем время...

Хинин *(Шапшневу)*. А я вот догоню сейчас Кольцову да и скажу, что ее билет выиграл. Вот вам всем — фига!..

Шапшнев *(засучивается)*. Ну-ка, еще покажи.

Хинин. На, понюхай.

Шапшнев *(сгреб его за волосы)*. Милиционер!..

Хинин. Пусти, подлец!

Рудик. Ну, перестаньте. Так мы никогда не договоримся. *(Разнимает их)* Слушайте, я придумал выход...

Шапшнев. Придумал?

Хинин. Какой выход?

Рудик. Мы будем стараться захватить у Кольцовой этот билет. Кому из нас троих удастся забрать билет, тот берет себе пятнадцать тысяч. Остальные получают по пять тысяч. — Ну, что?

Шапшнев. Придумал.

Хинин. Хорошо. Согласен.

Шапшнев. Ладно... Только вот что... Друг от друга не отбиваться... *(Журжиной)* Ты не видала, — Кольцова в какую сторону пошла?

Журжина. Видала. Вон туда.

Шапшнев. Куда именно?

Журжина. Пошла в клуб. В карты играть. Выиграю, говорит, и в рожу им эти деньги швырну... И Семен туда же за ними пошел.

Все трое окаменели, слегка присели. Вскрикнули и побежали по набережной.

Шапшнев. Погодите меня, погодите, товарищи...

Занавес

Семен. Да, все-таки, загнула эта женщина на Охте — с двумя головами младенец в бараньей шерсти. Врачи надеются определить пол.

Рудик. Пустая газета.

Шапшнев *(читая)*. Сегодняшний выигрыш в двадцать пять тысяч...

Хинин. А ведь кто-то сегодня купит газету за пятачок, развернет — его номер...

Шапшнев *(дико вскрикивает)*. А!.. *(Глядит, точно проглотил рыбью кость)* Серия-то у нее какая?..

Хинин. У кого?

Шапшнев. Серия «А», спрашиваю?..

Рудик. Слушайте, слушайте... Да быть этого не может! *(Ищет в газете)*

Шапшнев *(кидается к окну Любы)*. Гражданка Кольцова... Любовь Александровна... *(Стучит)*

Рудик. Ну, да... серия «А»... пять нулей, единица...

Шапшнев *(в окно Любы)*. Я согласен... дайте билет... Вот деньги.

Хинин. Как? Выиграл этот самый билет?

Семен внимательно прислушивается, смотрит в газете. Вскакивает, идет к окну Любы.

Шапшнев *(страшным голосом)*. Куда она опять ушла?

Хинин. Позвольте, но ведь она его мне предложила.

Рудик. То есть как это вам?.. Вы мне голову не вертите... Я купил билет, — все свидетели.

Хинин. Идите к чорту. При свидетелях мне первому предложила.

Шапшнев. Нет, уж вы, граждане, оставьте колбаситься. Билет предложен мне как управдому.

Семен пробирается незаметно к набережной.

Рудик. Мне это смешно даже слушать. Вы отказались, и она предложила мне...

Секунда паузы. Все обернулись в сторону Семена. Он спрашивает у снова появившейся Журжиной.

Семен. Да в какой клуб?

Журжина. Не знаю, не знаю.

Семен. Труперда! *(Поспешно уходит)*

Рудик. Я вас рассужу... Как пить дать — билет мой.

Шапшнев *(щелкнув зубами)*. Мой билет.

Хинин. А я говорю — мой билет.

Шапшнев. А вот я за милицией сейчас пойду.

Хинин. Нет, не пойдешь... Чувырла!

Шапшнев. И на тебя, сукин сын, донесу, контрабандист!.. Это что у тебя в бумаге?

Хинин. Не твое дело.

Шапшнев. Не мое?..

Хинин. Не твое.

Рудик. Слушайте, мы только теряем время...

Хинин *(Шапшневу)*. А я вот догоню сейчас Кольцову да и скажу, что ее билет выиграл. Вот вам всем — фига!..

Шапшнев *(засучивается)*. Ну-ка, еще покажи.

Хинин. На, понюхай.

Шапшнев *(сгреб его за волосы)*. Милиционер!..

Хинин. Пусти, подлец!

Рудик. Ну, перестаньте. Так мы никогда не договоримся. *(Разнимает их)* Слушайте, я придумал выход...

Шапшнев. Придумал?

Хинин. Какой выход?

Рудик. Мы будем стараться захватить у Кольцовой этот билет. Кому из нас троих удастся забрать билет, тот берет себе пятнадцать тысяч. Остальные получают по пять тысяч. — Ну, что?

Шапшнев. Придумал.

Хинин. Хорошо. Согласен.

Шапшнев. Ладно... Только вот что... Друг от друга не отбиваться... *(Журжиной)* Ты не видала, — Кольцова в какую сторону пошла?

Журжина. Видала. Вон туда.

Шапшнев. Куда именно?

Журжина. Пошла в клуб. В карты играть. Выиграю, говорит, и в рожу им эти деньги швырну... И Семен туда же за ними пошел.

Все трое окаменели, слегка присели. Вскрикнули и побежали по набережной.

Шапшнев. Погодите меня, погодите, товарищи...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Угол комнаты в игорном клубе. Налево — ниша и два столика. Направо — арка, за ней буфет. Голые, запачканные стены. Зеленый стол. За ним — крупье Теппер. Вокруг стола: человек в тюбетейке, в рваном френче, мрачный и больной; Соня Огурцова, в розовом платье; Иван Ухов, сибиряк, лохматый, черный лицом, с провалившимися глазами; толстомордый бандит в кожаной куртке; толстая сердитая женщина; нищий на костылях; жучок Лоханкин; шкеты, торговцы, девицы, оборванцы. За аркою в буфете играет оркестр — две гармонии и пианино.

Пауза. Играющие смотрят на человека в тюбетейке. Он открывает карту.

Теппер. Банк выиграл. *(Собирает лопаткой деньги)* Вы куда, куда деньги-то тащите? — выиграл банк, слушайте как следует.

Лоханкин. Извиняюсь. Я не ставил, извиняюсь... Я на минуточку только деньги на стол положил, чтобы высморкаться...

Соня. Он врет, гражданин крупье, он ставил.

Теппер *(зовет)*. Старшина.

Лоханкин. Чуть что — старшина. Человеку высморкаться не дают.

Теппер. В банке тридцать рублей. Прошу делать игру. *(Ставят. Он считает ставки)* Шесть, десять, восемнадцать, двадцать шесть... Два рубля свободны... Кто ставит два рубля? *(Бандиту)* Куда рукой-то полез? Убери руку... Полтинник свободный. Кто желает поставить полтинник? *(Соне)* Перестаньте колоть вашего соседа...

Соня. Извиняюсь, я его не колю. Он сам мне деньги сует.

Человек в тюбетейке *(скребет под столом ноги. Глухо)*. Замучила ты меня. Отвяжись от меня.

Лоханкин *(Соне)*. Ты зачем сказала, что я ставил?

Соня. Гражданин крупье, запретите Лоханкину меня шантажировать.

Лоханкин. Задрыга!

Теппер. Ставок больше нет.

Человек в тюбетейке медленно мечет, трет карты о сукно. Входят Люба и Марго. Лоханкин подскакивает к ним.

Лоханкин. Обратите внимание на дамочку рядом с банкометом. Это аферистка. Ей ничего не стоит чело-

века зарезать. Как она у него деньги сосет, так просто ужас.

Ухов. Карту.

Лоханкин *(Любе)*. Вы здесь в первый раз? А я вчера восемнадцать тысяч проиграл, прямо обидно.

Марго. Слушай, Лоханкин, мы играть пришли...

Ухов. Шесть.

Человек в тюбетейке. Семь.

Теппер. Банк выиграл. *(Бандиту)* Опять вы куда ручищу-то тянете, вы не ставили. Гражданин на костылях, вам рубль. Дамочка, не хватайте деньги... Спокойно, спокойно.

Лоханкин *(Любе)*. С этим, в тюбетейке, боже сохрани, не ходите. Он вас заведет куда-нибудь на пустырь и задушит. У него все тело в лишаях. Страшно нервный. Смотрите, Сонька-то его как обрабатывает, пиявка...

Соня *(человеку в тюбетейке)*. Да не сую деньги в чулок, я проиграла. Да, ну, дай, ну, дай трешницу...

Человек в тюбетейке. Не дам больше. Отвяжись от меня.

Теппер. Снимаете банк?

Человек в тюбетейке. Нет.

Лоханкин. Зарывается, глядите, зарывается. Это она его сосет. *(Подбегает к человеку в тюбетейке)*

Теппер. В банке пятьдесят семь рублей. Делайте игру.

Человек в тюбетейке *(яростно чешет ноги, — Лоханкину)*. Замучили. Отстаньте от меня, гражданин.

Теппер *(считает ставки)*. Пятнадцать, двадцать семь... Лоханкин, отвяжитесь от банкомета. Пятьдесят три... *(Бандиту)* Опять ручищами полезли. *(Замахивается лопаткой)* Четыре рубля не покрыты. Вы там, в очках, заснули? Старшина!..

Лоханкин *(возвращаясь к Любе)*. Этот банк обязательно сорвут.

Теппер. Кто желает поставить четыре рубля?

Лоханкин. Ставьте. Берите меня в часть.

Марго. В самый раз поставить. Только у нас — билет, а не деньги.

Лоханкин. Наплевать. *(Берет билет)* Я имею из него полтинник. Гражданин крупье, мы покрываем. Принимаете?

Теппер *(берет билет)*. Пять нулей, единица. Серия «А». *(Человеку в тюбетейке)* Принимаете за четыре рубля?

Человек в тюбетейке. Принимаю.

Теппер *(бросает билет на стол)*. Банк покрыт.

Человек в тюбетейке мечет.

Марго *(Любе)*. Значит, выиграете и у вас будет восемь рублей, и опять их поставите, — у вас будет шестнадцать, и опять их поставите, — у вас будет...

Ухов. Карту.

Лоханкин *(Любе)*. Жир. Плохо наше дело.

Люба. Почему? Мы проиграли?

Лоханкин *(указывая на человека в тюбетейке)*. Говорят, будто это московский шулер, — вот в чем беда...

Человек в тюбетейке. Восемь... *(Волнение за столом)*

Марго. Вот чорт, и нет билета.

Лоханкин. А что я говорил?

Ухов *(вскакивает взлохмаченный, швыряет карты)*. Неправильная игра. Здесь с накладной играют. *(Общий шум)*

Соня *(визжит)*. Деньги растаскивают.

Соня, бандит и еще несколько человек кидаются к деньгам.

Теппер *(колотит их по головам лопаткой)*. Правильная, правильная, правильная игра... Старшина!

Человек в тюбетейке, захватив деньги, встает, идет в буфет В арке его задерживает Соня.

Люба *(Лоханкину)*. Я не понимаю, — мы проиграли?

Лоханкин. Что вы дуру-то валяете, — не понимаю... *(Скрывается)*

Люба. Марго, Марго, где же мой билет?

Марго. У этого московского... Вот, чорт возьми, неудача...

Люба. Что ж нам теперь делать? Я хочу еще раз попытать счастье. Я попрошу, чтобы он на минутку вер-

нул мне билет. Хорошо? Я только выиграю и отдам. Хорошо? Можно?

Марго. Кто его знает. Эти московские такие требовательные... От денег откажешься. Каждому своя жизнь дорога.

Люба. Ах, дорога жизнь. Моя жизнь сейчас четыре рубля стоит. *(Делает движение по направлению человека в тюбетейке. Марго ее удерживает)*

Марго. Сонька Ноздря с ним. Она вас даже до разговора не допустит. Лучше уж я попытаюсь. Вы посидите тут.

Марго идет к человеку в тюбетейке и скоро скрывается с ним и с Соней в буфете. Люба садится налево за столиком. Около нее останавливается Ухов, шарит в карманах.

Ухов. Были, ведь были... Оставались.

Лоханкин *(принимая жестами и выражением лица участие в поисках денег)*. Неужто остались? Неужто не все роздали?

Ухов. Нет еще. Не все роздал. Остались. *(Нашел, считает)*

Лоханкин. Знаете, красный купец, плакать хочется, — как вы проворачиваете червонцы.

Ухов. Жалко. Очень меня жалко. *(Садится за стол Любы)*

Лоханкин. Вот я иначе, как наверняка, не играю. В других клубах сажусь за стол, так все разбегаются. *(На ухо)* Здесь меня еще не знают. Хотите играть пополам. Давайте деньги, давайте. Отыграемся. ...

Ухов *(вытянув бороду)*. Кабы ты был человек, я бы дал, а ты марафон.

Лоханкин *(шмыгнув)*. Глупее глупого. *(Отошел)*

Ухов *(кладет руку на руку Любы)*. Ты что, паразит, сидишь невеселая?

Люба *(вырывает руку)*. Не лезьте.

Ухов. Ну, все равно — угощу тебя мадерой, раз ты голодная. Официант, подай нам бутылочку мадеры позабористее. *(Любе)* А ведь ты не знаешь, кто с тобой сидит, кто я?

Люба. Неинтересно — кто вы.

Ухов. Как неинтересно. Я замечательно интересный. Трое суток спать не ложился. Не хочу. В гробу на-

Теппер. Кто желает поставить?

Люба *(громко)*. Я.

Теппер. Пожалуйста. *(Люба ставит)* Ваш билет идет за четыре рубля.

Слева выбегает человек в тюбетейке, разводит руками и кричит.

Человек в тюбетейке. Люди божие!.. люди божие!..

Теппер. Что вы орете?

Человек в тюбетейке. Ограбили меня. Люди божие, помогите.

Соня *(в арке)*. Нашел, когда бога помянуть.

Теппер. Не орите. Кто вас ограбил?

Человек в тюбетейке. В нужнике. Наскочил блондин среднего роста.. Опомниться не успел... Люди божие!..

Теппер. Старшина... Пройдите в комендантскую.

Человек в тюбетейке. Блондин... в модном галстуке... я хорошо помню.

Несколько человек его уводят в комендантскую.

Теппер. Спокойно. Игра продолжается.

Марго. Ни в каком случае это не Семен его ограбил, он никогда себе этого не позволит в публичном месте.

Теппер. Банк проиграл.

Марго *(Любе)*. Берите скорей деньги. Выиграли.

Теппер *(Любе)*. Хотите метать банк?

Люба. Хочу. *(Садится за стол)* Только вы покажите, как нужно играть.

Теппер. В банке восемь рублей. Игра сделана. *(Любе)* Сдавайте. Карту сюда, карту себе. Еще раз.

Лоханкин *(протискиваясь к Любе)*. Значит, мы банк пополам держим...

Теппер. Старшина! Вывести Лоханкина.

Лоханкин. Извиняюсь. *(Скрывается)*

Теппер *(Любе)*. Теперь посмотрите свои карты.

Люба. У меня — дама и девятка.

Теппер. В банке пятнадцать рублей.

Марго *(Любе)*. Снимите половину, крупье разрешит.

Люба. Нет.

В залу вбегает Рудик, а за него цепляется Шапшнев.

Шапшнев. Вы не бегите впереди нас.

Рудик. Оставьте мой пиджак.

Вбегает запыхавшийся Хинин.

Хинин *(Рудику)*. Виноват, я спрашиваю — почему именно я за вешалку заплатил?

Шапшнев. Да, почему?

Рудик. А я за извозчика платил... Вы оба норовите на шермака.

Шапшнев. Кто оба?

Рудик. Что вы ко мне привязались? Идите себе домой.

Шапшнев *(зловеще)*. Домой...

Хинин *(дьявольски хихикая)*. Сам иди домой.

Рудик. Видите же, — ее здесь нет.

Хинин. Нет, она здесь. Больше клубов нет, — мы все обошли.

Они становятся. Играет оркестр гармонистов.

Шапшнев. Сутки здесь буду стоять, не двинусь.

Рудик. Ужасная духота. Фу!

Шапшнев. Потерпишь.

Хинин. И под роскошным костюмом часто скрывается негодяй...

Рудик. Оставьте ваши намеки.

Люба. Девятка.

Рудик, Хинин и Шапшнев заметили Любу. Первым кинулся к ней Рудик, в него вцепились. Не пускают друг друга.

Рудик. Товарищи, нельзя троим сразу.

Шапшнев. А как уговаривались?

Хинин. Да, как уговаривались?

Рудик. Поймите же, идиоты, она может каждую минуту билет проиграть.

Теппер. В банке шестьдесят пять рублей.

За столом остались два-три человека.

Марго *(Любе)*. Снимайте, снимайте. Уходите...

Люба. Но мне нужно шестьдесят семь. Тут нехватает.

Марго. Сорвут. Ну, мой совет, не зарывайтесь...

Люба. Посоветуйте мне, гражданин крупье.

Теппер. Вы можете снять, если хотите.

Рудик, Шапшнев и Хинин подошли к столу и стали напротив Любы. Улыбаются ей, кланяются, машут ручкой. Люба поднялась, глядит на них с ужасом.

Люба. Это вы?

Рудик. Это мы... *(Приветствует)*

Хинин. Здравствуйте, дорогая, солнышко.

Шапшнев. Пришли должок с вас получить. Это я шучу.

Люба *(провела рукой по глазам. Села, взмахнула головой. Решительно)*. Банк продолжается.

Теппер. Маловато игроков.

Рудик. Вместе с выигрышным билетом в банке шестьдесят пять рублей. Ва-банк. *(Бросает на стол деньги)*

Шапшнев. Чур, уговор.

Хинин. Да, уговор.

Рудик. Дайте карту.

Люба быстро сдает. Пауза.

Рудик *(торжествующе ударил картой)*. Восемь!

Шапшнев. Хо-хо!

Хинин. Наше.

Марго. Не послушали вы меня... Псу под хвост какие деньги...

Люба. Девять.

Марго всплескивает руками.

Теппер. Банк выиграл.

Рудик *(разводя руками)*. Первый раз такой случай.

Люба. Банк продолжается.

Марго *(кидаясь к ней)*. Умру на этих деньгах... Не дам больше играть...

Люба. Пустите... Я им отомщу...

Теппер. В банке сто двадцать три рубля. Делайте игру.

Хинин *(Рудику)*. Режь ее, режь ва-банк...

Рудик. Дело в том, что я не взял с собой столько денег. Банкомет, надеюсь, поверит мне. Я заплачу завтра.

Люба. Нет, я вам не верю.

Хинин *(отталкивая Рудика)*. Пустите. Я сам иду ва-банк.

Теппер. Эклэрэ. Покажите ваши деньги.

Хинин. Я артист Хинин, — вам этого мало? *(Швыряет на стол бумагу)* Вот, — если здесь не верят честному слову...

Теппер. Это же не деньги, гражданин.

Хинин. Это контракт с неустойкой в Севзапкино.

Люба. Не верю... *(Шапшневу)* Вы — играете?

Шапшнев *(Любе)*. Часы золотые, на семи камнях, анкерные, золото двенадцать золотников, — примете против банка?

Теппер. Предметы и драгоценные вещи ставить не полагается. Банк снялся. *(Кладет лопатку. Через минуту он уходит совсем от опустевшего стола)*

Люба *(берет деньги, встает)*. Марго, смотрите, сколько денег. Я никогда столько и не видала.

Марго. Их даже сосчитать невозможно.

Люба и Марго отходят и садятся налево за столик. Рудик, Хинин и Шапшнев стоят в арке и совещаются.

Люба. Марго, какая я счастливая. Сколько счастья в этих бумажках. Какие они грязные, мятые. Мне хочется поцеловать это счастье.

Марго. За квартиру заплатить, это, безусловно, для вас — первее всего.

Люба. Белое платье. Белые чулочки. Новенький чемоданчик и билет на поезд, на взморье.

Марго. Туфли парусиновые. Сонька Ноздря уверяла, — роскошные за семь с полтиной.

Люба. Лежать на песке у моря. В высоте облака и ветер. И — волны, шумные, добрые.

Марго. А рубашки и панталоны, полдюжины, закажите у Евдокии Кондратьевны, с кружевам. *(Начинает пальцем трогать глаза)*

Люба. И знать, что тебя ждет любимый человек, близорукий, смешной...

Марго тихо заревела.

Люба. Марго, миленькая, зачем вы плачете?

Марго. Вам этот капитал легко достался.

Люба. Марго, ребенок мой чудный, не плачьте. Возьмите у меня эти деньги.

Марго *(трясет головой)*. С какой стати...

Люба. Мы их сейчас разделим. Ведь если бы не вы, я бы не выиграла. Вот это — управдому...

Марго. Обязательно.

Люба. Вот эту пачку — вам. Берите, — я обижусь. В лавочку — двадцать рублей. Остается у меня... Вот так фунт гвоздей... Остается у меня... рубль, два, трешница... больше червонца... *(Спохватилась)* Нужно ведь этому вернуть четыре рубля... *(Оглядывается)* Лохматому. Он очень хороший человек... Он что-то мне сказал, я не помню! — но такое милое. Куропаточка ты моя, живи счастливая. *(Засмеялась)* Марго, вы куда?

Марго. В уборную, нос надо попудрить. *(Уходит и через минуту возвращается)*

Люба. Значит, остается у меня два с полтиной и билет. *(Рассматривает билет)* Ну, ничего, были бы живы, друг милый Алеша, — нам нипочем.

Рудик *(проходит мимо Любы, вкрадчиво)*. Я так виноват перед вами, уважаемая Любовь Александровна, что хотел бы чем-нибудь загладить свою вину. Разрешите вас угостить приличным ужином. Поедемте с нами в ресторан.

Люба. Оставьте меня в покое. *(Отвернулась)*

Хинин *(проходя мимо Любы)*. Божжже мой, божжже мой... *(Сжимает руки, трясет ими)* Божжже мой... божжжже мой... Девушка... цветущая яблонька... широко открыты глаза... Какая красота!.. *(Забирая воздух носом)* Молиться на эту красоту...

Люба. Вы это мне говорите?...

Хинин. Бережно склониться перед весенним цветком...

Люба. Да вы с ума сошли...

Хинин. Поедемте с нами в ресторан. Мы вполне порядочные люди. Мы будем молитвенно дышать вашим ароматом...

Люба. Оставьте меня, пожалуйста, в покое.

К ней подходит Марго. Люба берет ее под-руку.

Эти, троица, ругали меня последними словами, а сейчас зовут в ресторан. Марго, в самом деле, — поедемте вдвоем куда-нибудь, вы наверно знаете, куда. Я вас угощаю ужином. Ужасно есть хочется.

Марго. К Григорию Захаровичу поедем.

Люба и Марго идут к выходу. Шапшнев преграждает им дорогу.

Шапшнев. Любовь Александровна, извините меня... с покорнейшей просьбой, — дайте денег за квартиру...

Люба. То-то. С покорнейшей просьбой. *(Отсчитывает деньги)*

Шапшнев. Ну, вот, спасибо. . Такого жильца, как вы, искать надо... Я вам давеча нагрубил. Пусть уж я сам по этой причине страдаю. Дайте мне шестьдесят рублей и билет этот. И, значит, будем квиты.

Люба. Стыдно стало.

Шапшнев. Так стыдно, так стыдно...

Люба. Вот шестьдесят рублей и вот билет. За семь рублей его приняли, — смотрите...

Шапшнев. Утречком квитанцию принесу... Спасибочки... Много вами довольны... Вот так взял!.. Вот так взял!.. *(Беззвучно смеется)* А все кричат, — Шапшнев дурак... Ну, нет, Шапшнев не дурак...

Люба и Марго идут к выходу.

Марго *(Любе, указывая на Шапшнева)*. С чего он заплясал-то, смотрите, как журавель?..

К Шапшневу с двух сторон подходят Хинин и Рудик, угрожающе.

Рудик. Где билет?

Хинин. Покажи!

Шапшнев. Она мне не дала билета.

Хинин. Врешь!

Рудик. Мошенник!

Шапшнев *(отступая в арку)*. А вы не толкайтесь А то за это... Не хватайте руками... А то за это...

Хинин. Отдай!

Рудик. Отдашь?..

Шапшнев. Нет у меня никакого билета

Хинин *(хватает его за горло)*. Вот как. Нет билета?..

Рудик *(хватает его за живот)*. Шантажист!..

В дверях начинается свалка, подбегает публика из буфета.

Лоханкин. Кого бьют? Вали, вали, вали...

Шапшнев *(отбиваясь)*. Публика, публика, публика!..

Бежит кругом стола, теряет деньги и билет. За ним гонятся Рудик, Хинин, Лоханкин и нищий на костылях.

Лоханкин. Это он в нужнике грабил... Бей его...
Шапшнев. Публика, публика!..

Все проносятся в буфет.

Марго *(поднимает две-три бумажки и билет, отдает их Любе)*. Чего валяются-то... Нате... И билет тут ваш и деньги...

Люба. Билет опять ко мне вернулся. Уйдемте, Марго, здесь страшно.

Они уходят. На сцене остался один Алеша, незаметно появившийся во время погони за управдомом.

Алеша. Люба! Люба! Где вы? Сказали, что она здесь. Любовь Александровна!..

В буфете заиграли на гармоньях, запели: «Помню, помню, помню я, как меня мать любила, и не раз и не два она говорила: мой миленький сынок, не водись с ворами...»

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Подвал. Кавказский ресторан. В глубине — входная лестница и два окошка на уровне тротуара. Направо — стойка. За ней — дверь на кухню. Налево — уютный уголок, отделенный занавеской. В нем окошко в один из кабинетов. В глубине за занавеской — дверь в кабинетики. Стены ресторана разрисованы видами Кавказа. Различные объявления. Несколько столиков. Григорий Захарович сидит один перед стойкой на ящике от боржома, играет на гитаре, напевает.

Гр. Зах.

Ой, скучно, скучно, скучно, скучно...
Ой, пусто, пусто, пусто, пусто...
Ой, ужасно скучно, скучно...

По лестнице сбегают Хинин и Рудик, отряхиваются от дождя.

Рудик. Здравствуйте, Григорий Захарович. Что у вас нет никого? Две дамы не приходили?

Гр. Зах. Пусто, пусто.

Хинин. Я и говорю, — они пошли пешком.

Рудик. Вот что, дорогой, мы ждем.

Григорий Захарович щелкнул языком.

Рудик. Что у вас найдется такое особенное, необыкновенное, чтобы угостить?

Гр. Зах. Все есть.

Хинин. Шампанское, например?

Гр. Зах. Шампанского нет.

Рудик. Тогда, — что же у вас есть?

Гр. Зах. Все есть.

Хинин. Приготовьте хорошей мадеры.

Гр. Зах. Мадеры нет.

Рудик. Что же у вас есть, в таком случае, — покушать?

Хинин. Шашлык по-карски с почкой?

Гр. Зах. Шашлыков нет.

Рудик. У вас ничего нет... Чорт вас возьми!

Гр. Зах. Все есть.

Хинин. Что же мы будем пить, кушать?

Гр. Зах. Цыпленок табака.

Хинин. А вино, вино?

Гр. Зах. Обыкновенное вино, хорошее вино, — какое тебе еще нужно?

Рудик. Мы посидим пока в кабинете, а им вы накройте здесь. *(Показывает на уютный уголок)* Про нас ничего не говорите. Никому. Поняли? Мы готовим сюрприз.

Хинин. Цветов, цветов нужно, как можно больше.

Гр. Зах. *(рассердился)*. Цветов нет. Летом не бывает цветов. На гитаре играть можно, петь можно. *(Уходит на кухню, кричит за дверью)* Курица есть у нас? Почему курицы нет?

Рудик. Слушайте, вы хорошо видели, что Марго подняла билет?

Хинин. Билет у Кольцовой.

Рудик *(в дверях, ведущих в кабинетики. Поднимает палец)*. Нужно очень осторожно.

Хинин. Очень осторожно.

Рудик. Подход должен быть очень тонкий.

Хинин. Очень тонкий.

Оба скрываются за дверью. Из кухни выходит Григорий Захарович, накрывает на стол в уютном уголке.

Гр. Зах.

Жирный, жирный цыпленок.
Вкусный, вкусный цыпленок.

С улицы входит Шапшнев, лицо избитое. Мрачен.

Шапшнев. Двое тут сейчас не приходили?

Гр. Зах. Какие двое?

Шапшнев. Один в белой жилетке, другой актер, морда такая изрытая, паршивая.

Гр. Зах. Когда, вчера?

Шапшнев. Фу, бестолочь, — только что... Ну, ладно, я вернусь.

Гр. Зах. Выпить надо что-нибудь?

Шапшнев. Разве — рюмку водки. *(Идет к стойке)*

Гр. Зах. Холодная, ледяная.

Шапшнев. А закусить чем?

Гр. Зах. Вот огурец, чудный, сахарный, прислали из Тифлиса. Язык проглотить...

Шапшнев *(выпивает, грызет огурец)*. Да, все-таки...

Гр. Зах. Обо что, гражданин, лицо исцарапали?

Шапшнев. О водосточную трубу.

Гр. Зах. Ай, ай, ай... Эта водосточная труба на какой улице?

Шапшнев. А ну тебя, в самом деле. *(Ушел)*

Гр. Зах. *(берет телефонную трубку)*. Пять, сорок девять, тридцать. Это я говорю, Сусанна. У нас большое несчастье. Гости пришли. Цыпленка табака требуют. А на кухне одна курица, и та старая. А что, петух у нас в сарае жив? Возьми петуха, принеси скорее, мы его зарежем.

Входят Люба и Марго, поглощенные разговором. Сойдя в залу, продолжают говорить — Марго стоя, Люба садится на стул.

Марго. Что вы, что вы... Я сознаю: эта жизнь — дно, самый мрак, тиски. Соня Огурцова все, что зарабатывает своим телом, проигрывает в карты. И пиво она пьет от этой жизни до того, что в почках у нее громадные камни. Я сколько раз собиралась вырваться. Некуда. Родственники мои живут на Охте. Ну, что же, что родные, — поживешь у них день, поживешь другой, и они начинают стонать. Семен один раз рассердился и оставил мне на голове половину волос. Это разве не тиски жиз-

ни? Я ушла. Поступила на поденную работу — землю трясти в Кронверкском парке. И что же, — я скоро устаю, и я скучаю, у меня ноги тонкие, определенно дрожат от физической работы.

Гр. Зах. Кушать что будете?

Люба. Здравствуйте. Мы хотим что-нибудь поесть. У нас деньги, видите, — мы заплатим. Дайте нам что-нибудь вкусное.

Марго. Сосиски бы с капусткой.

Гр. Зах. Сосисок нет. Я вам дам цыпленок табака.

Люба. Что это такое?

Гр. Зах. Берется жирный, молодой цыпленок. Животик ему разрезываешь, туда кладешь сухариков и жаришь между двумя сковородками. *(Щелкает языком)*

Люба. Только, пожалуйста, поскорее. Побольше хлеба.

Гр. Зах. Пожалуйте в уютный уголок.

Люба. Сядем рядышком. Я слушаю, Марго.

Они садятся в уютном уголке. Григорий Захарович приносит хлеба и вина.

Марго. Главное мое несчастье, что я необразованная, короче говоря — неграмотная...

Люба. Марго, все в жизни можно поправить... Только нужно захотеть, чтобы было хорошо...

Марго. Этой зимой, конечно, по ликвидации безграмотности начал ходить ко мне один молодой человек второй ступени. Ликвидировал. «Вы, — он мне говорит, — Марго, ко всему такая способная, а в трамвае не можете даже прочесть, куда он едет. Это стыдно, и вы всегда будете состоять в экономической зависимости». Я ему вполне поверила, но этот учитель второй ступени был такой привлекательный шатен, что я влюбилась и перестала понимать, что он мне говорит. Семен это заметил и оставил мне на голове половину волос. Нет, я безусловно падшая женщина. Мне остается одно достижение: чтобы меня пускали в бар на Невском, во всякое время без кавалера. Но с моим туалетом об этом и думать нельзя. Значит, передо мной — разверстая могила.

Люба. Глупости... Как не стыдно... Смерть? — ужасно...

Марго. А вы давеча говорили, — в Неву кинетесь из-за квартирной платы.

Люба. Я была зла. Нет, раздосадована... Вы понимаете, Марго, когда человек как столб каменный. Не желает ничего чувствовать. Не понимает... *(Передразнивая)* «Вы про что? Вы про что?» Близорукий. Ему говоришь: «хочу счастья», — он ужасно пугается, сует три рубля... «как товарищу».

Марго. В этих случаях нужно мужчине действовать *на нервы.*

Люба. А их нет у него... Этот второй ступени учитель говорил вам какие-нибудь слова про любовь?

Марго. Говорить не говорил, положим, но косился. Я его, бывало, жду — волосы взобью, губы намажу, и у меня будто все голова болит, — голову роняю на сторону, ресницами мыргаю... У него так краска, знаете, в щеки и ударит. Но — аккуратно, — слов не говорил. Ликвидатор, им нельзя.

Люба. Мне в жизни никто не говорил прекрасных слов... *(Встает)* Будто я огородное чучело.

Хинин *(приотворив дверь, — Григорию Захаровичу).* Подливай им, подливай.

Люба *(стоя перед Марго).* Марго, скажите правду: меня можно любить?

Гр. Зах. *(появляется в уютном уголке и наливает вино).* Жарим, жарим цыпленка... *(Пробует вино)* Это вино из Тифлиса. Это хорошее вино. Вы его пейте. *(Ушел)*

Марго. Про интересную наружность тысячи найдутся — скажут. Кроме того у вас, действительно, фигурка.

Люба. Но мне нужно, чтобы не тысячи, — один человек это сказал. А он — столб. Я, как лоскут, вьюсь вокруг него, обвиваюсь... Никакого впечатления. *(Быстро вытерла глаза)* Для него — это мелочи... Ладно... Мелочи, так мелочи... *(Чокаются)* За вас, Марго.

Марго. Про вашего Алешу плохого не могу сказать. Строгий гражданин.

Люба. Да, он удивительный. Давно еще, в Рязани, я к его тетке в сад залезла — малину воровать. Он меня на заборе и поймал. «Ты, говорит, что здесь делаешь, стриженная?» Взял да и поцеловал в щеку. С этого часа

я будто к нему привыкла. Есть люди, а есть Алеша. Так все было хорошо, просто между нами. А с этой весны — начались белые ночи, началась моя тревога. Что-то мне еще нужно.

Марго. Вежливости. А то у них одно — за волосы возить. — обхождение...

Люба. А слов, уменья у меня нет — объяснить ему, чего я хочу. Посмотришь кругом. Мы все неученые. Нищие. Глухонемые. А сердце просит нежного, прелестного.

Марго. Как они пузыри пускают — эти грудные... Ну, чудно.

Люба. Я такой бы была хорошей подругой. Нужно, чтобы меня полюбили. А тогда — хоть на смерть посылай. Когда на меня смотрят с ненавистью, даже спиной чувствую. Сердце сжимается. А за что меня не любить? За что обижать? Сегодня накинулись на дворе — точно я собака, на чужой двор забежала. Вот им и стыдно стало. Управдом потом так извинялся, кланялся. Говорил, что ему стыдно. И Рудик ужасно извинялся. По-моему, я даже слишком грубо ему ответила. А этот актер: «Божжже мой, божжже мой...» *(Смеется)* Нет, конечно, люди все хорошие. Только не обтесанные, рогатые, подозрительные... Марго, я все-таки всех люблю. *(Целует ее)* Если бы только немножко счастья мне.

В окошке над столом, где разговаривают Люба и Марго, появляются головы Рудика и Хинина.

Марго. Я вас вполне поняла. Я вас научу. Вот так же Семен: что я, что стена. А когда я ликвидатором увлеклась, он почувствовал, кого теряет, — забеспокоился. Вы должны в вашем Алеше возбудить ревность.

Люба. Невозможно. Он каменный.

Марго. Чересчур спокоен. А я видела, как он вылупился, когда вы у Рудика на дворе деньги просили.

Люба. Бросьте вы.

Марго. Вы ему скажите, будто вы увлеклись. Кем, — спросит. Да так, мол, одним с черными усиками. Взовьется. Спать бросит. А слова эти прекрасные, какие хотите, такие и скажет.

Люба *(звонко засмеялась)*. Какие глупости говорите, Марго.

облачка. Сегодня я отказал вам в таком пустяке, как купить билет. Почему? Я коммерсант. Вы предложили невыгодную сделку. Я уклонился. Не будем говорить, как я мучился потом, вспоминая ваши полные слез глаза...

Люба. Ну, зачем?.. Не нужно, пожалуйста.

Рудик. Я побежал за вами. Я хотел вам проиграть эти деньги, Любовь Александровна, вы сами виноваты... *Почему не сказать было просто:* Адольф Рафаилович, дайте мне шестьдесят рублей... вне сделки. Я вынимаю деньги и даю.

Хинин. Широкий человек, золотой человек.

Марго. А все кричат — нэпман, нэпман...

Рудик. Любовь Александровна, во мне сейчас говорит больше, чем провинившийся человек... Больше, чем друг... Во мне говорит мужчина, у которого внезапно открылись глаза... Я поднимаю бокал за любовь!

Люба. За любовь!

Хинин. Божжже мой... божжже мой...

Марго *(тянется со стаканом)*. Извиняюсь, ваше здоровье, Адольф Рафаилович.

Рудик. *Я пьян без вина.*

Хинин *(внезапно, швыряя вилку и нож)*. Что это такое? Это чорт знает, что такое! Григорий Захарович, объясните мне, что это за мартышкинская мумия у меня на тарелке?

Гр. Зах. Это не мумия, это цыпленок.

Хинин. У него ноги лиловые. Об него собака зубы сломает.

Гр. Зах. *(от волнения щелкнул языком)*. Его нужно долго жевать. Он вкусный цыпленок. Его из Тифлиса привезли. *(Ушел, сел на ящик, взял гитару, наигрывает)*

Марго. У моих родственников на Охте — свои куры. Я была у них недавно, и они жалуются, что у кур — чахотка.

Хинин. У кур не бывает чахотки, бывает дифтерит. *(Толкает тарелку)* А ну его к чорту. Выпьем, Мэрго.

Марго. Благодарю вас.

Люба. Вы пили за любовь. Разве это не странно? Мне двадцать один год. Я в первый раз пью за любовь. Сегодня счастливый день. Все добрые. Все странные. Точно я чего-то не понимаю. Когда обижают, то это по-

нятно. Правда? А когда все начинают тебя любить, — это непонятно. Должно быть, нужно привыкнуть. Я вам так благодарна, так благодарна всем. Я бы хотела не с вами пить за любовь и не с вами... Не сердитесь на меня... Это так прекрасно — выпить вина за любовь... Нет. Это не доставляет мне удовольствия.

Рудик стал целовать ее руку.

Рудик. Я начинаю звереть, слушайте.

Люба. Научите меня любви...

Марго *(всплеснула руками)*. Куда она катится?

Хинин. Оставим их вдвоем. Григорий Захарович, сыграйте-ка нам фокстротик.

Григорий Захарович играет. Хинин и Марго идут танцовать.

Рудик. Кроме шуток, вы — опасная девочка.

Люба. Правда? Как я рада. А я всегда думала, что я овца.

Рудик. Вами стоит заняться. *(Схватывает ее)* В науке любви первая заповедь — уметь целоваться. Вот так.

Люба *(отстраняется)*. Вы меня не поняли. Целоваться — это просто, тут и знать ничего не нужно. Я вам объясню подробнее. Стойте вот так. Отвернитесь.

Рудик. Ну?

Люба. Предположим, вы мужчина.

Рудик. Без «предположим».

Люба. Вы погружены в размышление. У вас в голове лекции и принципы. В руках — тачка.

Рудик. Что за вздор? Ничего не понимаю!

Люба. И мне хочется, чтобы вы обратили на меня внимание. Ну?

Рудик. Что — ну?

Люба. Я что-то должна сказать... И вы волнуетесь... У вас все книжки выскакивают из головы. Вы просыпаетесь... Ну? Есть такое слово?

Рудик. Я вас понял... *(Изображая)* Вы подходите — мелко, мелко, мелко... Коротенькая юбочка, стриженный затылочек, коверкот, шляпочка — фетр. Из-под вот таких ресниц — сладострастный взгляд. Удар на месте. Губы — красным кружочком. «На-рим, на-рам, нарим, на-рам...» И я уже забыл, что у меня через пол-

часа срок векселю. Я качусь с вами. Тогда вы останавливаетесь около ювелирного магазина. Вы поправляете чулочек. Что за чудная ножка! Я замер. У меня уже дребезжит в голове. Я готов предложить вам зайти в ювелирный магазин... Ах, я учу вас на свою же голову, Любовь Александровна. Вы так улыбаетесь, так смотрите... Что за зубы... Как бы я вас одел... У вас богатый материал.

Л ю б а. Она сказала только: «На-рим, на-рам...»

Р у д и к. Дело не в словах, Любовь Александровна. Я хочу вам сделать самое серьезное предложение.

Л ю б а *(смеется)*. Мои дела не так уж плохо обстоят, как вы думаете?

Р у д и к. Но почему, почему — такая юбочка, такие чулочки... Это грешно. Вы не узнаете себя через неделю. Идемте! *(Берет ее для танцев)*

Л ю б а. Я не умею танцовать.

Р у д и к. Нужно уметь.

М а р г о *(танцуя с Хининым)*. У них определенно далеко зашло.

Х и н и н. Рудик — ходок по женской части.

М а р г о. Знаете, мне жалко ее. Уж чересчур горячая. Пропадет.

Х и н и н. А к чему тогда и жить, если не пропадать.

М а р г о. Зачем же всем-то пропадать? Это нехорошо. Она такая приличная, образованная.

Р у д и к *(танцуя)*. Больше раскачивайтесь.

Л ю б а. Как важно для женщины, когда похвалят, ругать — это плохой способ. Женщин нужно хвалить.

Р у д и к. Тесней прижимайтесь.

Л ю б а *(вдруг освободилась, смущенная, покрасневшая)*. Не хочу больше. Мне жарко.

Р у д и к. Действительно, жарко.

Л ю б а *(Григорию Захаровичу)*. Можно гитару?

Г р. З а х. Возьми, возьми, душка.

Х и н и н *(тихо Рудику)*. Вы совсем размякли... Что вы делаете?

Р у д и к. Как она разгорячилась. Смотрите на нее.

Х и н и н. Где же билет?

Р у д и к. Сейчас будет. Оставьте меня.

Л ю б а *(запела под гитару)*.

Глядишь и не видишь, и встречи не ждешь,
И мимо, веселый, идешь.
Уж лучше из сердца и с глаз бы долой
Тебя, недогадливый мой.
Белая ночь коротка, коротка,
Да не с кем ее коротать.
Пой мне, гитара, о счастьи, пока
Заря не устанет пылать.
Что счастье? Его не догнать, не купить,
Когда не дано нам любить.
Так что же ты медлишь, рассвет золотой,
Над жизнью моей молодой.
Белая ночь коротка, коротка,
Да и не с кем ее коротать.
Пой мне, гитара, о счастьи, пока
Заря не устанет пылать...

Во время пения появляется незамеченным Алеша. Сойдя с лестницы, останавливается, потрясенный. Люба опустила гитару.

Гр. Зах. Ай, ай, ай, будь здоровая, милая девушка, хорошо поешь.

Рудик. Что надо.

Хинин. Очень неплохо.

Марго *(сквозь слезы)*. Над жизнью моей молодой...

Алеша. Это вы для них пели?

Люба. Алеша!.. *(Стремительно поднимается)*

Алеша. А я-то, осел, думаю, уж не случилось ли с вами несчастье.. Разыскал, наконец. В кабинетиках... Эх, вы... слабенькая... докатились...

Люба *(почти задыхаясь)*. Алеша, милый... Минуточку, минуточку выслушайте меня...

Алеша. Да тут все яснее ясного. Только ваша поспешность не совсем понятна. И выбор этих физиономий.

Рудик. Ну, ну, ну... Вы тоже — потише.

Хинин. Собственно, на каком основании врываетесь в наше общество?.. Мы и разговаривать с вами не хотим.

Алеша *(побагровел, засучивает рукав)*. Хотите драться?.. Ладно...

Рудик. Пошли прочь отсюда!

Хинин. Да позовите, Григорий Захарович, милицию...

Люба. Не нужно, не нужно, Алеша дорогой, Алеша милый...

Гр. Зах. *(становится между Алешей и остальными).* Ну, ты ударишь, ну, тебя ударят... Ну, что хорошего? Ты думаешь, девушка что-нибудь плохое делала? Она кушала, вино немножко пила, пела чудно... Ай, ай, как она пела чудно. Ты ишак, ты сейчас сердитый, тебе лучше уйти, ты потом придешь, я тебя завтра угощу.

Алеша *(опуская рукава).* Это верно, — тут нужно уйти как можно скорее.

Люба *(ему вслед).* Алеша... я пойду с вами.

Алеша. Нам не по дороге, товарищ. *(Ушел)*

Люба опустилась на стул.

Рудик. Каков хулиган!

Хинин. Возмутительно, а еще студент.

Рудик. Вот она — современная молодежь.

Марго. Вот так всю жизнь, — начнут, начнут прилично, кончается мордобоем.

Люба *(Григорию Захаровичу).* Сколько я вам должна?

Рудик *(подскакивая).* Мы вас просто не отпускаем.

Хинин. Необходимо встряхнуться. Еще бутылку вина.

Люба. Мне грустно. Не сердитесь на меня. Вы такие хорошие. Марго останется. Я пойду. Отпустите меня.

Рудик. В память неизгладимого впечатления этого вечера не откажите мне. *(Вынимает из галстука булавку)* Мелочь. Правда, это настоящий жемчуг, но в сравнении с наслаждением, которое вы нам доставили — это нуль.

Хинин. Как артист я настаиваю, чтобы вы приняли булавку. Я сам получаю подарки.

Люба *(равнодушно).* Спасибо. *(Вкалывает булавку)*

Рудик. Но это не все. Любовь Александровна, вы должны мне дать какой-нибудь пустячок.

Люба. Пожалуйста. Только у меня ничего нет.

Хинин. Носовой платок, шпильку, тесемочку

Рудик. Может быть, это глупо, но я суеверен, как все деловые люди. Я хочу иметь кусочек вашего счастья. Дайте мне этот ваш билет. Виноват, виноват... Вы отдали его управдому, я верну этому дураку его стоимость... Правда, смешно, солидный человек и суеверен как деревенская баба...

Хинин *(хлопая его по плечу)*. Чудак, Рудик.

Рудик. Меня в детстве мамка уронила.

Марго *(которая сидела, пригорюнясь)*. Чтобы не было никакого скандала, — отдайте, чего просят. Я знаю: начнут добром, кончается — полголовы волос нет.

Люба *(рассматривая билет)*. Как странно... все разговоры сегодня непременно оканчиваются этим билетом. Что в нем такого? Серия «А»...

Гр. Зах. *(подходя)*. А номер какой у билета?

Рудик *(отталкивает его)*. Что вам нужно? Что вам нужно?

Гр. Зах. Да ничего не нужно. *(Щелкает языком)*

Хинин. Успокойте этого сумасшедшего. Отдайте ему эту цацу.

Люба. Точно он заколдованный.

Рудик. Нельзя же так играть на нервах. Я на колени стану.

Люба. Какие вы странные. Какие вы оба потешные. Конечно, возьмите. *(Отдает билет Рудику)*

Рудик *(целует билет)*. Сокровище. *(Любе)* Итак, мы с вами поменялись. Вы хорошо запомнили. Булавку на билет. При свидетелях.

Хинин. Я свидетель. *(Идет к выходу)*

Рудик. Счетик, Григорий Захарович.

Хинин. Да ну его к чорту, — дайте ему рублей пятнадцать.

Рудик *(бросает деньги Григорию Захаровичу)*. Я спешу, счетик просмотрю завтра. *(Помахал рукой Любе)* Пока. *(Спешит к выходу)*

Марго. Уходят. Не простились. Нахалы.

Хинин. Значит, пополам.

Рудик. Что? Не понимаю... Виноват, позвольте пройти.

Хинин. Виноват. А условие?

Рудик. Ничего не знаю. Виноват. Мне некогда *(Убегает)*

Хинин. Подождите. Виноват. *(Убегает)*

Люба. Что это все значит?

Марго. Я побегу за ними. Узнаю. Вы меня подождите. Любовь Александровна, ведь мы ничего им не сказали неприличного... Правда? *(Убегает)*

Л ю б а. Что произошло? Как во сне. Все были веселы, ласковы. Вдруг, точно подменили людей. Злоба, ненависть, вместо человеческих лиц — собачьи морды.

Г р. З а х. Без ничего никогда не бывает, всегда бывает от чего-нибудь.

Л ю б а. Я чувствую, что-то непоправимое случилось. Будто счастье было у меня в руках и нет его. Разве я что-нибудь сделала дурное? С каким он презрением: «Нам не по дороге, товарищ» Алеша, Алеша... Не знает, что нам-то по дороге... Я ни в чем не виновата, ни в чем не виновата. .

С улицы появляются Ш а п ш н е в и С е м е н.

Ш а п ш н е в. Ага.. Они здесь.

С е м е н. Ха-ха, сказал граф Табуреткин, наточив ножик.

Ш а п ш н е в *(Григорию Захаровичу)*. Ты куда их спрятал?

Г р. З а х. Адольф Рафаилович и Валентин Аполлонович ушли только что...

Ш а п ш н е в *(Семену)*. Врет, конечно.

С е м е н. Удостоверимся. Я эти кабинетики знаю. *(Уходит в кабинеты и через минуту возвращается)*

Ш а п ш н е в *(Любе)*. Пьянствуете? По кабинетикам с нетрудовым элементом чорт знает чем занимаетесь?

Л ю б а. И этот... не человек... Собачья морда...

Ш а п ш н е в. Собачья? Может, хотите сказать, что я сукин сын? Хозяин, дай-ка перо, чернил. Это время прошло, когда мы были сукины дети.

Г р. З а х. Паршивые люди какие пошли. Вот что я тебе скажу... *(Подает перо и чернила)* Ужасная сволочь. Я эту девушку не позволю обижать.

Ш а п ш н е в. Не обидим.

С е м е н *(появляясь)*. Шапшнев. Они ушли.

Ш а п ш н е в. Ну?

С е м е н. Значит, ушли с билетом.

Ш а п ш н е в. Ну? Что ты?

Г р. З а х. С билетом, с билетом ушли.

Ш а п ш н е в. Говорил я — опоздаем... Надо с этой кончать.

Л ю б а. Что произошло? Как во сне. Все были веселы, ласковы. Вдруг, точно подменили людей. Злоба, ненависть, вместо человеческих лиц — собачьи морды.

Г р. З а х. Без ничего никогда не бывает, всегда бывает от чего-нибудь.

Л ю б а. Я чувствую, что-то непоправимое случилось. Будто счастье было у меня в руках и нет его. Разве я что-нибудь сделала дурное? С каким он презрением: «Нам не по дороге, товарищ» Алеша, Алеша... Не знает, что нам-то по дороге... Я ни в чем не виновата, ни в чем не виновата. .

С улицы появляются Ш а п ш н е в и С е м е н.

Ш а п ш н е в. Ага... Они здесь.

С е м е н. Ха-ха, сказал граф Табурсткин, наточив ножик.

Ш а п ш н е в *(Григорию Захаровичу)*. Ты куда их спрятал?

Г р. З а х. Адольф Рафаилович и Валентин Аполлонович ушли только что...

Ш а п ш н е в *(Семену)*. Врет, конечно.

С е м е н. Удостоверимся. Я эти кабинетики знаю. *(Уходит в кабинеты и через минуту возвращается)*

Ш а п ш н е в *(Любе)*. Пьянствуете? По кабинетикам с нетрудовым элементом чорт знает чем занимаетесь?

Л ю б а. И этот... не человек... Собачья морда...

Ш а п ш н е в. Собачья? Может, хотите сказать, что я сукин сын? Хозяин, дай-ка перо, чернил. Это время прошло, когда мы были сукины дети.

Г р. З а х. Паршивые люди какие пошли. Вот что я тебе скажу... *(Подает перо и чернила)* Ужасная сволочь. Я эту девушку не позволю обижать.

Ш а п ш н е в. Не обидим.

С е м е н *(появляясь)*. Шапшнев. Они ушли.

Ш а п ш н е в. Ну?

С е м е н. Значит, ушли с билетом.

Ш а п ш н е в. Ну? Что ты?

Г р. З а х. С билетом, с билетом ушли.

Ш а п ш н е в. Говорил я — опоздаем... Надо с этой кончать.

Семен. В два счета. *(Вынимает из кармана лист)* Образец литературного дарования графа Табуреткина.

Шапшнев *(Любе)*. Про кабинетики, так и быть, не скажу. Вам ничего не будет Подпишите эту бумагу.

Семен. Читай вслух.

Шапшнев. «Я, нижеподписавшаяся, сим удостоверяю, что мной в уплату личного долга...» Почерк у тебя какой-то, — не разберешь.

Семен. «...дан управдому Шапшневу выигрышный билет за номером пять нулей, единица, серия «А»...»

Люба *(тихо)*. Опять этот билет... С ума сойду

Гр. Зах. Пять нулей, единица... *(Развертывает газету)*

Шапшнев. «...В чем никаких претензий к вышеозначенному управдому предъявлять не стану»

Семен. «...А равно как возбуждать судебного преследования...» Коротко и содержательно.

Шапшнев. Подпишите.

Семен. Одну только фамилию. И можете свободно итти домой.

Люба. Домой. *(Молча заплакала)* Где мой дом? Его нет больше. Я уеду от вас в Рязань. Там наверно не такие злые люди. За то, что я ничего не понимаю, за это нельзя так обижать. Жестоко, жестоко смеяться. *(Вытирает глаза, хочет подписать)*

Гр. Зах. *(подбегает)*. Ты с ума сошла! Не подписывай! Ты этот самый билет выменяла на паршивую булавку?

Люба. Этот самый.

Гр. Зах. Твой билет выиграл двадцать пять тысяч!

Шапшнев. Ах... кавказская морда!..

Люба молча всплескивает руками. Пауза.

Люба. Так вот почему... Так вот вы какие!..

Гр. Зах. *(гладит ее)*. Ничего, ничего, душка. Ты молоденькая, переживешь. Хочешь, мы с тобой в Тифлис поедем. Будешь там виноград кушать...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Белая ночь. Набережная. На реке стоит баржа. Направо — ворота дома. Налево — кирпичные развалины. У ворот сидит Журжина. Около развалин Июдин прогуливает собаку.

Журжина. Последний трамвай прошел. Нет и нет никого. Сказать не могу, как я тревожусь об этой девушке. В милицию заявить, — дворника нет. Который час, Федор Павлович?

Июдин. Четверть второго.

Журжина. Отчего это, Федор Павлович, ночи у нас короткие? — четверть второго, а светло, хоть нитку в ушко вдевай. От каких явлений происходит белая ночь?

Июдин. Север.

Журжина Скажите, лютый север. Говорят, дров нынче совсем не будет. В прошлом году об эту пору стояла баржа с дровами, а нынче — с песком, с булыжником. Чем хочешь, тем и топи. И опять же хулиганы у нас на Петроградской стороне усиливаются, — нет никаких мер бороться с ними. Ходят эти хулиганы — штаны сверху узкие, внизу болтаются клёшем, в руках у них ножи, в зубах папироски. В сумерки на Большой проспект тихой женщине и выйти страшно. Сейчас же подскакивает сзади к тебе хулиган и хватает тебя за тело и мнет с ругательствами. Я такая из-за этого стала нервная, — все вздрагиваю. Конечно, до революции у меня в спальне висели занавески на окнах, и я спала. А теперь только ворочаюсь. Одиноко. Управдом Шапшев определенно намекает, чтобы с ним перевенчаться. Но я поняла, что он далеко не надежный. У него одно на уме — собрать со всего двора кошек, кормить их печенкой. И он, как сумерки, тащится на Шамшеву улицу в один дом самогонку пить.

Июдин. Мономах, брось нюхать гадость.

Журжина. Так и катится день за днем, будто жизни и не было, — промелькнула. Сорок лет живу в этом доме, с титешного возраста. И ничего не случилось особенного. Только штукатурка облупилась на фасаде.

Июдин. Действительно, ничего не случилось... *(С горечью)* Не случилось.

Журжина. Был, конечно, военный коммунизм. Был. Отвратительно, как я не любила воблу кушать, Федор

Павлович. Помню также, сижу у ворот, в девятнадцатом году, и вот идут двое — босые, нечесанные, но в очках. Сразу видно — ученые. Один говорит: «Куда же хуже-то?..» А другой: «Потерпи, обойдется». Обошлось, Федор Павлович. Обтерпелись.

Июдин. Вот, кажется, Марго бежит.

Журжина. Батюшки. Одна. Ну? Что?

Входит Марго.

Марго. Что было, Евдокия Кондратьевна... До того интересно. Как в тиятре...

Журжина. Люба-то где?

Марго. Идет... Такая странная... Я думаю, она с ума сошла.

Журжина. Ну, милые мои... Какой ужас!.. Да на чем?

Марго. Как в кинематографе.

Журжина. Да удивляюсь я, не томи...

Июдин. Чушь какая-нибудь...

Марго. Евдокия Кондратьевна. Билет ее этот...

Журжина. Ну?...

Марго. Оказывается... двадцать пять тысяч рублей выиграл.

Июдин *(визгливо)*. Не смейте так шутить!..

Марго. Еще днем все об этом знали, кроме нее.

Журжина. Батюшки, двадцать пять тысяч. *(Начинает топтаться как курица)* Батюшки, двадцать пять... батюшки... двадцать пять...

Входит Люба.

Июдин *(Любе, строго)*. Что за нелепость рассказывает о вас эта девица?

Журжина. Любонька... правда ли, что Марго сказала?..

Люба. Правда.

Июдин *(плюет)*. Дуракам счастье...

Журжина. Незамужняя, молодая...

Июдин. Но куда же вы такие деньги денете? На что вам они? Разбрасывать на тряпки? Транжирить по магазинам?

Журжина. Из-за границы будут приезжать ее сватать...

Июдин. Не кудахтайте, Евдокия Кондратьевна. *(Любе)* Во всяком случае вам нужен опытный, деловой человек — друг, чтобы моментально разные мальчишки не расхватали эти деньги.

Журжина. Аккурат, у меня предчувствие было: вчера бегала в гостиный двор, — получена кашадра на костюм, ну, такая кашадра, Любовь Александровна, роскошь...

Люба. Успокойтесь, денег этих у меня нет. *(Идет к воротам)*

Июдин. Как так нет денег? Почему?

Люба. Зато досыта навидалась за сегодняшнюю ночь. В таких подвалах была, такие рожи гнусные ко мне лезли, — сыта по горло. *(Ушла)*

Июдин. Ровно ничего не понимаю.

Журжина. Про какие она рожи?

Марго. Ей мерещится. С самого Невского про рожи говорит. Ее вроде как напугали. Адольф Рафаилович обманом выманил у нее билет на фальшивую булавку.

Журжина *(всплескивая руками)*. Подлец! Недострелянный!

Июдин *(плюет)*. Подлецам счастье...

Марго. И знаете, она протягивает ему билет, а у меня сердце бьется, как у мыши. То бледнею, то краснею. А сказать ничего не могу.

Июдин. Этим делом я займусь. Любовь Александровна, погодите-ка. *(Поспешно уходит в ворота)*

Журжина. Пойдем за ней, Марго.

Марго. Схватил он билет, представьте, как лапой сжал его. Затрясся. И мечтает с ним скрыться. Но не тут-то было. Валентин Аполлонович ему поперек двери. Он ему: «виноват». А этот ему: «виноват». Оба как загавкают и закатились по Невскому.

Марго и Журжина уходят в ворота.
Из-за развалин осторожно появляются Семен и Шапшнев.

Шапшнев. А что, как он домой вернулся?

Семен. Это его окошки?

Шапшнев. Света нет. Окна закрыты.

Семен. Значит, не вернулся.

Шапшнев. Боязно мне, Семен.

Семен. Дурак, а еще управдом.

Шапшнев. А вдруг он закричит, постовой услышит. Попадешь в историю.

Семен. Ты только с ним заговори, как я учил. А я уж сзади подскочу и — в рот ему кепку.

Шапшнев. А ну, как он донесет?

Семен. Голова у тебя толкачом. Он и не заикнется. Он сам бандит.

Шапшнев. Так-то так... А все-таки, знаешь, как-то неудобно: налет, грабеж. То да се.

Семен. Ну, и сиди до гробовой доски за фикусом в окошке. Тебе предлагают пополам деньги. Это значит: берем курьерский и — в Крым. Загорать. Граф Табуреткин, одетый как картинка, стоял около дамской купальни, опираясь на тросточку. Да ты с этих денег опять в гору пойдешь. Торговлюшкой займешься.

Шапшнев. Трудновато частникам-то. Хлопотливо.

Семен. Тебе котов кормить печенкой — специалист. Сволочь старорежимная. Гнилой лавочник.

Шапшнев. Ну, ты все-таки так не ругайся.

Семен. Я тебя зарезать должен.

Шапшнев. За что?

Семен. Я с тобой сговаривался? Сговаривался. У нас декрет: попятился — финку в бок. *(Показывает нож)*

Шапшнев. Эх, ты... брось. Кричать буду...

Семен. Тише. Идут. *(Тащит Шапшнева к развалинам)*

Хинин *(входит. Грозит в пространство)*. В печать, в печать попадешь, мерзавец. Паразит. Контрабандист. Мошенник. Спекулянт. Посмотрю, как ты завтра Красную вечернюю прочтешь. Полностью: «Адольф Рафаилович Рудик... зарвавшийся аферист... заманив в ресторан молодую, неопытную девушку...» Пожалеешь... *(Уходит)*

Из-за ворот выходят Июдин и Марго.

Июдин. Вы засвидетельствуете в милиции самый факт обмена булавки на билет, равно как то, что гражданку Кольцову предварительно опаивали вином и всячески старались усыпить ее внимание циничными разговорами, танцами и музыкой.

Марго. Я готова все это подтвердить, Федор Павлович. Я готова даже сама пострадать за это.

Оба уходят.

Из ворот выходит Люба с узелком. Журжина ее провожает.

Люба. Евдокия Кондратьевна, не уговаривайте меня. Не провожайте меня. Я решила уехать на родину и уеду.

Журжина. Поезд еще не скоро отправляется.

Люба. Подожду на вокзале. Прощайте.

Журжина *(сквозь слезы)*. Прощайте, Любовь Александровна, дай бог вам счастья.

Люба *(обернулась)*. Счастье... *(Губы ее задрожали)* Мимо меня прошло.

Журжина скрывается в воротах. На набережной появляется Алеша. Сбрасывает пиджак, расстегивает рубаху.

Алеша. Искупаться и спать. Отрезано. И — не думать. *(Почувствовал взгляд Любы. Обернулся)* Куда с узелком-то? Домой, что ли, собрались? Набузили, набузили и к маме. Эх, вы... девочка.

Люба. Я не бузила.

Алеша. Лучше не оправдывайтесь. В кабаке с пьяными мерзавцами песни петь. Стыдно...

Люба. Я ни в чем не виновата.

Алеша. Чистенькая девушка. Умненькая. Так нет. Пустяковая неудача какая-то и нос повесили.

Люба. Нет, не пустяковая неудача.

Алеша. Нет, пустяковая... С общей точки зрения и персонально...

Люба. Нет, не пустяковая... До свидания.

Алеша. Бесит эта покорность. Упорства никакого. *(Поправляет очки)* Платочек подвязала... Богомолочка...

Люба. Видите эту булавочку. Я ее за свое счастье выменяла. *(Бросает булавку в реку)* Пускай рыба какая-нибудь моим счастьем подавится.

Алеша *(понял в ином смысле)*. Так, так, так... Вот куда, значит, зашло в кабинетиках-то...

Люба. Нет охоты жить с вами в Ленинграде. Лучше я разведу огород, лучше я разведу кур, гусей в Рязани. И там я состарюсь и обиды моей не прощу.

Алеша. И ждать другого нечего — мещанский уклон.

Л ю б а. Вы грубый, черствый человек... Вы ни чорта не понимаете. Терпеть вас не могу. Всю жизнь ненавидела. С тех самых пор, когда вы на заборе хотели мне уши надрать за то, что я съела несчастную ягодку малины. Я и в Ленинград приехала, чтобы убедиться, какой вы отвратительный человек. Прощайте. *(Пошла)*

А л е ш а. Жалко, я не знал. Жалко, я тогда ушел. Я бы выломал ребра два вашему Рудику. *(Вдогонку)* Послушайте. Что за глупость, в самом деле?.. Он насильничает, а вы помалкиваете. Куда же вы уходите? Люба...

Л ю б а. Мне не жалко этих двадцати пяти тысяч. То есть — жалко, но не очень. Счастья ему не будет от моих денег. Я сама, дура, променяла их на булавочку.

А л е ш а. Какие двадцать пять тысяч?

Л ю б а. Да выигранные на мой билет. Не знаете, что ли?

А л е ш а. Елки палки... Так вот оно что.

Л ю б а. Все равно, будь у меня эти деньги, — уехала бы из Ленинграда. Так что моя слабость, что я не настойчивая, — это все не при чем...

А л е ш а. Ага... Люба... Ага.

Л ю б а. Точно что — ага... Прощайте.

А л е ш а. Дайте-ка узелок.

Л ю б а. Пустите.

А л е ш а. Нам необходимо поговорить.

Л ю б а. Пустите же.

А л е ш а. Что касается денег, — потеряли, очень жаль. Ну, проворонили и проворонили... И, наверно, это даже лучше, честное слово...

Л ю б а *(зажмурив глаза)*. Пустите мой узелок.

А л е ш а. Я вас так понял, что вы... Ну, что ли, связались с кем-то... Ваше непонятное поведение достаточно меня убеждает, что вы с кем-то связались... Мне было очень больно, когда услыхал в ресторане, как вы поете... Зря так не поют...

Л ю б а. Вам было больно?

А л е ш а. Ну, да... А что? Ошибся. И вижу, — по всему фронту ошибся. Во мне сидит еще этот мелкобуржуазный пережиток.

Л ю б а. Какой?

А л е ш а. Да... эта самая...

Л ю б а. Ревность?

А л е ш а. Она с четвертого июня началась. Я и сплю оттого так крепко, чтобы ее ликвидировать. Борюсь. Поборю, а вы опять начинаете про море, луну, песок, белое платье... Разве я не вижу, что с вами делается. Люба, ответьте мне последний раз на вопрос... хотя это не мое дело, конечно... Вы — тово?

Л ю б а. Да.

А л е ш а *(упавшим голосом)*. Теперь, значит, все в порядке... *(Иным голосом)* Кого?

Л ю б а. Да тебя же... *(Не оглядываясь, убежала)*

А л е ш а. Кого?.. Люба... Какого тебя?.. *(Бежит вслед за ней)*

Ш а п ш и н е в *(высовывается из развалин)*. Ну и девчонка, мухи ее залягай.

С е м е н. Симпатичная девочка... *(Глядит вслед Любе и Алеше)* К реке ударились. Скоро не вернутся.

Ш а п ш и н е в. Семен, мне что-то сыро стало. Мы бы лучше домой пошли, мы бы там полбутылки выпили.

С е м е н. Ой, Шапшнев, не треплись.

Ш а п ш и н е в. Что за время беспокойное.

Слышен голос Р у д и к а, он напевает шимми.

С е м е н. Он. Готовься!..

Оба притаиваются. Входит Р у д и к с тросточкой, весело напевает.

Р у д и к.

Шимми безусловно
Гвоздь сезона,
Шимми модный танец
Из Бостона,
Все танцуют шимми
На последний грош...

Ш а п ш и н е в *(выступает)*. Гражданин...

Р у д и к *(отскочил)*. Кто там? Что вам нужно?

Ш а п ш и н е в. Позвольте прикурить.

Р у д и к. Но, но, но... Знаем эти прикурки... Ба, да это вы, Шапшнев?

Ш а п ш и н е в. Позвольте прикурить?

Р у д и к. Бросьте сердиться, дружище. Мы играли честно. Не вы, так я. Дело счастья. Так и быть, я вам сделаю подарочек...

Шапшнев *(заорал не своим голосом)*. Руки вверх!..

Рудик. Граааааабят...

Семен *(подскакивает сзади, затыкает ему рот кепкой)*. Не ори. Я тебе говорю, не кричи. Где у тебя билет? *Шапшневу)* Шарь, шарь по карманам.

Шапшнев *(шарит)*. Куда он его засунул?

Семен. Вот как надо шарить. *(Шарит)*

Шапшнев. Нет нигде.

Семен. Щупай в подштанниках.

Шапшнев. Не вертитесь, Адольф Рафаилович.

Семен. Что за штука?

Шапшнев. А может, он у него за щекой?

Семен *(Рудику)*. Разинь рот.

Рудик. Милицееееейский...

Семен. Кричать... знаешь, за это...

Шапшнев. Можем в реку бросить.

Семен. Смерти не боишься! Говори, где билет?

Шапшнев. А то утопим.

Рудик падает как мертвый.

Шапшнев. Батюшки... что это с ним?

Семен. Неужто помер?

Шапшнев. Что мы наделали! Разве мы этого хотели?.. Да мы ради смеха... да мы шутили...

Семен. Бери его, тащи в речку...

Шапшнев. А всплывет?

Семен. Унесет. Хватай за ноги. Поднимай. Раскачивай.

Они поднимают Рудика за голову, за ноги. Появляется Алеша затем Люба.

Алеша. Вы что тут делаете?

Семен и Шапшнев бросают Рудика. Он сейчас же садится.

Рудик. Ой. Прямо на хвостик. Подлецы!

Алеша *(хватает Семена и Шапшнева)*. Налет. Грабеж.

Шапшнев. Шутили.

Семен. Не хватай. Брось.

Алеша одним движением швырнул его на землю. Семен, не поднимаясь, молча глядит на него.

Шапшнев. Рукам-то воли не давайте... А то..

Алеша швыряет его на землю.

Алеша. Немедленно отдать билет.

Семен. Не нашли.

Алеша. Я вас всех сволоку в комендатуру. Лучше отдайте добром.

Семен. Отдайте, Адольф Рафаилович, а то — скука итти в комендатуру.

Шапшнев. Надо, Адольф Рафаилович, по-божески поступать. Вы гражданку ограбили, а нам страдать.

Рудик. Что значит — отдайте? Нынче не девятнадцатый год.

Алеша. Отойдите, граждане. Мы будем по правилам. *(Рудику)* Снимайте пиджак.

Рудик. Это мне нравится, — дают подарки, потом силой берут их обратно.

Алеша. Боксом!

Рудик. В другое время. *(Садится на землю, задирает ногу)*

Шапшнев. Вон он у него где...

Рудик. Не волнуйтесь, — я отвинчиваю каблук. *(Достает из каблука билет, отдает Алеше)* Можете подавиться.

Семен. Эх, какое дело сорвалось, заметил граф Табуреткин.

Шапшнев. Товарищ Алеша, сыро, я бы домой пошел.

Алеша *(протягивает билет Любе)*. Получайте, Люба.

Люба. Алеша, мы же говорили... *(Отдает ему билет)*

Алеша. Значит, ладно... Ребятам на два семестра хватит...

Шапшнев. Так как же насчет комендатуры?

Алеша. Граждане... Неужели вам не стыдно?

Шапшнев. Бес попутал.

Семен. А что такое совесть? Нет ответа.

Алеша. Страшно жить среди вас. Во что вы верите, что любите, что ненавидите?

Семен. Мучительный вопрос.

Алеша. Болотные жители. У вас один желудок с зубами, да с задней кишкой.

Рудик. Хорошенькое сравнение.

Шапшнев. О-хо-хо...

Алеша. Жизнь вы не погубите... Она не увянет от вашего дыхания... Не запугаете ее свинячьими харями...

Семен. Короче говоря — ау, — пошли денежки на грызение гранита науки.

Шапшнев (*с воплем души*). Предлагала его за рупь шесть гривен.

Рудик. Страшно за свои нервы.

Алеша (*Любе*). Идем, Люба...

Люба. На взморье, на весь день. Да? (*Они уходят. Им смотрят вслед*)

Алеша. Да, Люба, да...

Семен. Многозначительная прогулочка.

Шапшнев. А как билет-то схватил. Агитатор...

Рудик. Противный субъект.

Марго (*входит, Журжиной*). Утопленника, что ли, нашли?

Журжина. Милая, как я говорила, так и сбылось: и деньги при ней и сердечный интерес...

Марго. Евдокия Кондратьевна... Как я счастлива. Так я полюбила ее, ну, как сестру родную...

Семен (*вынимая колоду карт, Шапшневу и Рудику*). Продолжим.

Рудик отвернулся, пошел в ворота, насвистывая шимми в миноре.

Шапшнев. По полтиннику. (*Они присаживаются, играют*)

Марго. Слушайте, и он ее поцеловал?

Журжина. И поцеловал и говорит ей: невеста моя, жена моя драгоценная... Любовь моя — до гробовой доски...

С проплывающей лодки раздались утренние веселые голоса.

Занавес.

1927 г.

касатка

Комедия в 4 действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Анатолий Петрович, князь Бельский, 32 лет.
Варвара Ивановна Долгова, его тетка.
Илья Ильич Быков, ее воспитанник.
Раиса Глебова, невеста Быкова.
Маша, Марья Семеновна Косарева, «Касатка», 25 лет.
Абрам Алексеевич Желтухин, 45 лет.
Анна Аполлосовна, двоюродная тетка князя.
Вера, ее дочь.
Сивинский.
Уранов.
Дуняша, горничная.
Панкрат, матрос.

Первое действие в Петрограде; остальные—в имении Долговой и на Волге.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната гостиницы. У карточного стола сидит князь. Уранов и Стивинский стоят на уходе. Напротив на диване сидит Маша и, подперев подбородок, смотрит на игроков. В комнате накурено, беспорядок, пустые бутылки, остатки еды.

Уранов. Говорю вам, хочу спать. Надоело.

Стивинский. Действительно — шестой час. Хорош я буду завтра. Нет, как я буду завтра петь?

Князь. Детское время. Я прикажу подать еще бутылку шампанского. В конце концов — ужасно глупо — я совершенно проигрался. Для моего спокойствия, хотя бы, сядьте, и я промечу последний банк.

Уранов. На орехи, что ли, будем играть. Эх, князь, ложитесь-ка спать лучше.

Стивинский. У меня трещит лоб, трещит затылок, голова как пепельница с окурками. А голос — вы послушайте... *(Берет ноту)* Это соль? Петушиный вопль. Я погиб!

Князь. Прекрасный голос. Дивное соль. Запишем на мелок, я отдам. *(Благородно)* Честное слово. Я вас прошу, наконец... Маша, скажи им, чтобы они это... ну, как... я не могу заснуть, если не промечу.

Маша. И не спи, никто не заплачет.

Уранов. Денежки, денежки надо показать, тогда о чем угодно просить можно. Так уж на свете устроено.

Князь. Ужасно неприятно.

Уранов. Эх, князек. Сегодня я у вас выиграл, а вчера меня на бирже взяли за рога. Едва жив ушел. Все мы, как говорится, сегодня князь, а завтра мразь.

Стивинский. Ну, я пошел. *(Маше)* Касатка, красота моя, прощайте, богиня. Хотел бы я как-нибудь прийти, помузицировать, вспомнить старые времена.

Маша. Подождите *(идет к столу)*, Алексей Иванович, ну? *(Она снимает с пальца кольцо)* Сколько стоит?

Уранов подходит.

Уранов. Вещица!

Стивинский. Шикарная штучка. Какая вода!

Маша. Сколько даешь, я спрашиваю?

Князь. Моя милая, это последний ресурс.

Уранов. Тысячу рублей дам, ей-богу, только что это вы.

Маша. Тысячу за это кольцо? Все равно, садись, мечи.

Уранов. Идет. *(Садится, берет карты)*

Все стоят около.

Маша. Король треф.

Уранов. Идет.

Князь. Подумать, что какой-то король треф сейчас распоряжается нашей судьбой.

Стивинский. Вы любитель сильных ощущений, князь?

Князь. О, нет, я склонен к меланхолической и чистой жизни. Но, к сожалению, мне ничего больше не остается, как испытывать сильные ощущения.

Маша *(Уранову)*. Сдавайте расторопнее.

Уранов. Сдаю, как умею.

Стивинский. У него слишком толстые пальцы.

Князь. Такое чувство, что эти пальцы шевелятся у меня в мозгу.

Стивинский. Остались четыре карты.

Князь. Вот случай!

Уранов. В банке тысяча.

Маша. Да, ва банк!

Уранов. Король бит.

Маша. Бит! *(Князю)* Король бит. *(Уранову)* Иду на все. Десятка пик.

Князь. Маша!

Уранов. Идет. В банке две тысячи.

Стивинский *(Уранову)*. Ты, брат, паук, биржевик. А жаль кольца.

Уранов. Бита.

Маша. Бита.

Стивинский. Бита!

Князь. Не везет.

Маша. В банке четыре тысячи... На все, хотите?

Уранов. Ой ли?

Князь *(Маше)*. Ты сошла с ума!

Маша. Пусти ты меня. *(Уранову)* Мечи.

Князь. Моя милая, в конце концов мне придется платить своей шкурой.

Маша. Много дадут за твою шкуру. Своей расплачусь.

Уранов. Идет, идет. Шкурка дорогая.

Князь. Чорт знает какая нелепость!

Маша. Девятка червей.

Стивинский. Резня!

Князь *(Стивинскому)*. В такие минуты я чувствую себя ужасно одиноким. Никогда не нужно отыгрываться. Это закон. Мы попали в роковую полосу. Два раза я выплывал, но на этот раз...

Уранов. Бита! *(Встает)* Игра кончена. *(Надевает на палец кольцо)* За вами семь тысчонок. Когда прикажете получить?

Маша. Я не знаю... На-днях... Когда-нибудь... Я отдам...

Стивинский. Расскажи — никто не поверит.

Уранов. А из чего платить будете? Милая дамочка, жалко, жалко мне вас. Марья Семеновна, на два слова.

Маша. Да... вы о чем?

Уранов. Пожалуйте в коридор или лучше всего ко мне в комнату. Сейчас и порешим, чтобы потом не было оглядки.

Маша *(слабо)*. Я не хочу.

Стивинский *(у стола проверяет карты)*. Все верно. Удивительный случай.

Маша *(Уранову)*. Не могу. *(Со слезами)* Отстань!.. *(Князю)* Что же ты молчишь?..

Князь *(Уранову)*. Вы, кажется, намерены простить мне долг? Ни за что! Карточный долг — долг чести. Я не плачу моему портному потому, что такого рода долги наказуемы государством. В душе я анархист, как это ни странно. Когда я еду занимать деньги, то даю себе честное слово не платить. Этим я протестую. Но долги за зеленым столом не подлежат охране закона, поэтому я их плачу. Этим я тоже протестую.

Уранов. Когда прикажете получить?

Князь. На-днях.

Уранов *(вынимает вексель)*. Векселек не трудно будет подписать?

Князь. О, сколько угодно. *(Садится, подписывает)*

Стивинский *(Маше)*. Что он вам предлагал?

Маша. Ну, ясно что...

Стивинский. Мужик!

Маша. Прощайте.

Уранов. Вот так-то будет вернее. Я подожду. Ну, князь, не сердитесь, играли по чести. Прощайте, Марья Семеновна, ручку.

Князь. Убирайтесь вон!

Уранов. Благодарю за угощение. *(Ушел)*

Стивинский. Ну, князь, лапу.

Князь. Что я хотел сказать, Стивинский?.. Да, кстати... у вас не найдется до четверга?

Стивинский. Нищ.

Князь. Впрочем, я так... *(Провожает Стивинского до дверей. Возвращается. Приподнимает штору и замирает у окна. Рассвет)*

Князь. Игра кончена...

Маша. Один ты во всем виноват. Ах, дура я, дура. Год целый таскаюсь за ним, как мещанка. Какие предложения отклоняю. Отказываюсь от каких денег. До чего ты мне противен.

Князь. На улице совсем светло и много народу. Идут по делам. Озабоченные. У всех есть хоть сколько-нибудь денег. У каждого дом и семья.

Маша *(сидя у пианино, положив подбородок на спинку стула)*. Побить тебя хочется.

Князь. Этого ты сделать не посмеешь.

Маша. Как еще посмею.

Князь. В редких случаях я еще могу применить к тебе физическую силу. Но я для тебя неприкосновенен, абсолютно.

Маша. Скука.

Князь. Впереди целый пустой день. Моя кровь насыщена табаком и винными парами. Плохо, когда нельзя заснуть.

Маша. Вечером отравлюсь.

Входит Абрам Желтухин, сильно заспанный, в помятой одежде.

Желтухин. Французский.

Маша. Что?

Желтухин. Французский.

Князь *(не оборачиваясь от окна)*. Что ты говоришь, Абрам?

Желтухин. Французский жанр. Говорю, в комнате — французский жанр. *(Потягивается)* Хорошо. А я всхрапнул часика четыре. Пить, а? Промочить есть чем, Касатка?

Князь. Вон каменщики мостят улицу. Идет чухонка, несет молоко.

Желтухин *(Маше)*. Что с ним?

Маша. Проигрались.

Желтухин. Как, до тла? *(Маша кивает)* Я в коридоре на Уранова наскочил, он тоже говорит — фю-ю!

Князь. На этот раз мы погибли.

Маша *(несколько повышенно)*. Роковой конец.

Пауза.

Желтухин. Что же: спать будем или разговаривать? Спать, по-моему, неудобно как-то сейчас. А?

Князь. В гостинице долг очень велик. По ресторанам тоже должны везде, кроме третьего разряда. Если переехать из этой гостиницы в другую, меня сейчас же арестуют.

Желтухин. Да, здесь хорошая гостиница, отличная гостиница. Персидский бест. Все жулики здесь живут, шулера, спекулянты.

Князь. Ты не забудь, — на моих плечах женщина.

Желтухин. Что, Касатка, видно, покровителя надо искать?

Маша. Не могу. Ненавижу мужчин. *(Показывает на горло)* Вот у меня где клубок сидит.

Князь. Этот шаг Марья Семеновна не повторит. Касатка стала порядочной женщиной. Я ее поднял. Если когда-нибудь мои дела поправятся, я на ней женюсь.

Желтухин. Женишься!.. Ну, — прямо золотые некуда, сам понимаешь. Но что из этого выйдет, я не детель.

Маша *(князю)*. Что-то уж очень ты уверен. Смотри, как бы я сама тебя на улицу не выбросила.

Желтухин. И не думай его бросать. По рукам пойдешь.

Маша. Хуже не будет.

Желтухин. Ну, уходи.

Маша. Кабы не полюбила я этого... павлина.

Желтухин. Оба вы нерьвастервики.

Князь. Нужно говорить неврастеники. Если бы только заснуть и проспать весь день. Абрам, ты инженер, придумай что-нибудь.

Желтухин. Во-первых, я бывший инженер, в настоящее время без практики. Но шулером я не был никогда, нет. Хотя несколько раз били, но зря. Надо мной тяготеет квипрокво.

Князь. Какую-нибудь службу взять, должность.

Желтухин. На всякой службе нужно работать как вол. И куда бы ты ни поступил — все равно жалованье твое пойдет судебному приставу.

Князь. Ты прав. Биржевая игра?

Желтухин. Облапошат.

Князь. А как ты смотришь на такую идею — если отыграться в карты?

Желтухин. Деньги нужны.

Князь. Занять?

Желтухин. Ну, займи...

Князь. Да, конец. Безвыходно.

Маша *(не громко)*. Ненавижу вас обоих. Пустомели.

Желтухин. Подожди, я все-таки подумаю. Во-первых, нельзя представить, чтобы мы пропали. Мы, в общем, превосходные люди, веселые, никого не обижаем. Почему же мы? — пусть другие пропадают.

Князь. Клянусь тебе, я начну новую жизнь. Мне тридцать два года. Из них последние двенадцать лет я

делал усилия создать новую, светлую жизнь. От этой мечты я не откажусь никогда. Подумай — моя карьера начиналась блестяще. В министерстве меня обожали. Одному швейцару я был должен восемьсот рублей. Но вот... Грустно вспомнить. Был день, когда все полетело вниз. Это был мой первый крупный проигрыш. Меня погубили рестораны, игорные дома и скачки. Но не женщины, нет. В моей жизни два начала: темное — это игра и светлое — женщины. Любовь всегда очищает. Пока я способен волноваться, я еще не погиб. Женщины общества теперь мне недоступны. Увы, я слишком потрепан. Я порвал со светом. Теперь мой идеал — малютка, блондиночка, мещаночка, кроткое существо. Тюль на окне, герань, птички. Там покой, там блаженный сон, отдохновение от этих воробьиных ночей.

Маша. Блондинка? Кто такая? *(Идет к нему)*

Желтухин. Маша, Касатка, брось, это он в идеале.

Маша *(князю)*. Нет! Как ее зовут? Ты мне в глаза гляди, когда тебя спрашивают. *(Садится около)*

Князь. Как ты бездарна. Какая ты femme.

Маша. Фам! А пока у меня деньги были, — тебе черные волосы нравились. Блондинка! Сегодня же узнаю, какая у тебя милочка. Я ему верила. Весь год была верна. Ущипнуть себя никому не позволила. Да ты помнишь, — каким тебя в игорном доме подобрала? Худой, небритый, пиджачишка на нем коротенький. Стоит, дрожит. «Мне, — говорит, — мадам, отчего-то все холодно». Влюбилась. Обстановку мою в сорок тысяч прожил. Драгоценности проиграл, две шубы продал, одну обезьяньего меха, другую на гориостае, сверху жеребенок. Что же ты? Отвечай, Хиздрик!

Князь *(Желтухину)*. Ты не находишь, что идет сильный дождь?

Желтухин. Н-да, сквозит.

Маша. Ненавижу. Я от тебя не отстану. Высохну, назло чахотку получу. У меня и теперь кровь горлом хлещет.

Желтухин. Перестань чепуху говорить! Гадко.

Князь. Маша, а когда мы сходились, помнишь, какие были слова?

Маша. Какие слова?

Князь. О чувствах, о возвышенном, чем сердце было

полно. Помнишь наш первый романс? Маша, ты жестока. Касатка, ты слишком резко берешь. *(Схватызает гитару)* Когда-нибудь поймешь, я хотел только любви, но я малопрактичный человек.

Желтухин. Всегда до слез прошибет.

Маша. Ничему не верю!

Князь. Наш романс. *(Запевает фальшивым голосом)*

Маша. Перестань. Положи гитару. Мука моя! Не хочу, все равно не хочу я тебя!

Желтухин. Эх, не так поешь. *(Берет у князя гитару и поет тот же романс с большим чувством)*

Маша. Господи... Господи...

Князь. Да. В жизни есть красота.

Желтухин *(откладывает гитару)*. А все-таки положение, братцы мои, весьма гадкое.

Князь. Мы можем пойти по дворам и петь.

Желтухин. Действительно. С попугаем билетики вытаскивать на счастье... Эх, Анатолий, Анатолий, голова у тебя фиником, никуда не годится. Нельзя ли нам уехать? Нет ли у тебя какой-нибудь завалящей тетки?

Князь. Тетки? Да, у меня есть одна тетка. Она помещица.

Желтухин. Помещица? Значит, живет в деревне, на всем готовом? Анатолий, едем к тетке! Пусть она нас покормит с недельку, ну, с месяц. Я сейчас в таком положении: как проснусь, так и думаю — все равно пропал, и уж весь день — никакой фантазии. Мне бы с недельку пожить спокойно, я бы вывернулся. Ей-богу, вывернусь и вас вытащу.

Князь. Дай бог памяти, как ее зовут? Варвара Ивановна Долгова. Она всегда была большим чудаком. Добра и гостеприимна. Представь, все время старается поддерживать со мной переписку. Где-то валялось ее письмо от третьего дня. А я до сих пор не распечатал. Решил прочесть в светлую минуту, но замотался. *(Достает письмо)* Абрам, это, прежде всего, святая женщина!

Желтухин. Ну, тогда нам к ней ехать нечего.

Князь. Почему?

Желтухин. Как же я вдруг приеду к святому человеку? Мне будет все время совестно.

Князь. Ты можешь приехать несколько позже. Я

тетушку приготовлю. *(Идет к окну, глядит на промозглую площадь. Со вздохом опускается на диванчик)* Представь, живет в старом, наполовину запущенном доме, в нижнем этаже, где темно от кустов сирени и весь день кричат воробьи.

Желтухин *(растроганно)*. Птички... а!

Князь. Пахнет шалфеем, некрашеные полы, киоты, ходят босые девки. По праздникам приезжают сонные помещики со своими помещицами. Пьют чай в саду, говорят о гусях, о какой-то пшенице или вспоминают прошлое, как дедушка женился на бабушке и какие были праздники и балы. При этом знают решительно про всех, кто кому родня. А во втором этаже навалена пшеница, там бегают только мыши, грызут штофные диваны и старую библиотеку. Абрам, все это не так давно было моим родным. Как далеко, как безнадежно все это далеко! Какие там пекутся сладкие пирожки, какие засолы, какие закаты за рекой! Деревенские песни. Вечером выйдешь в рожь, — пахнет медом, повиликой, булькают перепела, и чувствуешь, что душа без греха. Да.

Маша заплакала.

Там не бывает головной боли и отвращения ко всему. А? Ты о чем, Маша?

Желтухин. Знаешь, Анатолий, ты все-таки свинья.

Маша. Не поеду с тобой никуда.

Князь. Почему? Вот каприз!

Желтухин. Да, брат, она права, отчасти

Маша. Нет охоты мне что-то со святыми женщинами разговаривать.

Желтухин. Брось, Маша. Хочешь, побожусь, что его тетка наверно сама с прошлым.

Князь. Абрам, будь корректнее!

Маша. Действительно, его сиятельство вдруг привезет в дом такой сюжет. Как тетушка жива останется. Все рассолы у нее прокиснут. Из меня, дружок, никаким ветром греха не выдуешь.

Желтухин. Фу ты, какая дура! Ну, не дура ли ты, говоришь пошлости.

Маша *(князю)*. Предатель, предатель самый последний!

Князь. Tiens. Маша, я, кажется, ничего не сказал. Ну да, я вспомнил прошлое, на минуту забылся. Прости.

Все же я никогда не переставал помнить, что из нас троих я... ну, как это сказать... самый миниатюрный в нравственном отношении. Я скажу тетушке, что ты моя жена. Надеюсь, господа, мы не будем много рассказывать о своем прошлом.

Желтухин. Сохрани бог! Ты меня не узнаешь. Только насчет еды, ты уж предупреди, что я сангвиник.

Князь *(успевший за это время пробежать письмо).* Тетушка пишет, что у них готовится радостное событие — свадьба какой-то девицы Раисы Глебовны с Ильей Ильичом. Илья Ильич Быков — это ее воспитанник, управляет именьем.

Желтухин. Вот, как раз на свадьбу-то мы и приедем. Очень кстати. Анатолий, садись, пиши тетке.

Князь присаживается.

А ты, Машенька, с ним все-таки помягче, надо принять во внимание его происхождение. Как ты его ни мусоль, а все-таки — князь. Нет, нет, да и прорвется.

Князь. Я пишу: «Ma tante, мы с женой и другом решили на короткое время посетить вашу усадьбу» Вот дальше как?

Желтухин *(осматривая пустые бутылки).* Ну, это совсем не то. Подожди. *(Уходит во внутреннюю дверь)*

Князь. Мне все последнее время жилось очень не легко. И, конечно, это не могло не отозваться на чувстве к тебе, Маша. Мы передохнем, осмотримся, а там можно начать новую жизнь. Почем я знаю, меня могут выбрать в мировые судьи, наконец. В деревне все случается. У тебя будет положение, а не какое-то безвоздушное пространство в отеле.

Маша. Хорошо. Ты меня просишь?

Князь. Да, прошу.

Маша. А зачем тебе, чтобы я поехала?

Князь. То есть, как зачем? Я не знаю. Какой глупый вопрос. Если я поеду один, то мы, значит, расстались. Это необыкновенно нелепо. Мы же любим друг друга. Не смотри, пожалуйста, на меня такими глазами.

Маша. Я тебя не люблю.

Князь. Неправда. Не верю. Ты говорила это мне сто раз. Зачем доводить отношения до такой остроты. И без того сердце готово остановиться. Маша, умоляю...

Маша *(серьезно)*. Я поеду с тобой. Мне деться сейчас некуда, сам понимаешь. Но что из этого выйдет, я не знаю. Если ты меня предашь, помни, я ни тебя, ни твоей тетки не пожалею. Я ведь мягка, покуда люблю хоть немножко, а выкину из сердца — ни жалости, ни стыда у меня нет.

Князь. Ну да, ну да, ну да...

Желтухин *(входит с бутылкой)*. Сунулся в шляпную картонку и, разумеется, бутылка. *(Откупоривает)* Садись и пиши. Поймешь ты когда-нибудь, что такое Желтухин. *(Диктует)* «Незабвенная тетушка. Тоска по родным местам настолько подточила мой организм, что я сделался совершенно болен. Воспоминания детства не дают мне покоя. Город с его электричеством мне опротивел. Я хочу тишины и правды в кругу родных...»

Князь *(сквозь зубы)*. Ну, это слишком витиевато...

Желтухин. Пиши: *(Диктует)* «Дорогая тетушка, несколько недель, проведенных под вашим гостеприимным кровом, вдохнули бы в меня новую жизнь. Ах, тетушка, тетушка, сколько я выстрадал за эти двенадцать долгих лет! Я почти старик...»

Князь *(пишет)*. «... выстрадал за эти двенадцать долгих лет...»

Желтухин *(диктует)*. «Со мной приедет друг моей жизни, моя жена Марья Семеновна, с которой я в непродолжительном времени намерен сочетаться законным

Маша смеется, берет гитару и наигрывает.

браком». Ничего смешного не нахожу... «А также, с вашего позволения, приедет мой друг детства...»

Князь. Позволь, какой же ты мне друг детства?

Желтухин. Эх, какой ты, ей-богу. Без этого нельзя. Какой ты эгоист... *(Диктует)* «Он человек странный, даже отталкивающий на первый взгляд, но добрая душа и не пьет». — За это уж я ручаюсь... «Все животные имеют право на отдых, птицы вьют гнезда, лисы роют норы... Дорогая тетушка... Жизнь тяжелая и даже нелепая штука *(со слезами)*, и тем, кто бьется из последних сил, чувствуя, как с каждым днем все туже затягивается на шее петля...»

Медленный занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Комната деревенского дома, служащая одновременно кабинетом и столовой. В глубине арка, за ней коридор, направо и налево и в самой глубине стеклянные двери в сад, залитый солнцем. Видны кусты цветущей зелени. Налево дверь в комнаты. У стола Илья Ильич Быков, стоя, пьет холодный чай. Раиса наклонилась над книгой.

Илья. За эти три дня мы с тобой совсем не говорили. Такая суета. Хочется тебе сказать много, много серьезного, Раиса. Ты слушаешь меня?

Она подтверждает, что слушает.

Развлечения, праздность, весь этот шум привлекательны, быть может, конечно. Но мы должны со всей серьезностью отнестись к новому шагу... Послезавтра наша свадьба... Раиса?..

Раиса. Да, слушаю.

Илья. Свадьба. Ты хорошенько уясни себе ее значение. Мы вместе росли детьми, шалили, мечтали. Да, да, все это было превосходно. И, наконец, настает день, когда должны быть насуплены брови. Это невесело. Мы должны рука об руку вступить в суровую жизнь... Это сознательный конец юности, глупым грезам... *(Голос его слегка дрожит)*

Раиса. Пожалуйста, Илья, закрой окошко, сквозит.

Илья. Ради бога, Раиса, не думай, что я тебя упрекаю. Но приезд этого князька, бессонные ночи, пустопорожние разговоры — не во-время... Посмотри на тетю Варю, она волнуется больше нас. Совсем измучена. В нас еще не сдержаны какие-то порывы, Раиса. Я хочу сказать — инстинкты.

Раиса. О чем ты волнуешься, Илья?

Илья. Я волнуюсь? Ни капельки.

Раиса. Что-нибудь случилось?

Илья. Я говорю, — возмутительно врываться в чужую жизнь накануне крупнейшего события.

Раиса. А кто же ворвался? Ты сам читал письмо князя. Мы с тетей Варей над ним плакали.

Илья. Ах, над чем вы с тетей Варей не плачете. Проревели весь день, когда вылупился четырехногий цыпленок

Раиса. Цыпленочек на четырех ногах жить не может. Конечно, его было жалко.

Илья. А этого князя мне ничуть не жаль. Бездельник и болтун.

Раиса. Он хороший человек и очень несчастный.

Илья. Скажите!..

Раиса. Да.

Илья. Вот, если хочешь, Марья Семеновна, действительно, достойна сожаления. Это сложная и глубокострадающая натура.

Раиса *(поджав губы)*. Может быть.

Илья. Ты что-то слишком поджимаешь губы, Раиса. Вообще мне до князей сейчас дела нет. Пусть тетка с ним и няньчится, как с писаной торбой. Я бы издал государственный закон против бездельников и шалопаев. Под ногами болтаются.

Пауза.

Ты что читаешь?

Раиса. «Гигиену молодой женщины». Тетя Варя приказала прочесть эту книжку несколько раз под ряд.

Илья. Это очень полезное чтение, конечно. Вообще нам нужно побольше читать серьезных книг.

Раиса *(уныло)*. Будем читать.

Голос тети Вари: «Ду-унь, Дуняша», и голос Дуни: «Сича-ас».

Они встают. А самовар всегда холодный.

Варвара. Раиса!

Раиса. Тетя Варя!

Варвара. Ты опять бегаешь!

Раиса. Самовар надо подогреть.

Варвара. Я тебе сто раз толковала: ты не имеешь права подвергать себя опасности — ломать ноги. Ты девчонка или невеста, наконец? Ты совершенно не думаешь о своем организме. После свадьбы делай, что хочешь, хоть на голове ходи.

Раиса. Что вы, тетя Варя, я очень думаю о своем организме.

Варвара. Ну, иди.

Раиса уходит.

Совсем обезножила. Ох, батюшки, дай-ка мне папироску. Хорошо ты смотришь за невестой, нечего сказать.

Илья. Не могу я больше ей говорить: помни о почках, о каких-то там органах. Оставьте ее в покое. Она и так на меня второй день дуется.

Варвара. Вот девчонка! О чем вы тут с нею говорили?

Илья. О свадьбе.

Варвара. Не чаю, когда эта свадьба пройдет. Уеду к дяде Григорию отдыхать на две недели. *(Волнуясь)* Илья, конопляного масла нигде нет.

Илья. Придется купить подсолнечного. Все равно рабочие жаловались, что конопляное масло с примесью.

Варвара. Делай, что хочешь. Но подсолнечное пуд шестнадцать с полтиной. Если мы разоримся, — не моя вина. Дунька!

Бежит по коридору девка с ведром.

Дуня. Чего вам?

Варвара. Ты куда?

Дуня. Помои от молодых господ.

Варвара. Ну и наверно расплескала их по всему коридору.

Дуня. Лопни глаза, ни капельки. *(Скрывается)*

Варвара. Проснулись, слава богу. Второй час. Что это такое? Чем они живы? Не ждала я таким увидать Анатолия. Постарел — жалкий. Скажи мне, Илья, как мужчина, любит он ее?

Илья. Князь, Марью Семеновну? Чорт его знает.

Варвара. Что ты говоришь? Ну, а она его?

Илья. Не знаю.

Варвара. А ведь он хочет на ней жениться.

Илья. Да, обещал, но, кажется, не особенно торопится.

Варвара. Кто она такая?

Илья. Не знаю. *(Берет скрипку)*

Варвара. Она с прошлым по-твоему?

Илья. Да, я думаю, что она с прошлым. *(Наигрывает)* Вообще, Марья Семеновна странная женщина.

Варвара. В самом деле, сыграй мое любимое. Мне

Илья начинает играть ни в чем не виноватый березь.

очень, очень жалко Анатолия. Он весь в тетку Анну Аполлосовну. Душевный мальчик. Я рада, что он вырвался, наконец, из этой столицы.

Илья *(играя)*. Ветчинный окорок в городе не достал. Придется самим запекать.

Варвара. К свадьбе я думаю заколоть индюка, того, что дерется.

Илья. Можно заколоть индюка.

Варвара. Они, оказывается, жили в гостинице и обедали по ресторанам. Какой же это желудок выдержит? Нет, ты подумай.

Илья. Странная женщина Марья Семеновна. *(С этой минуты он начинает играть страстную арию)*

Варвара. Что ты мне ни говори, а я чувствую, чувствую: у них страшная драма. Они что-то скрывают. Эта женщина ему не пара. Но, во всяком случае, наш долг сделать для Марьи Семеновны все возможное, если у них кончится катастрофой. *(Прислушивается к музыке)* Илья, ты что?

Илья. А что?

Варвара. Что ты сейчас играл?

Илья. Не знаю, право, задумался

Варвара. Пойди-ка сюда. *(Он подходит, она грозит пальцем)* Смотри у меня, Илья.

Илья. Оставь, пожалуйста!

Варвара. У тебя трудный характер. Помни, ты весь в отца. Я до сих пор иногда во сне вскрикиваю, как он придет на память Вот какой был человек. Взглянет, бывало, своими глазами, так вся и обомрешь, даром, что простой был мужик. А какие страсти! Какая буйная жизнь! И погиб-то он необыкновенно. Вывел ночью у меня из конюшни племенного жеребца, пьяный вскочил на него, засвистал пронзительно и помчался куда глаза глядят. Проскакал десять верст, слышишь ты. И ринулся на всем карьере с обрыва в Волгу. Ужасно! Ему всего было мало.

Илья. Да, отец был странный человек. Во всяком случае, Раису я уважаю и люблю, и тебе не о чем беспокоиться.

Варвара. Дай-то бог, дай-то бог. Все-таки ты поменьше бывай, с этой-то... с черной.

Илья. Мне не нравится этот разговор, тетя Варя. Ты слышишь, в высшей степени мне не по душе.

Варвара. Фрр. Как петух индийский.

Входят князь и Маша.

Князь. Ma tante. С добрым утром.

Варвара *(целует его в лоб)*. Какое тебе, батюшка, утро. Скоро ночь на дворе.

Маша. Здравствуйте.

Варвара *(целует Машу)*. Как спали, дорогие мои?

Маша. Благодарю вас.

Князь. Я спал, как младенец. Просыпаюсь утром, и ни одной гадкой мысли. Здешний воздух делает чудеса. Не правда ли, Мари? Я давно не чувствовал в себе такого подъема духа.

Маша. Воздух очень прекрасный.

Дуня вносит самовар.

Варвара. Вот и самовар: этот по счету четвертый греем. Скушайте лепешек. Те ржаные, а вот из крупчатки. В Петербурге этого не пекут. Или уж такую подадут лепешку, что потом весь день животом валяешься.

Маша. Благодарю вас.

Князь. Ma tante...

Варвара. Скажи по-человечески: тетка. А по-французски мне обидно. Недушевно как-то. Словно ты в меня репьем суешь. Ешь простоквашу. *(Садится к самовару)*

Князь. Тетушка, позвольте расцеловать ручки. Боже ты мой, значит, есть еще в России добрые, бескорыстные, чистые люди. *(Со стаканом останавливается посреди комнаты)* Я счастлив...

Илья *(набивает у камина трубку)*. Гм. У нас говорится: телячья радость, по поводу свежего воздуха.

Варвара. Илья!

Илья. Я не сказал ничего обидного, тетя Варя.

Варвара. Илья, ты невозможен! *(Делает страшные глаза)* Он у меня бурелом. У Анатолия очевидно веские причины так радоваться.

Князь. Ma foi! Тысячи причин. Ну, вот. Выхожу из умывальной комнаты в коридор, вдруг скрипит дверь. Отвратительно, когда скрипят двери. Мне всегда в этом случае мерещится, что должен войти господин во фраке и сказать: не угодно ли вам заплатить по счету. Что-нибудь в этом роде. И вот, на этот раз в дверях вместо фрака появляется очаровательнейшее существо, ваша невеста, Илья Ильич. Боже мой! Ведь я в деревне, у тетки!

Варвара. Тебе, Анатолий, хорошо пить отвар из ромашки с цитварным семенем.

Князь. Благодарю. Далее, меня просто умиляет, господа, до чего здесь все заняты каким-нибудь делом. Это прямо толстовская колония. Выглядываю в сад, смотрю: Илья Ильич тащит какой-то мешок, вы, тетушка, браните босую девку, собачка и та — сидит на цепи. И по траве, прямо по росе, босиком ступает крошечными ножками, идет Раиса Глебовна с решетом крыжовника. Илья Ильич, вы счастливейший из людей!

Маша *(вскрикивает)*. Ай!

Варвара. Что такое?

Маша. Я обрезала руку.

Илья *(быстро подходя)*. Покажите. Глубоко?

Маша. Нет, теперь не больно.

Илья. Я говорил, чтобы не подавать на стол острых ножей. Для хлеба есть пила.

Варвара *(Илье)*. Пусти, пусти, батюшка, я сама завяжу.

Илья. Положите иодоформу.

Маша. Благодарю вас, мне совсем хорошо. *(Внимательно глядит на Илью, садится на диван)*

Князь. Мари, ты косолапа... Так какие же ваши планы после свадьбы, Илья Ильич? Едете за границу?

Варвара у аптечного шкафчика.

Илья. Зачем? Нам и здесь дела много.

Варвара. Покос, рожь нужно жать, запахивать пар.

Князь. Пахать пар? Гм! Но молодая женщина захочет выезжать, показывать туалеты. Вы не боитесь, что она соскучится в такой глуши?

Илья. Ну, на такой бы я не женился.

Князь. Вы правы.

Маша *(внезапно)*. Илья Ильич, вы жили в Петербурге?

Князь. Что? что?

Илья. Да, я там учился в Технологическом. Лет шесть тому назад.

Варвара. А кончил он в Питере Лесную академию... С медалью.

Князь. Браво, браво.

Маша *(Илье)*. Гляжу, гляжу, — ей-богу я вас видала.

Князь *(поспешно)*. Мари, у тебя плохая зрительная память... Бывает, что встретишь человека на улице, мельком, и потом привяжется его лицо.

Маша. В Аквариуме, конечно, бывали, в саду?

Илья *(с тревогой)*. Да... бывал... А что?

Маша *(смеется)*. Помните ученых попугаев? С хохолками.

Илья. Попугаев?.. Боже мой!.. Ну?

Маша. Каждый раз, когда попугаи кончали, музыка играла вальс, и появлялась...

Илья *(вскрикивает)*. Касатка!!. *(Точно лишился языка, не отрываясь, смотрит на Машу)*

Варвара. Какая Касатка?.. *(Роняет бинтик)*

Князь *(подскочив, поднимает)*. Тетушка, вы представьте. Однажды Марья Семеновна, еще до нашего замужества, конечно, находилась в таком трудном материальном положении, что пришлось поступить на сцену, петь романсы. Всякий труд благороден, не правда ли? Что?

Маша. Я не только романсы пела.

Варвара. Чем же вы там еще занимались?

Князь. Ну, дай бог памяти... — прыгала через круги.

Варвара. Через круги прыгала?

Князь. Работа тяжелая и очень почтенная, по крайней мере я так похожу. *(Пожав плечами, становится в арке)*

Варвара. Так вы акробатка?.. Господи, помилуй!.. А уж я, простите, Марья Семеновна, чуть голову не свихнула, все думала, чем вы занимаетесь?

Маша. Я, Варвара Ивановна, и прачкой была.

Варвара. Прачкой?

Маша. И горничной, и в магазине служила. Я сама деревенская, псковская.

Варвара. Боже мой, боже мой!..

Князь. Мой друг, все-таки это не тема для беседы. У каждого из нас были ошибки...

Варвара. А что это значит — Касатка?..

Пауза; входит Раиса.

Раиса. А я вас жду в саду. Здравствуйте, князь,

(Маше) Мы с вами виделись. Вода такая свежая, славная. Я купалась.

Князь. Славная, свежая. Молодость моя! Боже, какая красота!

Раиса *(прикладывая ладони к щекам)*. Какие пустяки вы говорите.

Варвара. Анатолий. Ты не педагогичен.

Илья *(Маше, глухим голосом)*. Не правда ли, у вас были светлые волосы...

Маша *(вспоминает)*. Да, раньше у меня были светлые волосы, как рожь.

Князь *(Раисе)*. Если вам не скучно со мной, позвольте предложить руку. Я стар и безопасен. Пойдемте рвать крыжовник.

Раиса взглядывает на тетку.

Варвара. Идите, идите.

Раиса. Надо решето захватить.

Князь. Решето! Боже мой!

Маша *(многозначительно)*. Анатолий!

Князь. Что, Мари?

Маша. Ты, может быть, забыл?.

Князь. Я забыл. Что? Важное? Не помню. *(Легкомысленный жест)* Какая-нибудь чепуха.

Маша *(сквозь зубы)*. Иди, иди, голубчик..

Уходит с Раисой.

Варвара. Илюша... Марья Семеновна... Объясните мне.

Илья. Улицы были полны народа. Особенно звонко раздавались женские голоса. После полуночи пошел дождь. Я все-таки дождался и побежал за автомобилем. Вы окатили меня грязью... Я упал.

Маша. Я помню и другое. Каждый вечер..

Илья. Я приходил каждый вечер глядеть на вас.

Маша. Выхожу, бывало, петь. Смотрю, в публике глаза, черные, как угли. Горло перехватывало, так, бывало, испугаешься.

Илья. Боялись моих глаз?

Маша. Известно. С такими глазами жди беды.

Варвара *(берет Илью за руку)*. Друг мой, я уважаю всякое мужское прошлое. Это твой духовный опыт. Но сейчас, Илюша, будь благоразумен. Одолей свой ха-

рактер. Марья Семеновна, надеюсь, поймет и сама поможет нам. Вели заложить дрожки, поезжай в луга.

Илья *(резко)*. Тетя Варя, я положил расходную книгу тебе на стол. *(Хватает счеты)* Книга запущена.

Варвара. Успею проверить, батюшка.

Илья. Немедленно! *(Отворяет боковую дверь)* До моей свадьбы должны быть проверены все счета.

Варвара. Хорошо, хорошо. Ураган! Чистый бурелом! *(Берет счеты, уходит)*

Илья бросается в кресло, закрывает лицо.

Илья. Это вы!.. Да... Ужасно!

Пауза.

Маша. И вспомнила я вас только сейчас! Когда руку обрезала, а вы подскочили. Ну и глаза. Еще страшнее стали, право.

Илья. Зачем вы приехали?

Маша. Ай, ай, ай! Я, вот, в цирке служила, помню, бросила раз в клетку львам зарезанного голубя, свеженького. Так у них потом целую неделю глаза горели.

Илья *(вскакивает)*. Вам здесь нельзя оставаться, уезжайте!

Маша. Куда же мы поедем? Мы проигрались. Мы такие несчастные.

Илья. Я дам денег вашему князю.

Маша. Не возьмет. Он благородный стал от здешнего воздуха.

Илья. Я проиграю в карты две, три тысячи рублей.

Маша. На неделю нехватит. Да и князь собирался прожить здесь до осени...

Илья *(ходит по комнате)*. Тот год в Петербурге навсегда погребен, отрезан, я не хочу вспоминать ни одной минуты прошлого. Вам-то лестно, конечно, припоминать, как одурелый идиот, мальчишка, пялил на вас глаза. Вы смеялись, когда я сорвался с автомобильной подножки, а должно быть, не слыхали, что я кричал вслед. Да да. Вы были очень великолепны в горностаях и перьях. Как я вас ненавидел! О господи! Длинные эти белые ночи без сна, на железной кровати. Какие кошмары лезли в голову. Я неотступно жил в ваших комнатах. Моим воображением были пропитаны все ваши платья. Я про-

бирался за вами во все спальни, душил вас, молил пощады... Ужасно! Умирал у ваших ножек. Я их хорошо помню. Красные каблучки на туфельках. Раскаленными каблучками прямо в мозг... Никто, ни одна женщина не могла погасить моего воображения. Целые дни валялся на кровати и знал — гибну, гибну!.. И каждый вечер снова шел глядеть, как вы, надменная, порочная и все же потрясающая, пели фальшивым голоском все одну и ту же мерзость про какого-то старичка...

Маша *(взволнованно)*. Вы так меня... любили?

Илья *(с резким жестом)*. Тетка увезла меня... Она чуть с ума не сошла от моих писем. Я вылечился. *(Кричит)* Я вас забыл... вы понимаете?!

Пауза.

Маша. Забыть такую любовь?

Илья. Я люблю мою невесту. Раиса чистая, достойная девушка. Мы все радуемся этому браку. Я счастлив, я больше ничего не хочу.

Маша *(усмехается)*.

Илья. Чему вы смеетесь?

Маша. Вижу, что любите очень вашу невесту.

Илья. И вот, с этой минуты ни разу даже не позволю себе подумать ни об одной женщине, кроме Раисы.

Маша. Наплачутся от вас женщины, Илья Ильич. Вот через таких-то и травятся и карьеру свою теряют. *(Подходит к нему)* И руки таким целуют. Каких-каких глупостей не наделает наша сестра.

Илья *(тихо)*. Вы слышали, что я сказал? Я на Раисе женюсь и любить ее буду.

Маша. А меня?

Илья. Марья Семеновна, не шутите.

Маша. Вот видите, чуть было с вами про Анатолия не забыла. А он как меня любит, такой мягкий, нежный муж. А я, как бешеная, мучаю его, все хочу чего-то необыкновенного. *(Показывает на окно)* Посмотрите, идут с вашей Раисой, не наговорятся. А ведь, правда, между ними какое-то сходство. Простите меня, Илья Ильич, и забудемте, что было. Идите-ка, я вас поцелую, родной мой. *(Целует его в лоб)*

Илья *(отскакивает)*. Чорт!

Маша. Вы что? Укололись?

Илья. Все, что я сказал, так и будет. Я так решил! *(Быстро уходит)*

Маша. Я так решил. Какой принц. Довольно глупо.

Осторожно появляется тетка.

Варвара. Ну, что?

Маша. Ничего.

Варвара. Я спрашиваю, — что Илюша? Успокоили вы его?

Маша. Да. Я его успокоила.

Варвара. Голова кругом идет. Накануне свадьбы такой камуфлет. Вас я не виню. Но, моя милая, надо постараться, чтобы Раиса не узнала. Вот откуда не ждали беды!

Маша. Давно он любит ее?

Варвара. Раису? С детства.

Маша. Ну, тогда не страшно.

Варвара. А что такое?

Маша. Иду к себе волосы поправить. *(Уходит)*

Варвара. Какая странная. Характер. Ведьма, настоящая ведьма.

Вбегает Дуняша.

Дуняша. Матушка барыня, пойдите-ка сюда.

Варвара. Что еще такое?

Дуняша *(прикрывая рот, чтобы не засмеяться)*. Человек какой-то пришел с чемоданом. Толстеющий. Вас спрашивают.

Варвара. Что же ты смеешься? Какой еще человек? Где он?

Дуняша. На черном крыльце.

Тетка уходит. Дуняша прибирает стол. Появляются князь и Раиса с решетом крыжовника.

Барышня, к нам барин какой-то пришел пешком.

Раиса. Гость?

Дуняша. Какой там гость. Вихрястый. Пришел на кухню — кваску бы мне, говорит. Пять ковшиков выпил. Сопит. Сил нет. *(Смеется)*

Раиса. Убирайся, пожалуйста.

Дуняша уходит.

Князь. Вот ножницы.

Раиса. Я вас научу. Видите с этой стороны хвостик?

Князь. Изумительно! Хвостик?

Раиса. Ну, да, он так называется.

Князь. Его нужно отрезать и затем крыжовник положить в рот.

Раиса. Да нет же. На тарелку нужно положить для варенья. Вам бы только смеяться надо мной.

Князь. Я не смеюсь.

Раиса. А, по-моему, вы считаете меня глупой.

Князь. Мечтой. Мечтой, которая может сниться в жизни только раз, когда душа угасает, когда безнадежно и хочется отдыха, смерти. Тогда спится нежный и милый сон, точно кто-то протягивает руку, говорит: «Проснись. Светло...» Ну, да все это, конечно, не важно.

Раиса. Вы очень несчастный?

Князь. Я бы сказал, что мне было отпущено не особенно много счастливых дней. Нехватило достаточно уменья и ловкости устроить жизнь. А может быть нехватало человека около меня, друга, девушки. Одно время у меня не было квартиры. Я ночевал в парке или на набережной, на каменной скамье. К счастью, стоял жаркий июль, и я не схватил простуды. Но было грустно. Простите, что я вспомнил об этом.

Раиса. Какое там простите... *(Отвернулась в слезах)*

Князь. Раиса! Конечно, я — счастливчик. В общем — я эгоист. Из-за меня не стоит уронить даже слезинки.

Раиса. Сок в глаза попал.

Князь. Вот за эту минуту я готов спать всю жизнь где-нибудь на барже. Мне больше ничего, ничего не нужно! *(Целует ей руку)*

Раиса. Что вы! Ну, что вы!..

Входит тетка.

Варвара. Объясните мне, что это значит. Говорят, кто-то пришел... Батюшки! Раиса! Анатолий!

Анатолий. Тетушка, мы стрижем хвосты...

Варвара. Раиса, подай-ка мне мой мигрень-штифт. Ничего не понимаю, какие хвосты?

Князь. У крыжовника.

Варвара. Нет, уж ты лучше оставь ее в покое.

Князь. Тетушка! Я готов сию минуту уехать, если только вы подумали что-нибудь нехорошее. Ради бога.

Раиса *(подает мигрень-штифт)*. Тетя Варя, он такой милый! Мы решили друг друга звать брат и сестра. А вечером сговорились поехать на кордон, смотреть закат над Волгой. Можно?

Князь. Это пока маленький секрет. Я бы не хотел брать с собой Мари. Она просто не любит природы.

Маша появляется в парке и слушает незамеченная.

Раиса. Вот странно, как это не любить природы?

Князь Маша — прозаик. Она слишком тяжеловесна. Ей нужны чувства, которыми можно свалить быка...

Маша кивает головой.

Раиса. Ах, ах!

Князь. Мила в обыденной жизни, но слишком самобытна.

Раиса. У нас в епархиальном училище был пруд, полный, полный рыб. Бывало, сидишь у воды и хочется чего-то необыкновенного, такого, такого... *(Приложила руки к щекам)*

Князь. О милая!.. Дитя!

Варвара. Никуда вас не пущу. *(Сморкается трубой)*

Маша подходит.

Маша *(князю)*. Нам поговорить нужно.

Князь. О чем? Мари, пожалуйста, поговорим завтра.

Маша. Нет, я сейчас хочу поговорить.

Князь *(закрыв глаза)*. Слушаю.

Варвара *(сорвалась с кресла)*. Совсем позабыла. Сорочки тебе подвенечные принесли. Пойди, примерь.

Раиса. Какая скука, тетя Варя.

Маша *(князю)*. Ты все-таки меня предал.

Князь *(отпрянув)*. Мари!

Маша. Как мне с тобой теперь поступить, я спрашиваю?

Князь. Что за тон?

Варвара *(толкает Раису)*. Иди же ты. У них серьезное объяснение.

Князь. Ты просто не воспитана. Я и разговаривать не хочу.

Маша. И я не хочу много с тобой говорить. *(Ударяет его по щеке)*

Раиса *(кричит)*. Анатолий!

Варвара. Стыдно!

Князь. Маша! За что? Так больно!.. *(Садится к столу, закрыв лицо)*

Варвара. Как вы посмели? Моего племянника! Князя Бельского! Вы! Вы!

Появляется Абрам Желтухин с гитарой и роняет чемодан.

Желтухин. Здравствуйте.

Маша. Абрам! Абрам! Я не могу больше! Увези меня!

Желтухин. Так это я за этим шестнадцать верст пешком с чемоданом шел. А у вас тут опять мордобой!.. *(Спохватившись, тетушке)* Виноват... Абрам Желтухин... Потомственный дворянин... Друг детства... *(Расшаркивается)*

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Там же. Утро. Большие двери в глубине раскрыты настежь, видна поляна сада с уходящей дорожкой и сельская церковка. В комнате накрытый стол. У стола стоит Желтухин. Из боковой двери высовывается Варвара.

Варвара. Дуня, Дуняша!

Желтухин. Я не стесняю вас?

Варвара. Вы, батюшка, присаживайтесь. Заморите червячка. До обеда еще далеко. Дуняша!

Желтухин. От волнения как-то проголодался и, пожалуй, перекушу.

Входит Дуняша.

Варвара *(Дуняше, подавая сюртук)*. Вот, пойди, передай Илье Ильичу. Да не забудь сказать, что этот сюртук деда Михайлы Михайловича.

Дуняша. Деда Михайлы Михайловича.

Варвара. Подожди. Вот еще булавка в галстук. Эта, скажешь, булавка прабабки Аплечеевой. Иди. К жениху я и заходить боюсь. Вчера весь день пропадал на охоте. Дуняша говорит, вернулся поздно и ночью не

Дуняша, взяв одежду, уходит.

спал. Сейчас заперся наверху и не то бреется, не то так со зла чем-то скрипит. *(В отчаянии)* Они с Анатолием ходили купаться, и я чувствую: что-то между ними произошло.

Желтухин. Вот и опять упали духом, Варвара Ивановна. Ай, ай, ай! *(Прижимает к груди вилку с куриной ножкой)* Клянусь вам, все идет как по маслу. Все трения мною устранены. У супругов мир, а жених с невестой, как всегда перед венцом, чудят немного.

Варвара. Не такой, не такой ждала я свадьбы. Захожу только что к Раисе, — сидит на постели, один чулок натянула, другой ногой болтает и глаза шалые. Мать моя, говорю, бывало, раньше-то и дружки, и сватьи, и крестная, вся большая родня около невесты хлопочет. Каждую вещь и чулок и подвязочку наденут ей с молитвой. А ты сидишь одна, как сова, надулась. *(Взглянув в окно, всплескивает руками)* Смотрите, смотрите, бежит, — фата на боку! *(Кричит)* Раиса, Раиса. Не смей ты бегать по траве! Вот, девчонка, неслух! *(Быстро уходит в сад)*

Желтухин *(опять присев и оглядывая стол)*. Подумайте, чего еще человеку нужно? *(Выпивает и закусывает)*

Входит Маша.

Маша. Абрам, я должна говорить с Ильей Ильичом.

Желтухин. Он бреется, к нему нельзя.

Маша. Пойди, позови его. Скажи — на минутку.

Желтухин. Что ты, что ты, ангел мой! Хоть тресни, а не позову. После венца молодые сейчас же сядут на троечку, запылят и — до свидания. В свадебное путешествие вниз по Волге. Вообще ты успокойся. Скушай поросеночка.

Маша. Да ты кем тут поставлен? Швейцаром тебя, что ли, наняли?

Желтухин. Прежде всего я дворянин и порядоч-

ный человек, и никакого безобразия в этом доме не допущу.

Маша. Я же только минуточку поговорю. Мне нужно, нужно видеть его.

Желтухин. Ей-богу, ты оставь Илью Ильича. Нас и так здесь едва терпят. Слышала, — нынче утром они с Анатолием, говорят, поругались.

Маша. Знаю.

Желтухин. Из-за чего?

Маша. Вот поэтому-то я и хочу с ним говорить. Он не смеет мной распоряжаться. Абрам, весь день вчера я искала его. Зачем он бегает? Боится греха? Разве я лезу к нему? Пристаю? Сейчас увидел меня в окошко, весь так и потемнел. Может быть я ему сказать хочу, что мне до него дела нет.

Желтухин. Ты не пищи и не подпрыгивай. Выпей винца. Илья Ильич мужик и грубиян. На тебя и смотреть не хочет, и очень хорошо.

Маша. Хочет он, хочет глядеть на меня! Не смеешь так говорить! И женится только со зла. Иди, зови.

Желтухин. Нет.

Маша *(ударяя по столу)*. С ума сойду!

Желтухин. Тише. *(Испуганно оглядывается)*

Маша. Деться некуда. Такая тоска, ночь у меня на душе.

Желтухин *(в ужасе)*. Марья! Да ты не влюбилась ли в него? Сохрани, господи!

Маша. Не знаю... Такого со мной еще не бывало. Места себе не нахожу. Ненавижу вас всех. Не бывать этой свадьбе! Я на дорогу лягу.

Желтухин. Глупая, дикая баба.

Входит Варвара.

(Меняя тон) Устрою свиданье, только молчи. *(Громко)* Пойди, выкупайся. *(Толкает Машу к двери)* Поплавай, да подольше.

Маша уходит, он возвращается.

Вот, кстати, вы спрашивали, что такое Касатка? Это ее псевдоним.

Варвара садится и закуривает.

Скажем, если бы я решил пойти на сцену, то моя фами-

лия была бы не Желтухин, а Краснухин или Угар-Валдайский. С вашего позволения съем еще и этого цыпленка.

Варвара. Кушайте на здоровье. Представьте, какое безобразие: на усадьбе все пьянешеньки.

Желтухин. Зато цыпленок у вас — прямо необыкновенный цыпленок. Так и тает, шельмец. В общем, Марья Семеновна добрейшая женщина. А если и дерется иногда, то исключительно из доброты, чтобы словами не терзать. Конечно, и я в первую минуту был ошеломлен. Вхожу и вдруг — бац, бац по щекам. И где же? В дворянском доме, где даже простой мухе так, кажется, и скажешь: прошу вас, не приставайте ко мне, пожалуйста. Но Касатка в данном случае поступила очень тонко: одним ударом Анатолия с облаков — прямо на землю, и все по своим местам.

Варвара. Так-то оно так, а все-таки...

Желтухин. Главное: после венца молодых немедленно посадить в коляску и увезти куда-нибудь подальше.

Варвара. Спасибо вам, батюшка. Я уж и тройку велела заложить. Ужасно у меня предчувствие гадкое.

Желтухин *(горячо)*. Варвара Ивановна, не будь нас здесь, ей-богу, что-нибудь роковое могло случиться с вашим домом. Когда мы собирались сюда, я даже сон видел, будто ваш дом горит.

Варвара. Сохрани бог, какие вы сны видите!

Желтухин. И говорю Анатолию: едем, я фаталист. Мы принесем счастье, хотя сами и погибнем, быть может, да чорт с нами! Виноват.

Варвара. Золотой вы человек, Абрам Алексеевич. Скушайте поросенка.

Желтухин. Не могу больше. Хотя поросеночка, пожалуй, бы съел. А когда-то и у меня была своя деревенька.

Варвара. В какой губернии?

Желтухин. Самарской.

Варвара. Это не около ли Мелекеса?

Желтухин. Так — в сторонке. Мы, Желтухины, выходцы из Литвы. Мой прадед был графом.

Варвара. Скажите...

Входит Илья, держа в руке сюртук.

Илья. Тетя Варя, где бензин?

Варвара. Сейчас, батюшка.

Илья. Сюртук грязен и жмет подмышками.

Варвара. Нет, Илюша, прошу тебя, будь в этом сюртучке. В нем венчались и дедушка и мой отец.

Илья. Хорошо. Скоро все-таки меня поведут в церковь?

Варвара. Сейчас, подожди немного. Присядь. Только есть тебе ничего нельзя. Не волнуйся. Возьми себя в руки.

Илья. Оставь, пожалуйста. Я совершенно спокоен. *(Он садится и чистит бензином сюртук)*

Желтухин. Счастливец. Красавец. Эх, чорт, скинуть бы мне двадцать годков, показал бы я вам, как надо жениться.

Илья. Вы, я вижу, здесь в роли капитана на погибающем корабле.

Желтухин. Как-с? Я не совсем понял?

Варвара *(поспешно)*. Видишь ли, задержка за твоими шаферами. Ах, Илюша, как ты меня огорчил. Не пригласить на свадьбу дядю Григория. Его тетка и моя тетка, обе — Ивашенцевы. От того Ивашенцева, что при Александре Первом на ручном медведе проехался.

Желтухин. Как же, помню, помню.

В глубине появляется Маша с полотенцем. Ее видит один только Илья.

Илья *(вскакивает, кричит)*. Это невыносимо! Я не могу больше ждать!

Варвара. Скоро, скоро, батюшка.

Илья. Я иду наверх, к себе. Когда ударят в колокол — спущусь. *(Внезапно Желтухину)* Скажите, Желтухин, этот ваш князь — порядочный человек?

Маша скрывается.

Варвара. Илья! Анатолий — двоюродный племянник Анны Аполлосовны.

Желтухин. Редкой души человек.

Илья. Это я знаю. А стрелять он умеет?

Желтухин. То есть, как стрелять?

Илья. Из пистолета.

Желтухин. Мух бьет на лету. Не верите?

Илья. Передайте ему, что если он вообще не прохвост, то обязан сдержать свое слово. *(Идет к двери)*

Варвара. Какое слово? Что ты говоришь?

Илья. Пожалуйста, тетя Варя, не репыхайся. Мы разговаривали с твоим Анатолием в купальне, и я выяснил, что он забывает некоторые свои обещания. Вот и все. И вообще, передайте ему, что не жениться до сих пор на Марье Семеновне неопрятно с его стороны. *(Оборачивается в дверях, с бешенством)* Если он сегодня же не перевенчается с Марьей Семеновной, я его убью. *(Уходит)*

Варвара. Как ты смеешь говорить мне таким тоном. *(Но Илья уже ушел, и она приступает к оробевшему Желтухину)* Нет, как это вам понравится?!

Желтухин. Варвара Ивановна... Все к счастью.

Варвара. Акробатка ваша во всем виновата! Она, может быть, несчастная женщина, но я в таком состоянии сейчас, что жалеть ее не могу-с. Есть устои, милостивый государь, которые нельзя шатать!

Желтухин. Нам... дворянам, Варвара Ивановна, конечно, дико...

Вбегает Дуняша.

Дуняша. Воейкина приехала, Анна Аполлосовна. Куда провести?

Варвара. Ну, вот, наконец, посаженная мать приехала. Ты, глупая девка, наверно сюда хотела ее вести. Проси в залу. Подожди, я сама. Убери объедки. *(Спешит к дверям, сталкивается с князем)*

Князь. Тетушка, какой грустный день.

Варвара. Слушай, сударь, ты мне не позорь семейной чести.

Князь. Ma tante!

Варвара. Я тебе приказываю молчать, глаз не поднимать, покуда молодые не уехали. Понял?

Князь. Слушаюсь-с.

Варвара. Потом с тобой поговорим всерьез. *(Ушла)*

Желтухин *(конфиденциально Дуняше)*. Что же, ты не говорила барыне?

Дуняша. Говорила.

Желтухин. Как же ты ей сказала?

Дуняша. Как вы научили, так и сказала.

Желтухин. Повтори-ка.

Дуняша. Сказала: думается, мол, мне, матушка барыня, что приезжие господа нам к счастью.

Желтухин. Так, так, так. Ну, а Варвара Ивановна что на это ответила?

Дуняша. Ничего не ответили. Задумались.

Желтухин. Задумалась? На тебе еще полтинник. Смотри, постоянно ей повторяй.

Дуняша. Ладно. *(Уносит посуду)*

Желтухин. Волосы дыбом становятся.

Князь *(глядя в сад)*. Вот по этой дорожке она пройдет в последний раз. Трава еще не успела просохнуть и замочит подол ее платья и ножки. Ударит колокол, она наклонит голову, наденет кольцо. Через десять лет будет считать себя увядшей. Потом старость. Как все просто.

Желтухин *(дергает его)*. Анатолий.

Князь. Да.

Желтухин *(ревет)*. Женись на Марье, тебе говорю.

Князь. Оставь, Абрам, мне очень трудно сегодня.

Желтухин. Ты хочешь, чтобы тебя пристрелили, как дурака? Женись, ну, хоть через неделю. Дай только всем честное слово, что женишься.

Князь. Это нужно?

Желтухин. То есть, как это нужно? А твое обещание?

Князь. Tiens!

Желтухин *(свирепо)*. Эти твои тьены ты брось. Посторонним людям и то за тебя совестно. Бесчестный лгун!

Князь. Я не могу простить Маше некоторых вещей.

Желтухин. Будто она тебя мало била?

Князь. Ты жалкий человек, Абрам. Над тобой слишком властен желудок. Шумишь, во все вмешиваешься... Ты, оказывается, дурно воспитан!

Желтухин. Я дурно воспитан?

Князь. Во всяком случае не волнуйся. Сегодня мы уезжаем отсюда.

Желтухин. Как?

Князь. Да, все трое.

Желтухин. Куда?

Князь. Не знаю. Куда-нибудь.

Желтухин. В ночлежку?

Князь. Да, я думаю, что нам придется жить некоторое время в ночлежном доме.

Желтухин. Анатолий, что ты мне говоришь!

Князь. Быть здесь свыше моих сил. Еще раз упасть и так разбиться. Мне слишком грустно, Абрам. В гостинице где-нибудь, в номере, будет легче пережить. Хотя стоит ли вообще переживать. Подвести итог самому себе, мужественно признать дефицит и закрыть лавочку.

Желтухин. Хорошо! Конечно! Уехали! Голодаем! В кулак свистим! Так бы мне и сказал. Знаешь, как я к тебе отношусь? Тьфу! Выродок!

В это время ударяет церковный колокол. Князь схватывает Желтухина за плечи.

Князь. Ты слышишь? Дьячок начал читать часы. Это казнь! Абрам, я жалкий, бессильный выродок. Только что встретились мы с Раисой в саду. Я прочел в ее глазах решимость. Да, да. В ту минуту она была готова на все. Она ждала моего слова, знака. А я сказал шутку. Я не мог ей предложить самого себя. Не смею. Что может быть безобразнее? Я презираю себя.

Входит Раиса в подвенечном платье. Она рассеянна, жалко улыбается, подходит к Желтухину.

Раиса. Тетя Варя, уже звонят, пора.

Желтухин *(вздохнув)*. Это я, Желтухин. Вот, право, как это все так...

Князь делает ему знак, он уходит в сад.

Раиса *(князю)*. Я хотела что-то сказать вам... Да... Уже звонят. Батюшка запоздал на сенокосе. Нынче весной мы с тетей Варей несли свечи после двенадцати евангелий. Ночь была звездная, на дорожке хрустел снежок. Я поскользнулась и чуть не упала, а свечи погасли. Илюша много смеялся. *(Вздохнув)* Вы верите в дурные приметы?

Князь. Не знаю, Раиса, должно быть, верю.

Раиса. Вот, Марья Семеновна руку обрезала. Я так и подумала, — что-то случится. Невеселая наша свадь-

ба, правда? Вашей жене здесь, должно быть, очень тоскливо. Вы уезжаете, и мы уедем сегодня. Прощайте, Анатолий. *(Дрогнувшим голосом)* Прощайте.

Князь. Прощайте.

Раиса. Вы куда-нибудь далеко уезжаете?

Князь. Да.

Раиса. Вам не будет опять плохо жить?

Князь. О, нет, напротив.

Раиса. Не понравилось у нас, я так и думала. Здесь такая глушь. Совсем деревенское захолустье. А мне всегда казалось, лучше наших мест не найти. Я родилась вон в том домике, при церкви, а с двенадцати лет, после папиной смерти, живу у тети Вари. Илюша говорит, что сегодня кончилась моя юность. Конец глупым грезам. Правда это? Полкан, собака наша, увидел меня да как завыл. Как нехорошо.

Князь. Раиса...

Раиса *(поспешно)*. Что? Что?

Князь. Давеча в саду я оскорбил вас, Раиса. Дело в том, что я ничтожный и грешный человек.

Раиса. Нет...

Князь. Я выродок. Таких людей не принято пускать в порядочный дом.

Раиса. Не верю вам.

Князь. Я бывал нечист в карты. Я не платил долгов. Обманывал женщин. Ни разу не сделал усилия стать лучше. Все последнее время жил на средства Марьи Семеновны. Я никого не любил... Вот почему я снес эту пощечину. Я заслужил ее. Боже мой!... Раиса!..

Раиса заплакала.

Раиса. Все равно, мне вас жалко.

Князь. Поймите, — этого не может быть. Этого не может быть!

Входит Илья.

Илья. Звонят. Ну, что же — пора итти. А где все?

Раиса. В зале.

Илья. Э, да ты плачешь. Послушайте, князь, вы и тут, кажется, поспели. Нажаловались. Ну и пошляк же вы, ваше сиятельство.

Князь *(тихо)*. Вы раздражены и не правы.

Раиса *(Илье дрожащим голосом).* Если ты сию минуту не попросишь у него прощения, — мы рассоримся.

Илья. Это еще откуда гром загремел? Я должен извиняться? Не узнаю тебя, моя милая.

Раиса. Я тоже тебя не узнаю, Илья.

Илья. Да ты книжек, что ли, каких-нибудь начиталась? Что такое? Откуда?

Раиса. Да, я слишком много читала глупых книг. *(Швыряет со стола несколько томов)* Читай сам, пожалуйста.

Илья. Раиса, ты с ума сошла!..

Раиса *(дрожащим голосом, закрыв глаза).* Я не люблю тебя больше. Ты грубый, тупой, бессердечный, упрямый человек...

Илья. Чепуха!.. *(Вытирает лоб)* Дурацкие бредни. Ты отлично понимаешь, что мы должны... *(Кричит)* Может быть и мне в горле застряла твоя свадьба. Я же молчу. *(Внезапно)* Раиса, ты влюблена? Что? Ну, отвечай... Да?

Раиса молчит, стиснув зубы.

Князь. Оставьте ее.

Илья. Уйди.

Князь. Не мучайте ее.

Илья. Уйди, говорю.

Раиса. Уйди сам, уйди сам.

Князь *(берет его за плечи).* Вы сильный и мужественный. Будьте же честным.

Илья *(освобождается).* Я ведь в самом деле тебя убью...

Раиса. Не смеешь! Боже мой, как глупо!

Появляется Маша. Илья мгновенно утихает и глядит на Касатку

Маша. Звонят. *(Илье)* Что глядите? Я вас не съем.

Илья. Вообще какого чорта!

Маша *(протягивая руку).* Нате.

Илья. Что это?

Маша. Должно быть, вы обронили.

Илья. Я ничего не терял.

Маша. Булавка из галстука. Возьмите. *(Он протягивает руку, она быстро и крепко сжимает ее)*

Илья *(тихо).* Пустите мою руку.

Маша *(тихо)*. Больно?

Илья. Да.

Маша *(тихо, взволнованно)*. Зачем?.. Зачем?..

Илья *(вырывает руку)*. Благодарю вас.

Маша делает жест отчаянья, он платком вытирает кровь на руке и идет к выходу, где появляются Варвара, Анна Аполлосовна и Верочка.

Варвара *(Илье)*. Куда? Нет, не пущу.

Анна. Раиса, здравствуй душа моя. Венчаться надумали? Повенчаем. Дело простое... Анатолий! Сударь мой. Здравствуй. *(Обнимает его)*

Варвара *(Илье)*. Девки с деревни пришли, хотят славить. Как ты думаешь, хватит у нас водки?

Она подходит с Ильей к шкафу и меряет водку в четверти. Вера целуется с Рансой. Маша отходит в глубину за камин.

Анна *(выпустив князя из объятий)*. Не узнал старую тетку Анну Аполлосовну?

Князь. Что вы, тетя Анна! Конечно узнал. Вы мало изменились.

Анна *(хохочет мужским басом)*. Разодолжил! Подарил рублем! Да я, отец мой, совсем старая стала и мясов прибавилось вдвое. *(Хохочет)* На прошлой неделе произошел даже от этого неприятный пассаж: ехали мы с дядей Григорием в его коляске, той, что на круглых рессорах. И вдруг в колдыбашине, помнишь, за поворотом из рощи, есть у меня рытвина, коляску тряхнуло, и обе рессоры пополам. *(Хохочет)* Ну, ведь и дядя Григорий не легок стал. Ты к нему непременно съезди, поклонись. Он тебя любит. Нехорошо, нехорошо родных забывать, племянник. Что же ты мне про себя не рассказываешь? Чай, поди, по министерству пошел? Лицо у тебя какое-то озабоченное.

Князь. Нет, тетя Анна, я не служу.

Анна. Ну, и это тоже хорошо, греха меньше. А то нынче все в дела кинулись. Помещика нашего, Бабыкина, помнишь? Пошел служить и проворовался... Женат?

Князь. Нет, тетушка.

Анна *(взглянув на Касатку)*. Слышала, слышала про твои проказы. У нас в уезде тетку Варвару никто, конечно, всерьез не принимает. У нее всегда кунсткамера в дому. Либо воспитывает кого, либо спасает. Мой совет,

подумай хорошенько, раньше чем жениться на твоей Жульете. А лучше всего совсем не женись.

Князь. Благодарю вас, тетушка, за совет.

Анна. Что же я тебя с Верочкой не познакомлю. Вера.

Вера перестает шептаться с Раисой и подходит.

Вера. Да, мама.

Анна. Познакомься, да поцелуй его: родственник.

Князь. Очень рад увидеть вас, кузина.

Анна *(хлопнув дочь по спине)*. Она у меня, разумеется, «стремится». А я еще по старине: замуж выйдешь, милая моя, тогда и стремись, хоть на луну. *(Отходит к Илье)* Ну, а ты, жених, что нос повесил? Угости-ка меня табаком. Крепкий наверно куришь?

Илья. Крепкий.

Вера *(князю шопотом)*. Раиса мне все рассказала. Какая трагедия. Она только тети Вари боится, иначе бы давно покончила с собой. Но, если вы скажете хоть одно слово, она не пойдет под венец.

Князь. Что вы говорите мне?!...

Вера. Вам надо подойти к Илюше, нанести ему оскорбление перчаткой по лицу и вызвать на дуэль.

Князь. Я вас не понимаю.

Вера. Произойдет страшный скандал, тетя Варя упадет в обморок, у мамы разболится ишиас, и батюшка откажет венчать. А вы тем временем будете стреляться. Господи, сделайте так, пожалуйста.

Князь. Благодарю вас за лестное мнение обо мне, кузина. К сожалению, я лишен права носить рыцарские шпоры.

Вера. Все равно, это будет страшно интересно.

Вбегает Дуняша.

Дуняша. Обедня началась. Батюшка беспременно велел всем итти в церковь.

Варвара. Ну, славу богу!

Дуняша. Барыня, еще барин Желтухин велел вам сказать, что приезжие господа нам к счастью...

Варвара. Ах, оставь, пожалуйста, весь день лезешь ко мне со своими глупостями.

Дуняша. Виновата. *(Уходит)*

Варвара. Ну, дети мои, Раиса, Илюша. Что, бишь, хотела вам сказать в напутствие? Многое что-то сочинила ночью, да голова дырявая стала. Присядемте. Вот

Все присаживаются. Варвара вынимает бумагу.

тут завещание. Я уж вам говорила. Свадебный подарок. Половину имения отказываю Раисе, а другую половину — Илье. А я у вас так буду жить завалящей старушонкой, покуда ноги не протяну... Да, вот еще, вам на дорогу, каждому по триста рублей. *(Дает деньги в конвертах)*

Раиса. Тетя Варя, милая...

Илья. Тетушка... *(Целует ее)*

Варвара. Ну, ну, перестаньте благодарить. Не люблю. *(Указывает в сад)* Вот пойдете вы этой дорожкой, она будто и коротка, а путь по ней дальний. И преград много, а еще больше соблазнов.

Анна. Много, много соблазнов. Хорошо говоришь, Варвара.

Варвара. Но соблазны не страшны. Напротив. Одно только нужно: в чувстве своем быть честным и верным. Любишь, не стыдись, люби во всю мочь, а разлюбил — так и скажи.

Маша *(громко)*. Вот это верно!

Анна. Что? Что такое?

Илья. Идем!

Варвара. Гм... гм... Ну, пойдемте, друзья...

Анна. Раиса, дай-ка мне руку, дитя мое. *(Дочери)* Подальше от этой женщины. Да не забудь оторвать у невесты кусок фаты.

Вера. Очень нужно. Такой брак, фи! *(Уходит)*

Варвара. Илюша, а ты мне дай руку.

Илья. Тетушка, я лучше пойду сам.

Варвара. Тогда, Анатолий, дружок мой, возьми-ка меня... Ноги что-то ослабли. *(Все направляются к выходу)* Марья Семеновна, а вы что же?

Маша. Я не пойду в церковь.

Варвара. Воля ваша.

Анна. Так-то и лучше, без посторонних.

Все уходят. Маша берет гитару, трогает струны. Появляется Желтухин.

Желтухин. А я в церковь иду.

Маша. Иди.

Желтухин. Ладана боишься? Ведьма! Что — сорвала свадьбу? А я после венца перед тетушкой на колени встану... И мне не стыдно. Стану и разревусь. Да-с. Пойди-ка такого выгони на ветер.

Маша. Пошел вон! *(Маша берет несколько аккордов. Затем облокачивается и плачет)*

Желтухин исчезает.

Люблю, люблю, люблю...

Пауза. Появляется Илья, на лице его кривая усмешка.

Маша *(вскрикивает)*. Пришел?!

Илья *(сильно вздрогнув)*. На одну минуту. *(Подходит)* Во всей жизни нашлась только одна минута. Я слишком много молчал... Это ужасно... Чудовищно... Но ведь жжет меня... Касатка, прощай! *(Порывается ее обнять, она резко отстраняется)*

Маша. Я закричу на весь дом.

Илья. Почему?

Маша. Прошла охота.

Илья. Но ты нарочно ждала меня?

Маша. Ждала.

Илья. Знала, что приду?

Маша. Знала.

Илья. Так что же тебе? Эта минута, быть может, больше всей моей жизни.

Маша. А мне теперь дела нет до твоей жизни. Пропади ты с невестами, с тетками... Тоже — сокровище подарил, минутку. Что, я на ней верхом стану скакать? Да мне теперь и всего-то тебя не надо. Много возни с таким.

Илья. Я не уйду.

Маша. Вот и хорошо. Давайте в шашки играть.

Илья. Не мучай меня.

Маша. Очень нравлюсь?

Илья. Тебе нужно, чтобы я оказался подлецом?

Маша. Вот сейчас совсем обижусь. Иди, дружок, венчайся хоть со всей деревней. Чересчур ты ни в чем невиноватый. Пресный.

Илья. Маша, что мне делать?

Маша. Идемте в церковь и на «ты» больше не разговаривать. Скоро я сама стану княгиня. Тогда никто не

посмеет выпрашивать минутку. *(Берет его под-руку)* Погибшее создание, видно? Смириться мне нужно? А я на солнышке отогрелась и вдруг подумала, что и меня можно полюбить на всю жизнь... Целуйте... Все равно.

Илья обхватывает ее и целует.

Бог с вами. Люблю.

Илья. Подожди. Подожди, Маша... *(Глядит ей в лицо)* Милая!.. Маша! *(Внезапно)* Едем!

Маша. Куда?

Илья. Не знаю. Едем! Все равно.

Маша. С ума сошел!

Илья *(торопливым, страстным шопотом)*. Тройка запряжена... в каретнике... я сам приказал... Трехлетки... как ветер...

Маша. Что ты?.. что ты!.. Раиса?

Илья. Плевать! Ничего не бери с собой... только плед... Мы пробежим через вишенник... Сюда идут... скорее!

Маша. Боюсь.

Илья схватывает ее на руки.

Пусти!

Илья. Молчи, молчи!.. *(Несет ее к выходной двери)*

Маша! Илья! Илюша! Любовь моя! Радость!..

Илья с Машей на руках скрывается. Из сада появляется Желтухин.

Желтухин. Илья Ильич, вас ждут. Илья Ильич!.. Маша! Машенька!.. Эй, господа, куда же вы?.. Батюшки светы!.. *(Стучится в дверь)* Марья Семеновна, послушайте, так, право, неудобно.

Прислушивается, и в это время за окном проносится с бешеным топотом и звоном тройка.

Увез! Увез! Держите его! Разбойник! *(С этими словами он бросается к выходу)*

За сценой гул голосов, женский крик, и, когда занавес опускается, слышен набат.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Маленькая пристань на Волге. Горит керосиновый фонарь. В темной воде отражаются звезды. Громко щелкают соловьи на берегу. На мешках спит Касатка. Сбоку выходят Илья и матрос Панкрат, который почесывается. Он бос и без шапки.

Илья. Когда же, наконец, придет пароход, я спрашиваю?

Панкрат. Пароходу скоро надо быть. *(Плюет в воду)* Через три четверти часа.

Илья. Ты эти три четверти часа брось. Говори прямо, на сколько опоздание?

Панкрат. Депеши не было, мы не знаем. *(Уверенно)* Пароход обязательно сидит на мели.

Илья. Ну, а пароход снизу?

Панкрат. Да они в одно время проходят.

Илья. Почему же и его нет до сих пор?

Панкрат. Тоже, чай, на мель залез. Разве здесь мыслимо проехать? Перекаты.

Илья. Что же нам теперь делать?

Панкрат. Светать скоро начнет. Соловей шибко запел. *Это он непременно к дождю. Али так поет, кто его знает.* Беда много соловья в тех кустах.

Илья. Свежо. Ветерок поднялся. *(Пледом прикрывает ноги Маше)*

Она просыпается.

Маша. Илья. Милый...

Илья. Парохода все нет.

Маша. Мне снилось сейчас... Ах, как странно.

Илья. Что снилось тебе?

Маша. Заснула на этих мешках, кажется, так сладко никогда не спала. *(Кладет руки Илье на плечи)* Тихо. Вода плещется... Кто это щелкает?

Илья. Соловьи.

Маша. Ну, да.

Панкрат. Чаю не желаете? Чайник все равно буду кипятить.

Илья. Хорошо. Да. Пойди вскипяти.

Панкрат уходит.

Маша. Илья, такой ночи не было в моей жизни.

Илья. Тебе не сыро?

Маша. Нет. Знаешь, что мне снилось? Будто я лежу в поле, и я — простая, деревенская, какая была давно. В темноте в поле — шаги и никого не видно. А я все-таки знаю, что идешь ты. Вот и весь сон.

Илья. Да, да, пришел к тебе... навсегда.

Маша. Илья, никому тебя не отдам. Но мне что-то грустно... Должно быть, от счастья . Прости меня, Илья, только мне все кажется, что мне не за что такое счастье. *(Вздохнув)* Ночь-то, ночь, хоть бы и не кончалась. Я люблю тебя, знаешь как? Всей душой... кровью люблю...

Илья *(целует ее)*. Люблю всей кровью. *(Целует)* У тебя светятся глаза. Волшебное, дивное лицо.

Маша. Долго ты будешь любить меня?

Илья. Маша!

Маша. По моему расчету два года. Разве я такая, чтобы меня любить всю жизнь?

Панкрат *(входит)*. Чайник вскипел.

Илья. Хорошо, хорошо, мы сейчас придем.

Панкрат. Чай, сахар чей будет, ваш или своего заварить?

Илья. Маша, пойдем лучше на берег.

Маша. Пойдем.

Панкрат. С кормы сходите прямо на песок. А то тут грязища. *(Идет за ними по мосткам до берега)*

Илья *(с досадой.)* Знаем. *(Он и Маша уходят направо)*

Панкрат. Какой сердитый. Тоже не велика птица — соловей...

Появляется Желтухин с гитарой и чемоданом.

Желтухин *(подойдя и опуская вещи)*. Как звать-то?

Панкрат. Панкратом.

Желтухин. Скоро будет пароход?

Панкрат *(сплевывает)*. Через три четверти часа.

Желтухин. Вот, братец ты мой, какие дела. Уезжаю.

Панкрат. Далеко?

Желтухин. За границу.

Панкрат. Не понравилось?

Желтухин. Так как-то... Не душевно. Скучно. Дороги ужасно пыльные. И люди какие-то дикие у вас. Удивительно некультурно. Глушь!

Панкрат. За границей, что говорить, легче.

Желтухин. Не останавливаясь ни в одной из европейских столиц, проеду прямо в Монте-Карло. Видишь чемодан! Мой приятель наиграл его полный денег, триста с чем-то тысяч в одну ночь. А чемодан потом мне подарил. И везде у них асфальтовые дороги, автомобили, кафе на каждом повороте. Сигара стоит три копейки самая лучшая.

Панкрат *(с сомнением)*. Вы кто же — русский?

Желтухин. Русский дворянин. А что, на пароходе имеется четвертый класс?

Панкрат. На товарных бывает четвертый класс.

Желтухин. У меня вот тут поросеночек с собой да баранья ножка. Кабы водочки. А?

Панкрат. Где ее достать? Сами бьемся.

Желтухин *(душевно)*. Я бы выпил, Панкрат.

Панкрат. Ну уж, идемте.

Они идут налево, в это время слышен колокольчик.

Желтухин. Подожди. А вдруг это Варвара Ивановна едет? За мной. Одумалась. Панкрат?

Панкрат. Все может быть.

Колокольчик ближе и голос: «тпрррру».

Желтухин. Необыкновенная женщина, но крута. Я даже руками развел — кремень.

Появляется Варвара.

Варвара *(Желтухину)*. Вы что же это — пешком ушли? Я, кажется, могла дать лошадь.

Желтухин. Ей-богу... Варвара Ивановна...

Варвара. Думаю, что вы тоже это назло мне сделали, для сраму.

Желтухин. И в мыслях не было.

Варвара *(трясет головой)*. Стыдно, очень стыдно. *(Панкрату)* Кто-нибудь еще дожидается здесь парохода, кроме него?

Панкрат. Дожидаются.

Варвара. Кто же? Может быть Илья Ильич?

Панкрат. Он самый.

Варвара *(Желтухину)*. Вот видите, я же говорила, что они здесь... *(Панкрату)* Где Илья Ильич?

Панкрат. На песке.

Варвара. Где же?

Панкрат. Вот, поправее тех кустов, там, надо быть, он и находится.

Варвара. Вон у тех кустов?

Панкрат. Это не кусты, это телеги стоят, а полевее чуть, там кусты.

Варвара *(с волнением и надеждой)*. Один?

Панкрат *(плюнув)*. С женщиной.

Варвара. С женщиной? Ну, хорошо. *(Уходит направо)*

Желтухин. Происшествие вышло у нас в высшей степени неприятное, но надо посмотреть философски, с птичьего полета. Может быть, все это к счастью? А как я сказал ей, Панкрат, это слово... Боже ты мой!.. Вспомнить жутко... Я в купальню спрятался. И, знаешь, сижу там, гляжу на воду, тихо, птички летают, а у меня слезы прямо градом. Опять город, опять номера, бильярды, времяпрепровождение!.. Не те года мои, Панкрат!..

Панкрат. Вам самое подходящее — к ней на хлеба. Спокойно.

Желтухин. Я и по хозяйству могу распорядиться. Но в особенности — огород. Такой, брат, тебе артишок выращу — с капустный кочан. Ей-богу, гораздо больше, чем с капустный кочан. Я, Панкрат, сегодня напьюсь, пожалуй. *(Уходит с Панкратом налево, унося гитару)*

На конторке осторожно появляются Раиса и князь, с маленьким чемоданчиком. Говорят громким шопотом.

Раиса. Уверяю вас, я слышала голоса.

Князь. Никого нет.

Раиса. А вдруг здесь тетя Варя?

Князь. Нет, она бы нас обогнала.

Раиса. Она могла проехать верховой дорогой. Ай! Слышите?

Князь. Да...

Раиса. Очень страшно.

Князь. Раиса... Вам страшно? Вы уже раскаиваетесь? Быть может, вернуться?

Раиса. Вернуться?.. Что вы!.. Они замучили меня! Не хотела венчаться, заставили, теперь я же оказалась виновата.

Князь. Раиса, куда же мы едем все-таки?

Раиса. А я почем знаю?.. Проводите меня до Симбирска... Там у меня дядя, служит в конторе... Поступлю в контору переписчицей... Буду служить до глубокой старости...

Князь. Я предполагал другое...

Раиса. Что вы предполагали? Всю дорогу молчали, покуда мы сюда ехали... Думали о вашей Марье Семеновне... Уходите...

Князь. Нет...

Раиса. Да... да... Прощайте... Не нужно мне никаких проводов. Уеду одна.

Князь. Раиса... Раиса..

Раиса. Вот, вот, вот, именно Раиса... *(Села, заплакала)*

Князь. О чем?

Раиса. Вы такой странный...

Князь. Вы должны понять...

Раиса. В высшей степени обидно... Сама же предложила вам уехать и теперь вижу, что вы едете только из вежливости.

Князь. Нет... Нет... Не из вежливости...

Раиса. Но почему вы молчите все время? Да, нет...

Князь. Раиса... Я не смею вам говорить некоторых слов...

Раиса *(быстро, с надеждой)*. Каких?

Князь. Это кощунство... Я столько раз легко повторял эти слова... Нет, Раиса... Я мучаю, я оскорбляю вас...

Раиса *(поспешно)*. Да, да, ужасно оскорбляете. Ну? *(Глядит ему в рот)*

Пауза.

Князь *(глухим, страшным голосом)*. Я вас... люблю..

Раиса. Ай! *(Шопотом)* Носовой платок!

Князь. Сейчас, сейчас... *(Достает из чемодана)*

Раиса. Это совсем не платок! Пустите, нельзя у меня

рыться в чемодане. *(Достает платок)* Очень скоро вы разочаруетесь во мне, я уж знаю. *(Громко было заплакала)*

Князь наклоняется к ней

Князь. Люблю вас. Люблю вас. Люблю вас... *(Целует)*

Раиса. Еще... Ну...

Князь. Люблю тебя... Люблю тебя... Люблю тебя...

Раиса. Анатолий... Я тоже...

Князь. Я ничего не понимаю...

Раиса. Анатолий... Я тоже...

Панкрат *(появляется)*. Может, вы чай пить станете...

Князь. Послушай, матрос...

Раиса. Панкрат.

Панкрат. Ну?

Князь. Пароход скоро?

Панкрат. Пароход не проходил. Запаздывает.

Раиса. На сколько?

Панкрат. На три четверти часа.

Князь. Хорошо, иди, иди...

Панкрат. Соловьи-то, а? Самая беспокойная птица.

Князь. Благодарю вас.

Панкрат. Шут их возьми, как орут...

Панкрат уходит. Князь близко около Раисы.

Раиса. Ну?

Князь. Нежные девичьи волосы. Милое, милое лицо... Глаза мои, звезды мои...

Раиса. Знаете, Анатолий, только никому не говорите... Я полюбила вас с первого дня, как увидала.

Князь. Снова — жизнь, бесконечная жизнь...

Они целуются. Появляется Илья.

Илья громко кашляет.

Князь *(отскакивает от Раисы, Илье)*. Я готов драться с вами каким хотите оружием!..

Илья внезапно начинает хохотать.

Превосходно! Вы мне неприятны! *(Ударяет его перчаткой)*

Илья *(обхватывает его)*. Да, молодец, молодчина! Маша, Маша!

Появляется Маша.

Князь. Пустите же. *(Освобождается)* Я не позволю шутить над Раисой Глебовной, вы слышите!

Раиса *(Илье)*. Я тебя ненавижу!

Илья. Маша, целовались. *(Смеется)* А мы собрались прощенье у них просить.

Раиса. Не нуждаемся в ваших извинениях. Анатолий, идемте на берег.

Князь. Да, сейчас идем. Марья Семеновна, я хочу только предупредить вас, что считаю себя перед вами в большом долгу и готов исполнить ваши требования, — все, кроме одного.

Маша. Спасибо, Анатолий. Мне ничего не нужно от тебя.

Илья. Ну, довольно. Мы у вас прощенья попросили, вы желаете сердиться, мы уходим.

Князь *(Илье)*. Всегда к вашим услугам.

Илья. Ладно. Разберемся...

В это время Желтухин, незаметно подкравшись, бросается на Илью.

Желтухин. Вот он где! Варвара Ивановна!

Маша. Абрам!

Желтухин. А!.. Удрать хотели!

Илья *(стряхивая его)*. Не цепляйтесь вы за меня.

Желтухин *(кричит)*. Тетя Варя, тетя Варя. Поймал. Держу.

Раиса. Боже мой, здесь тетя Варя...

Илья. Маша, не бойся.

Голос Варвары. Иду, иду.

Молчание, слышны шаги по мосткам, тяжелое дыханье. Появляется Варвара.

Желтухин. Вот они. Здесь. Все четверо. Поймал.

Варвара. Все здесь? Ну, давайте разговаривать. *(Садится)* Спасибо тебе, Илья. Осрамил на весь уезд. Большое будет веселье в уезде. Да уж я-то — старый гриб, на меня можно и наплевать. А вот, что нам с девушкой делать после такого позора? В монастырь — одно

место. Ведь после таких историй на девицах не женятся. Разве что найдется какой-нибудь отпетый человек... А где его я буду искать?

Князь. Тетушка...

Варвара. Помолчи... Ну, Илья. Грустно тебе — вижу. Но после сам поблагодаришь, что во-время тебя остановили от безумия... Отойди от этой женщины.

Князь. Тетушка...

Илья. Тетя Варя, пусть это все зарубят у себя на носу. Маша — моя возлюбленная жена.

Варвара. Что ты говоришь?.. Илюша!..

Илья. Это кажется тебе невероятным и недопустимым. Поэтому мы уезжаем, Маша и я... А когда мы вернемся, я хочу, чтобы все было вероятно и допустимо...

Варвара. Илюша, какая беда!

Илья. По-твоему беда, а по-моему счастье, о каком я не смел мечтать. Кстати, Раиса тоже уезжает — с князем...

Варвара. Раиса?.. Анатолий?.. Да вы шутите надо мной?..

Князь. Тетушка... Я тот самый человек...

Раиса. Тетя Варя...

Варвара. Не подходите ко мне... Своевольники. Бесстыдники. Этого я не переживу, так и знайте...

Два гудка парохода, один за другим.

Панкрат. «Самолет» подошел и «Меркурьевский» — в одно время, аккурат. Пожалуйте в лодку.

Варвара. Прочь, прочь. Делайте, как хотите. Уезжайте с глаз долой. Не хочу вас, не хочу никого. Панкрат, подавай лодку.

Панкрат. Есть.

Раиса. Тетя Варя, мы скоро вернемся...

Князь. Тетя Варя, я человек, рожденный заново... Я полон решимости дать счастье...

Варвара. Убирайтесь вы все...

Илья. Мы тебе напишем с дороги.

Князь, Раиса и Илья идут к трапу, спускаются в лодку. Маша подбегает к Варваре и опускается у ее ног.

Маша. Я буду верной женой. Ни одна женщина не сможет так любить Илюшу. Не успеет он и подумать,

а уж я все исполню. Везде поспею. Не гневайтесь, простите нас, Варвара Ивановна. Я много, много делала дурного, а полюбила в первый раз... Позвольте мне жить с ним, покуда он сам не разлюбит.

Варвара *(глядит в ее лицо)*. Так вы любите его? *(Делает движение, чтобы обнять, и отстраняет)* Нет, не могу сейчас. Уезжайте. Да уж недолго прохлаждайтесь на пароходах. Животы испортите от пароходной пищи...

Илья. Маша!..

Маша уходит.

Желтухин *(перегнувшись через перила)*. Прощайте, счастливой дороги...

Голоса. Прощай, Абрам. Жди нас. Прощай.

Желтухин. Пишите. Пишите. Счастливый путь.

Он машет шляпой. Слышны плеск весел и голоса отъезжающих. Желтухин поворачивается к Варваре.

Каков неожиданный поворот обстоятельств, Варвара Ивановна. Даже недолго и прослезиться. А я решил с товарным пароходом поехать. И удобнее как-то и дешевле. За границу еду.

Варвара. Уехали. В одну минуту все разломали, все перевернули, по-своему устроились. Глупые, глупые, смешные дети... Боже мой, но ведь Раиса даже калош не взяла! Ах, девчонка!

Желтухин. На пароходе сухо, Варвара Ивановна.

Варвара. Что?

Желтухин. Я говорю, вот она молодость-то... *(Разводит руками)* И нам, старикам, одно остается — надеяться, что все будет к счастью. Виноват, Варвара Ивановна, я в том смысле, что самое главное в жизни — это счастливое расположение духа, сердечная дружба и любовь...

Варвара. Любовь. Любовь. Вот уж и светает. И соловьи поют громче.

Желтухин. Не смею вас больше беспокоить. Прощайте, Варвара Ивановна.

Варвара. Прощайте, батюшка. Что я хотела вам сказать?.. Да... Куда ехать-то собрались? За границу? Там, чай, и без вас обойдутся. Оставайтесь уже у меня жить, все равно.

Желтухин. Кто? Я? У вас?.. Жить?..

Варвара. Молодежь будем поджидать. Не поссоримся. *(Идет с мостков на берег. Желтухин за ней)*

Желтухин. Варвара Ивановна, слов у меня нет никаких. Лишился! Кроме того, Варвара Ивановна. давно хотел сказать: у меня большой опыт по саду, огороду и тому подобное... В особенности — откармливать поросят... *(Панкрату)* Тащи мой чемодан в коляску, скорее...

Варвара вздыхает. Издалека прощальные голоса. Щелкают соловьи. Рассвет.

Занавес

1916 г.

НЕЧИСТАЯ СИЛА

Комедия в 4 действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Александр Алексеевич Мардыкин.
Вера, его дочь.
Николай Иванович Шилов, троюродный племянник Мардыкина.
Сергей Сергеевич Рындин, секретарь Мардыкина.
Антонина Павловна Коробова, заводчица.
Петр Мартынович Бабенышев.
Хамов, лакей.
Леонтий, швейцар.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Проходная комната перед кабинетом Мардыкина. У входной двери сидит Леонтий.

В дверь стучат. Леонтий открывает, берет газету, садится.

Леонтий. Газету принесли. *(Опять стучат; встает, открывает)* Вам кого?

Входит Николай.

Николай. Дядюшка дома?

Леонтий. Какой дядюшка?

Николай. Александр Алексеевич Мардыкин дома, я спрашиваю?

Леонтий. Его превосходительство еще газету не читали. Вот когда газету прочтет да выйдет в эту комнату, тогда — дома.

Николай. Поди, передай карточку. Скажи — племянник, Николай Иванович Шилов. Я писал, что приеду, меня ждут. И скажи, пошел, мол, купаться, а придет через полчаса с чемоданом.

Леонтий. Пойду, скажу.

Идет в глубину, дергает за звонок. Николай в это время разворачивает газету, делает на ней пометку карандашом, незаметно для Леонтия, и опять свертывает.

Николай. Ну, что, дядюшка здоров? Верочка здорова?

Леонтий. Его превосходительство и барышня изволят быть в полном порядке.

Николай. Так и скажи — искупаюсь и вернусь. *(Уходит)*

Появляется Хамов.

Хамов. Ты что меня потревожил?

Леонтий. Вот передай самому! *(Дает карточку)*

Хамов. Кто таков приходил?

Леонтий. Говорит, племянник. Так, шустрый какой-то.

Хамов. Ждали такого. Воротится, допусти. Лют что-то нонче сам. Сахарницу расшиб. Барышню напугал.

Леонтий. С чего же это он лют?

Хамов. Надо полагать, дела у него круто пóшли.

Леонтий. Хороши дела — из одного кармана в другой деньги перекладывает. Махинация, а не дела.

Хамов. Ну, это не наше дело, а господское. Я, вот к примеру, с купчихи, с Антонины Павловны, по трешке беру, а барин весь ее капитал в свой карман желает перевалить. У каждого свой механизм.

Леонтий. Я не беру, я за калоши беру, зонтик мокрый подержать — беру.

Хамов. Ладно! Давай газету!

Леонтий. Вот, столичная. Эх, грехи, грехи. Наш-то генерал, как согрешит, из бумаги чорта вырежет и в шкап. Вот и хорошо! Все грехи на виду... Ну, и дела! Быть беде в нашем доме!

Хамов. Каркай, ворона!

Входит из глубины Рындин.

Рындин. Хамов, газету.

Хамов. Сергей Сергеевич, племянник приехал.

Рындин. Какой племянник? Шилов? Провести в антресоли. Сюда не пускать! *(Раскрывает газету)* Ого, ого, го! Леонтий, кто здесь пометил карандашом?

Хамов уходит.

Леонтий. Так принесли. Кто писал, тот и пометил.

Вера *(входит с улицы)*. Леонтий, у папы еще не начался прием?

Леонтий. Да нет никого. Барышня, племянник приехал.

Рындин. Купались, Вера Александровна? Я тоже хотел выкупаться, но проспал. Сон великая вещь, что?

Вера. Сейчас видела Николая. Он бежал по солнечной стороне. Я уверена, что это был Николай Шилов.

Рындин. Вам, я вижу, очень хочется видеть господина Шилова?

Вера. Мне хочется, чтобы меня оставили в покое. *(Идет в двери)*

Рындин. А, кстати, вода очень прохладная?

Вера. Холодная. Не откладывая ни минуты, я хочу поговорить с папой.

Рындин. Могу вам помочь?

Вера *(возвращаясь)*. Рындин, вы в самом деле думаете на мне жениться?

Рындин. Смею ли я?.. Что за вопрос? Откуда этот вопрос?

Вера. Это очень трудно сделать. Вы, кажется, перестали совсем меня стесняться?

Рындин. Вы про вчерашний разговор?

Вера. Да. Про вчерашний разговор обо мне и о каких-то очень странных вещах.

Рындин. Это была шутка. На досуге, в такую жару, разве возможно говорить о чем-нибудь серьезном? Мы с вашим папашей придумали забавную игру. Например: у Антонины Павловны имеется капитал свыше миллиона. У нас всего, скажем, пятьдесят тысяч. Какую нужно применить комбинацию, чтобы миллион оказался у нас, а пятьдесят тысяч у Антонины Павловны? Вот вам математическая задача. Это чисто отвлеченная игра, и больше ничего.

Вера. От ваших разговоров пахнет темными делами. Когда мы жили в Твери, папа играл только в шахматы и в преферанс.

Рындин. Здесь юг, не забывайте. Здесь жизнь идет американским ходом. В самом воздухе пахнет аферами, отсюда особое направление умов.

Вера. Теперь папа стал мрачный и раздражительный. Сегодня швырнул сахарницей в Хамова. В нашем доме завелась нечистоплотность.

Рындин. О, милые рассуждения о чистоте. Я сам в молодости читал Тургенева и плакал: «То время давно, умчалось оно, и я уж не чтец, но скучный делец». Что, скверно? Но здесь, увы, на первом плане иные ценности: уголь, нефть, железо и пшеница. Что поделаешь — нужно делать дело, а потом, если есть склонность, подумать на досуге, чисто это или... Хотя, как бы вы ни нажили миллион, — это всегда чистая работа. Что, цинично? Повторяю, вчерашний разговор только шутка.

Быстро входит Хамов.

Вера. Когда вы разговариваете, так и кажется, прыгнете в глаза как паук. Ужасно.

Хамов. Его превосходительство!

Деловым шагом входит Мардыкин, с портфелем, необыкновенно важен, оглядывается.

Мардыкин. А! Посторонних нет?

Хамов. Никак нет, ваше превосходительство.

Мардыкин *(Хамову)*. Так что же ты, болван, орешь на весь дом! Пшел!

Хамов. Есть! *(Уходит)*

Мардыкин. А где Николай?

Леонтий. Купаться пошел.

Мардыкин. Купаться? То есть, как?

Леонтий. Упрел, говорит, я сильно, схожу на речку. Вернусь, говорит, с вещами. Так и сказал: приду с чемоданом.

Мардыкин. С чемоданом?

Вера. Папа, Николай писал, что хочет у нас остановиться. Ты позволил. Я так ему и ответила.

Мардыкин. Почему ему именно понадобилось приехать ко мне? У меня не постоялый двор.

Вера. Николай будет жить в антресолях. Он мой гость, а не твой. Вообще я с тобой хочу поговорить, отец.

Мардыкин. Уволь, уволь, уволь! Делай, как хочешь. Я в этом доме раб. Я не имею своих желаний! *(Строго)* Сергей Сергеевич, я ждал газету двадцать минут в столовой.

Рындин *(подавая газету)*. На третьей странице внизу статейка, прислана уже помеченная карандашом.

Мардыкин. Доберусь я когда-нибудь до этих пометчиков! Хотел бы я поймать этакого пометчика...

Рындин. В Одессу, Харьков и Екатеринослав телеграммы послал.

Мардыкин. Так.

Рындин. Чтобы продолжали воздерживаться от покупки.

Мардыкин. Пока я не прикажу!

Рындин. Ну да, пока мы не прикажем!

Они оба идут в кабинет.

Вера. Папа, мне нужно с тобой поговорить!

Мардыкин *(закрываясь газетой)*. Как-нибудь выберем минутку.

Вера *(останавливает его перед дверью)*. Сейчас и наедине, папа!

Мардыкин *(глядя в газету)*. Где же тут напечатано? Ага!

Вера. Папа, чем ты занимаешься?

Мардыкин. Я? Леонтий, пошел вон! Это что за вопрос? Я занимаюсь тем, чем мне нужно.

Леонтий уходит.

Вера. Ты занимаешься аферами, да?

Мардыкин. Вера, ты глупа.

Вера. Я так и знала, — этим окончится весь разговор.

Мардыкин. За последнее время ты особенно поглупела!

Вера *(вздохнув)*. Папа, в молодости ты не был болен?

Мардыкин. Так же, как и обыкновенный человек, я студился и хворал.

Вера. Я хочу сказать: нет ли у меня какой-нибудь особенной наследственности?

Мардыкин. Как ты смеешь задавать отцу подобные вопросы? Кто тебя учит гадостям?

Вера. Сама до всего дохожу, папа. Дело в том, что я совершенно безнравственна. Я не понимаю, что плохо и что хорошо. Честное слово.

Мардыкин. Замолчи! Друг мой, ты спрашиваешь про вещи, которые должна была всосать с молоком ма-

тери. Что такое нравственность?.. Гм... запомни раз и навсегда: нравственность есть основа государства. Вот!

Вера. Хорошо, папочка.

Мардыкин. Нравственный человек — значит честный человек. Безнравственный человек то же, что преступник. Ну, мне некогда.

Вера. Папа, подожди минутку. Ты нравственный, да?

Мардыкин. Фу! *(Вытирается платком)* Перестань, скверная девчонка! Как ты разговариваешь с отцом?

Вера. Сейчас замолчу... Самое главное: зачем ты хочешь выдать меня замуж за Рындина?

Мардыкин. Ты видишь, наконец, — я читаю газету! Ты мне не даешь прохода с глупыми вопросами. Здесь деловое учреждение. Иди в свою комнату.

Вера *(поспешно)*. А какие у тебя отношения с Антониной Павловной? По-моему, она в тебя влюблена. А ты?

Мардыкин *(в это время в газете нашел то, что нужно)*. Что такое? Что! Каналья! Рындин, это донос! Кто смел написать? Кто смел подсунуть мне эту газету?

Входит Антонина Павловна.

Антонина. Отец родной! Верочка, миленок, здравствуйте, херувим! *(Мардыкину)* Я к вам прямо как к родному отцу. *(Вере)* Как увижу вашего папашу, бутончик мой, так сердце в коленки и провалится. *(Мардыкину)* Кабы не мой веселый нрав, давно бы глазищи себе наревела. Акции-то мои валятся как с крыши. Сегодня на пятьдесят три копейки упали. Отец, да я через месяц пойду с лотком тарань продавать. Разорви меня на месте, если на мне не спекулируют какие-то мошенники.

Вера. Папа и Рындин понимают эти дела очень хорошо. Они вчера еще говорили...

Мардыкин *(мрачно)*. Вера, иди к себе! *(Еще мрачнее Антонине)* Пожалуйте в кабинет!

Антонина *(Вере)*. С ним потолкуем, чай пить прибегу!

Мардыкин и Антонина уходят в кабинет.

Вера *(Леонтию)*. Леонтий, папа всегда так сердится, когда читает газету? *(Поднимает газету)*

Леонтий. Пишут, пишут, как без ума. Скоро, сказывали мне, совсем писать запретят. Неприятность одна для его превосходительства.

Вера. Леонтий, послушай-ка... *(Читает)* «Для примера беру хотя бы темную историю с акционерным обществом железоделательных заводов в губернском городе Н. В феврале месяце в котельном отделении одного из заводских корпусов произошел взрыв Тотчас в местной газетке, тоже, надо сказать, темного происхождения, появляется заметка о неудовлетворительном будто бы состоянии заводского дела. Затем на заводе начинаются волнения среди рабочих, в то же время акции товарищества усиленно распродаются чьими-то агентами и летят вниз. Нам удалось узнать, что в Н. проживает одно чрезвычайно влиятельное лицо, замешанное во всей этой истории. Надеемся в ближайшее время иметь в руках точные документы...» Леонтий, ты понимаешь, на что здесь намекают?

Леонтий. Дайте-ка, я газету в чулан снесу. Быть беде в нашем доме.

Входит Николай с чемоданом.

Николай. Вот мои вещи. Верочка!

Вера. Николай! Как я рада!

Николай. Выросла! Барышня!

Вера. Леонтий, снеси вещи наверх. Вам приготовлено наверху. Там очень тихо, не слышно, как папа сердится.

Леонтий с чемоданом уходит.

Николай. Верочка, что с вами случилось? Вы дьявольски похорошели.

Вера. Вы кончили институт?

Николай. Кончил политехникум, теперь инженер.

Вера. Служите на заводе?

Николай. Ну, не так-то легко устроиться. Папа умер в прошлом году, вы знаете. Одно время я сидел совсем без денег. Сейчас — недурно. Работаю пока в газете...

Вера *(с ужасом)*. В газете?

Николай. Верочка, вот в чем дело, дядя не должен об этом знать. Это страшный секрет. У него давнишняя ненависть к газетам. Хорошо?

Вера. Конечно, не скажу.

Николай. Гляжу и вспоминаю, как я убежал из училища, пешком продрал двести верст, хотел увидеть вас. Боже, до чего был влюблен!

Вера. Какие глупости!

Николай. Начал было писать стихи, но скверные... Потом решил стать мировым боксером. Вообще, тысячу глупостей. Как давно это было!

Вера. Покажите-ка! *(Трогает его руку)* Настоящее железо! Николай, мы опять будем друзьями?

Николай. Будем друзьями. Вы молодчина. *(Оглядывает)* Только чересчур... ну, как это... *(Щелкает пальцами)*

Вера. Что?

Николай. Ну, хороша!

Вера. Удовольствие от моей дружбы получите очень среднее, должна предупредить. Вам придется познакомиться с испорченной и безнравственной душой. Николай! Не смейтесь!

Николай. Какой чорт, я смеюсь! Вы замечательная.

Вера. Узнаете меня поближе, не будете так говорить. Мы здесь плохо живем.

Николай. Если у вас есть какие-нибудь недостаточки, вы только еще более привлекательны от этого... Верочка, это ваш аромат. Иначе вы были бы не вы, а теоретическая девушка. О вас читали бы лекции и срезывались на экзаменах. Разве я не прав?

Вера. Я рада, что вы приехали, Николай, голубчик. Я совсем здесь одна. Только что был разговор с папой, я поставила ему вопрос ребром, он, как всегда, ответил — дура!

Николай. Что у вас происходит?

Вера. Он хочет выдать меня замуж за Рындина. Папин секретарь. Увидите его — обезьяна. Точно я вещь! По вечерам папа и Рындин разговаривают о таких странных вещах, — у меня мурашки бегают. И все Рындин. Он дерзкий и умный. Он отвратительно смеется — схватится за нос и хохочет. Папу иногда всего так и передернет. И все же Рындин делает с ним все, что хочет. Ах, если бы только избавиться от этого страшного человека!

Николай. Вот как! Значит, это Рындин орудует?

Вера. Ну, да!

Николай. Послушайте, Верочка. Это несколько меняет дело.

Вера *(поднимает газету)*. Вот, почитайте-ка, что пишут. Это про папу, я уверена. Вы не читали?

Николай. Что читать? *(Пауза)* Ну, что я буду читать! Я писал эту заметку.

Вера. Вы? Николай!

Николай. Ну да. Я послан от газеты узнать все подробности дела и найти документы.

Вера. Значит, мы пропали... Папа, действительно...

Николай. Мошенник, да.

Вера. Что вы говорите...

Николай. Дядя очень сильно запутался... Вы что же думаете, мне приятно было ехать? Хотя вру: мне было все равно, потому что я вообще ничего не думал. Мне сейчас неприятно.

Вера. Николай, вы наш враг? Да?

Николай *(раздражаясь)*. Подождите! Дело в том, что Рындин совсем меняет дело. Я страшно рад, что вы мне рассказали про Рындина. Я уверен, что Рындин — все зло. Вы говорите, он хочет на вас жениться? Гм... Вот так чертовщина...

Вера. Николай, вы шутите? Вы смеетесь? Вы приехали к нам как родной. Папа вас ждет и хотя ругает, но любит...

Николай. Так разговаривать не годится. Вы хотите, чтобы я скрыл мошеннические дядины делишки.

Вера. Он же старый! Я уверена, если ему объяснить, что он делает дурно, он раскается. Николай... Правда?

Николай. Я помню дядю. Он чудак и милый человек. Дядюшка в общем всегда был похож на старую бабу с бакенбардами. Когда кругом феноменальное воровство, трудно ему удержаться, чтобы не цапнуть. Нет, я не враг!

Вера. Николай, милый, родной!

Николай. Несомненно! Это Рындин. Он, в конце концов, погубит дядюшку, это несомненно. Но сначала он женится на вас!

Вера. Ого, пусть попробует!

Николай. Верочка! у меня всегда было так: я подробно обдумывал какое-нибудь дело, а поступал наоборот. Скверное качество для инженера! Но, чорт с ним, мы правы! Во-первых, надо найти улику против Рындина, освободить от него дядюшку и вообще от него осво-

бодиться, и затем объяснить дядюшке, что не годится быть мошенником.

Вера. Это нетрудно. Папа даже в чертей верит. В столовой у нас стоит шкаф, битком набитый чертями. Папа их вырезывает из бумаги.

Николай. Какие черти? Подождите, Верочка, вы меня не путайте. Какие черти? Но ведь дядюшка начнет допытываться, для чего я приехал. Я должен за вами волочиться для отвода глаз.

Вера *(деловито)*. Хорошо.

Николай. Гм! *(Пауза)* А вы могли бы меня, как это?.. По-настоящему?..

Вера. Что по-настоящему?

Николай. Ну, это самое...

Вера. Ну, это не так-то просто.

Николай. Почему?

Вера. Что я буду рассказывать! Папа считает меня дурой... Рындин говорит, что нужно быть красивым зверем. Я прочла Достоевского и вижу, что во мне нет надрыва. Я не роковая женщина и не красивый зверь! Нет, я никого не могу полюбить.

Николай. Это не так-то просто, — я знаю... Не тяп да ляп...

Вера. В том-то и дело: не тяп да ляп...

Николай. Верочка, хотите, попробуем? Для опыта?

Вера. Что попробуем?

Николай. А вот... Чтобы как это: и тяп и ляп... А?..

Вера. Николай, если вы смеетесь надо мной — это очень нехорошо... *(Пауза)* Если вами руководит расчет мне очень обидно. *(Пауза)* Конечно, самое главное — избавиться от Рындина... *(Пауза)* Я не понимаю, как же взять и попробовать? Так ничего не выйдет. Какие глупости! С чего же вы хотите начать?

Николай быстро целует ее. В это время отворяется средняя дверь, и выходят Мардыкин, Антонина Павловна и Рындин.

Мардыкин. Вот так штука!

Антонина. Ай!

Николай *(кидается к Мардыкину, обнимает)*. Дядюшка, родной! Все такой же! С бакенбардами!

Мардыкин. Постой, подожди! Что такое? Что это значит?

Николай *(обнимает Антонину)*. Красота моя купеческая! Все цветет!

Антонина. Ай, силач!

Мардыкин *(Вере)*. Ты отчего красная? Что?

Вера. Я так рада! Он такой милый!

Николай. С поезда — в речку... И прямо к вам!

Мардыкин. Милый, милый. Смотри, Вера! *(Николаю)* Покажись-ка ты мне. Все-таки эти поцелуи того... Гм! Красивый парень! А все-таки ты, брат, шалопай!

Николай. Это верно, дядюшка.

Рындин. Позвольте представиться: Рындин.

Николай. Шилов...

Мардыкин *(Николаю)*. Ну, ты и его поцелуй заодно.

Николай. Познакомимся ближе, тогда уж мы друг в друга вцепимся.

Мардыкин. Что же, ты ко мне надолго?

Вера. Конечно, надолго. Очень надолго.

Мардыкин. Не егози!

Николай. У меня, дядюшка, десять тысяч планов.

Мардыкин. Гм... Садись... Сядьте, господа. Почему ты именно приехал устраивать дела ко мне?

Вера. Папа, дело в том, Николай теперь инженер, очень способный, талантливый. Ты посмотри, какие у него мускулы.

Мардыкин. Все-таки, брат, пожалуйста, расскажи мне, какие у тебя ближайшие планы: коммерческие, спекулятивные, или ты намерен служить?

Антонина. Я в прошлом году вот так же инженера наняла. Такой был циник. Бог с ними.

Николай. Когда я подъезжал к городу, меня поразило огромное количество цветов. Целые поля покрыты маками и желтыми подсолнухами. Цветут акации, сирень, какие-то кусточки... И мне показалось, — цветы даже на уличных фонарях. Дядюшка, подумайте, в последний раз я видел Веру еще подростком. Она выросла в удивительную девушку. Простите, но мне хочется сказать вам — спасибо.

Мардыкин. Ах, мальчишка!

Николай. И как ужасно, что этот ваш рай кишит прохвостами. Хорошо бы взять метлу да вымести их всех отсюда.

Мардыкин. Ты, знаешь ли, слишком смел в своих взглядах, друг мой. Ты где учился, в политехникуме? Ну, да. Можешь развивать свои взгляды в другом городе. Но здесь я не потерплю.

Вера. А я вполне во всем согласна с Николаем. Он приехал и сразу увидел у нас множество цветов и скверных людей. Здесь жить нельзя. Я давно это говорю.

Рындин. Я, извиняюсь, враг всяких недомолвок... Господин Ши... Ши... Ши...

Вера. Шилов. Вы слышали это ясно.

Рындин. Приносит нам цветущую ветвь маслины. Весь вид господина Шилова с веткой изображает благодать и прочее. Преклоняюсь. Восхищен. Но я бы хотел, чтобы господин Шилов ответил мне на два вопроса: не понимает ли он слова «кишат прохвостами» в единственном числе, то есть — прохвостом?

Николай. Да, именно, так и понимаю.

Вера. Правда... правда...

Рындин. Ну-с, так-с, хорошо-с.

Мардыкин. Что это за разговор, я спрашиваю

Антонина. Слишком колко, я тоже нахожу.

Рындин. Теперь второе: господин Шилов въезжает в родственный дом, делается, как мы видим, премилым единомышленником Веры Александровны и, конечно, не будет сетовать, если я поспешу к общей радости раскрыть его маленький секрет, известный всем, кто читает газеты, в особенности «Русское Слово».

Мардыкин. Какой секрет?

Рындин. Николай Иванович пишет под псевдонимом.

Мардыкин. Пишет...

Вера. Николай пишет только стихи.

Николай. И театральную хронику.

Мардыкин. Стихи, театральную хронику. То-то. Брось. Подальше от газет. Да, брат, я действительно вижу — ты шалопай. Воображаю, твои десять тысяч проектов. Ну, идем завтракать. *(Проходя)* Леонтий, не принимать.

Антонина *(Вере)*. Одно могу сказать — с троюродным кузеном! Мужчина нечеловеческой красоты!

Вера *(Рындину)*. Вы любите обезьян?

Рындин. Обезьян... Обезьяночек очень люблю... хи... хи...

Все уходят. В двери стук. Леонтий встает.

Леонтий. Кого еще принесло? Не велено! Не принимаем! Шабаш! *(Не пуская)* Ты куда? Ты куда? Ты куда?

Бабенышев *(входит)*. Гони меня, миленький, гони меня в шею.

Леонтий. Скоро вы ему надоедать перестанете?

Бабенышев. Пока совсем не надоем, родной.

Леонтий. Уходите... ей-богу, от греха.

Бабенышев. В какое ты меня пекло гонишь? Старичок я. Эх, Леонтий. Помнишь ли ты, как у меня на подъезде стоял? В ливрее и с булавой.

Леонтий. Сами виноваты в своем убожестве, Петр Мартынович.

Бабенышев. Поди, скажи, чтобы деньги выслал.

Леонтий. Завтракают.

Бабенышев. Аль приехал кто?

Леонтий. Племянник.

Бабенышев. На беду приехал! Несчастье у вас скоро будет! *(Вздыхает)* Дал бы бог поскорее!

Леонтий. Ну-ну! И вам не стыдно?

Бабенышев. Барин твой орел. Меня, такую силу, дунул и свалил! Мои денежки теперь его денежки. У меня, старика, ничего теперь не осталось, кроме воплощенной укоризны.

Леонтий. О чем хлопочете, Петр Мартынович?

Бабенышев. Хочу, миленький, твоего барина в могилу вогнать.

Леонтий. Как же вас, такого бодрого старичка, земля терпит?

Бабенышев. А я его не боюсь! Он меня боится. У меня козырь есть против него, пиковый. Я от Мардыкина до смерти не отвяжусь. А ты, дружок, аккуратно чересчур служишь. Я и тебя в гроб вколочу!

Леонтий. Господи, прости. Неистовый какой.

Звонят колокола в городе.

Бабенышев. Не люблю я колокольного звона. Мои денежки звонят. На мои денежки колокола куплены. *(Закрывает окно)*

Леонтий. На том свете бесы шкуру с вас сдерут да в нее и зазвонят.

Входит Николай.

Николай. Леонтий, принеси мне папирос — в чемодане.

Леонтий уходит. Бабенышев кланяется.

Я приехал сегодня утром. Ну, что? Получили мое письмо?

Бабенышев. Расчету нет, по частям-то я из него больше выколочу. Мне делать-то нечего. Ходишь да кляузничаешь, да вымогаешь. Я без его превосходительства, прямо говорю, жить не могу. Тоскую по его превосходительству.

Николай *(оглядываясь, быстро)*. Сколько хотите за все письма? Последнее слово? Мне все письма нужны, и Мардыкина и Рындина.

Бабенышев *(с волнением подходит к нему)*. Молодой, молодой, как же так спрашивать можно? Да сто тысяч! *(Бьет себя в грудь)* Двести сейчас запрошу, соглашайся!

Николай. Больше нам не о чем говорить. *(Уходит)*

Бабенышев берется за голову, раскачивается.

Бабенышев. Терпи, терпи, Бабенышев, не поддавайся... Все твое будет...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Столовая — гостиная. Стол. Налево дверца. Направо шкаф с надписью: «Дела». В глубине вторая, проходная комната, отделенная аркой; из нее двери: направо к Вере, налево к Мардыкину, прямо — в сад.

Рындин, стоя, с портфелем подмышкой, ест малину у стола. Слева слышен голос Мардыкина.

Голос Мардыкина. Остановись! Остановись! Остановись! Тебе говорят.

Из глубины, пятясь задом, появляется Хамов.

Приказываю тебе остановиться! Хамов!

Мардыкин появляется вслед за Хамовым.

Хамов. Не могу знать, ваше превосходительство! Нечистая сила, ваше превосходительство!

Мардыкин. В Сибирь тебя, мошенника! В арестантские роты! Сгною!

Хамов. Воля ваша! Ничего не могу знать.

Мардыкин. Кто же мне третий день на стол записки подсовывает, я спрашиваю?

Хамов. Нечистая сила, ваше превосходительство.

Мардыкин. Нечистая сила? А как ты смеешь ее допускать ко мне в кабинет?

Хамов. Сама лезет. Если кого за шиворот тащить — я могу, ваше превосходительство. А нечистую силу хрестом нужно, хрестом, ваше превосходительство, окрещивать.

Рындин. Что еще случилось?

Мардыкин *(упал в кресло)*. Третье предупреждение.

Рындин. Чепуха!

Мардыкин. Нет, не чепуха, молодой человек. Вы не смеете говорить — чепуха. Я сам запер вчера ставни, осмотрел двери на кухне и на парадном. Сейчас поднимаю пресс-папье — лежит. *(Показывает записку)* «Остановитесь, пока не поздно! Нам известно все...» Им известно все... Это — или масоны, или... потустороннее вмешательство.

Хамов. Через замок или через ставню оно действует совершенно свободно. Леонтий сказывает, зашебаршит, говорит, в углу, ты ее хрестом. Она и скиснет, как творог.

Мардыкин. Рожа! Пошел вон!

Хамов. Есть! *(Уходит)*

Рындин. Все это мне мало нравится, патрон.

Мардыкин. Я совершенно не озабочен, нравится вам это или не нравится.

Рындин. Ого!

Мардыкин. Я бы попросил обойтись без «ого».

Рындин *(вынимая из портфеля ножницы и бумагу)*. Я купил, как вы просили, новые ножницы и бумагу. Она

немного тоньше прежней. Затем, вот курс сегодняшней биржи, нужно начать покупку. Бумаги упали достаточно.

Мардыкин *(швыряет ножницы и бумагу).* Вы проявляете необычайную заботливость, расторопный и предупредительный молодой человек.

Рындин. Я не понимаю вашего настроения, ваше превосходительство.

Мардыкин. Я получил третье и последнее предупреждение. Я больше не хочу рисковать. *(Указывая на шкаф)* Он полон. Мне 55 лет. Я не желаю больше вырезывать бумажных чертей. Довольно. Вырезывайте сами! Слишком много грехов. Господи, прости меня!

Рындин. С каких пор вы стали трусом? Каяться захотелось? Или опять сон приснился?

Мардыкин. Да, я видел страшный и вещий сон.

Рындин. Чепуха! Нам не грозит никакой опасности. Все делается через вторых лиц. Я только что был у юрисконсульта и приказал возбудить дело против автора газетной клеветы.

Мардыкин. И вы еще хотите судиться? Совесть, я спрашиваю, совесть есть у вас, Сергей Сергеевич?

Рындин. Откройте форточку, патрон! Совесть — это просто плохое пищеварение. Дайте папиросу. Дело должно быть доведено до конца.

Мардыкин. Вы говорите как человек, не верящий в спасение души. Бывают разные дела, Сергей Сергеевич.

Рындин. Дела всегда пахнут порохом. Если вы стащили полтинник, — вы просто жулик. Если миллионы Антонины Павловны перейдут на ваш текущий счет, — вы король.

Мардыкин. Вы меня толкаете в пропасть. Оставьте меня в покое сегодня.

Рындин. Толкую вам третий день: акции пали до семидесяти трех. Я хотел, чтобы они понизились еще. Но по вашему настроению вижу, нужно скупать немедленно, завтра же. Согласны?

Мардыкин. Третье предупреждение. Кто мог его написать? Это не рука человека, нет!

Рындин. Я подозреваю, кто этим занимается.

Мардыкин. Кто?

Рындин. Вы узнаете об этом сегодня.

Мардыкин. А я повторяю, что сегодня видел вещий сон. Я видел, как из умывальника потекла сама собой вода, потекла и превратилась в облако, и вдруг оттуда раздался голос: «Мардыкин, остановись!» Я был настолько испуган, что тотчас встал с постели и принял решение...

Рындин. Остепениться, раскаяться, сжечь пуд лампадного масла...

Мардыкин *(показывая на шкаф)*. Знаете ли вы, что здесь не менее ста двадцати грехов, больших, средних и малых?

Рындин. Что вы еще решили?

Мардыкин. Я бы жил на покое, окруженный любящими детьми и многочисленными внуками. Ах, как приятна честная жизнь, этого вам не понять! Встанешь утром, благодушно попьешь кофею, похлопаешь одного карапуза по щеке, а другого ущипнешь за животик. Все говорят только одно приятное, по углам лампадки подмигивают, и главное — ты ни в чем не виноват.

Рындин. А не говорил ли вам голос из умывальника, как вы намерены поступить со мной?

Мардыкин. Я бы дал вам ход, Сергей Сергеевич. Вы бы далеко пошли как государственный человек.

Рындин. Так. Вы окончательно решили стать честным человеком?

Мардыкин *(осторожно)*. А кто же может не хотеть такой милой вещи?

Рындин. Вам очень опасно ставить меня в безвыходное положение.

Мардыкин *(мрачно)*. Чего же вы хотите от меня?

Рындин. Что? *(Пауза)* Оставим. *(Пауза)* Хорошие папиросы. *(Пауза)* Кстати, вы знаете что мы истратили на взрыв котла, на беспорядки, на провокаторов, на статьи и прочее около тридцати тысяч.

Мардыкин *(подскакивая)*. Сколько?

Рындин. Одни беспорядки на заводе стоили нам двенадцать тысяч.

Мардыкин. Быть этого не может!

Рындин. Третьего дня вы находили эту цифру вполне естественной. Хотя, конечно, если человек решил вернуться на путь добродетели, тридцать тысяч — пустяки.

Мардыкин. Рындин, я столь великий грешник! Ах, еще один грех не прибавит мне в сущности ничего. Но зато он будет последним, вы слышите? Попробуйте возразить! Вы не смеете улыбаться. Я требую к себе уважения, наконец! Идите и посылайте телеграммы, и чтобы больше я ничего не знал.

Рындин *(роется в портфеле)*. Сейчас должна заехать Антонина Павловна. Вы обещайте ей все, что угодно, но помните, беспорядки на заводе должны продолжаться еще не менее недели. Эти проклятые акции нужно тащить вниз обеими руками. Они в один день могут вскочить бог знает насколько. *(Пауза)* Послушайте, где список наших агентов?

Мардыкин. Какой список?

Рындин. Список наших агентов. Я передал вам его третьего дня.

Мардыкин. Список? Я тогда же положил список на стол.

Рындин. Чорт! Но ведь он написан вашей и моей рукой. Что угодно, только не это! Вы понимаете?

Мардыкин. Список пропал... Газетный донос... *Мой сон... Три предупреждения... нет, нет!*

Рындин *(звонит)*. Я сегодня обыскал весь стол. Если список украден, нам грозит далекое путешествие.

Мардыкин. Путешествие... Я запрещаю употреблять при мне это слово. *(Жалобно)* Ведь я же добрый. Не я виноват, слабость моя виновата. Помоги мне, господи, пронеси, господи!

Входит Хамов.

Хамов. Антонина Павловна пришли. Допустить?

Рындин. Где барышня и Николай Иванович?

Хамов. Купаться пошли.

Рындин. От тебя, мерзавец, вином пахнет.

Хамов. Никак нет. Это природный дух.

Мардыкин. Хамов, Хамов, не пей! Рано тебе еще радоваться.

Рындин. Проси купчиху. Да будь здесь все время за дверью. *(Мардыкину)* Примите приличный вид.

Хамов уходит.

Мардыкин *(со вздохом)*. Сейчас приму.

Рындин. Ничего пока не случилось. Если список пропал, я его найду. Расправьте бакенбарды, вы похожи на бабу.

Мардыкин. Сейчас расправлю. Не кричите громко на меня.

Рындин уходит. Мардыкин принимает начальнический вид. Входит Антонина.

Антонина. Вас тут не сразу и добьешься. Драгомана поставили, рычит как лев на меня.

Мардыкин. Чем могу служить?

Антонина. Да ведь это я, Александр Алексеевич. Чтой-то вы, родной, как статуй стоите? Или болит чего? Отец, ушей-то поблизости нету? Благодарить приехала, сахар.

Мардыкин. Я вам не сахар.

Антонина. Вот тебе на! А я-то по всему городу раззвонила, что вы на мне жениться хотите.

Мардыкин. Не понимаю вашего слишком игривого тона.

Антонина. Такой характер. Реву, реву, высморкаюсь, и опять смешно. Ох, и горя я натерпелась! Ведь я вас, так по-женски говорю, каждую ночь во сне вижу. И в пристойном виде и в непристойном. Вы не смотрите, что я все смеюсь. Мне доктор сказал: вы, говорит, Антонина Павловна, истеричка.

Мардыкин. К чему это, сударыня?

Антонина. Ах, женская доля! Я ведь так больше по пустякам забежала, от пылкого сердца, с горячей радости. Фабричные-то мои все до одного на работу стали. Завод и задымил нынче с утра и зашумел. Душа радуется. А сейчас телеграммку принесли... Акции-то мои на полтора целковых в один день поднялись. И то сказать — дело старое, верное. Диву я далась, как дым сегодня из окошка увидала. Ну, и спасибо вам, Александр Алексеевич, в землю. Милый, сахарный... Да что это, отец, рот как безобразно разеваете?

Мардыкин *(От волнения разевает рот, едва произносит)*. Я... я... я... я...

Антонина. Рыбу ел? Кость, что ли, завязла? *(Колотит его по спине)*

Мардыкин. Да, выскочила. Ух!

Входит Рындин.

Рындин. Извиняюсь. *(Мардыкину)* Списка нигде нет.

Мардыкин. Господин Рындин, работы на заводе начались.

Рындин. Ого!

Антонина. С утра все стали. И то сказать, вчера не вытерпела я, думаю, ну, что народ: все семейные, голодные, пьющие все, пьяненькие. Отдала распоряжение прибавить и поденным и сделочным.

Рындин. Вы сами так догадались?

Антонина. Боже сохрани! Своей выгоды нипочем не пойму. У нас в роду жадные и глупые. А вчера зашли ко мне Верочка и Николай Иванович чай пить. Часа два уговаривали прибавку сделать. Слава тебе, господи, уговорили.

Рындин. Так.

Антонина. Вот бы вас, Сергей Сергеевич, послушалась, сидела бы теперь, как кошка в мусоре. А вечером в заводскую слободу приходил, говорят, мужчина какой-то, созвал сходку и на ней постановил кончить забастовку.

Рындин. Вот как.

Хамов вносит самовар.

Мардыкин *(внезапно Антонине)*. Сколько вам лет?

Антонина. За двадцать. Прямо говорю, за двадцать, Александр Алексеевич, никак не меньше. Ах, мужчинам бы только года считать. А бывают молодые, да рыхлые! *(Идет к двери)*

Мардыкин. Куда? Чаю!

Антонина. Вернусь, сударь, через минуту прилечу! Мало ли у женщин какие секреты.

Мардыкин. О господи, соломинку протянул в такой час! *(Рындину, строго)* Это святая женщина. Она меня спасет...

Рындин *(кусая ноготь)*. Чорт вас не спасет теперь. Дай бог вернуть свои деньги.

Из сада показываются Вера и Николай.

Рындин. Идите-ка... *(Увлекает Мардыкина в глубину за пианино)* Я вам сейчас покажу нечистую силу.

Мардыкин. Рындин, Рындин, мы подлецы!

Рындин. Тише.

Вера и Николай подходят к столу.

Николай. Самовар! Чудесно!

Вера. Мы будем ждать Антонину Павловну. Она поехала переодеваться. Когда она влюблена, то переодевается по десяти раз на дню. У нее роман с папой, я уверена. *(Наливает чай)* Я вам положу четыре куска. Хорошо? *(Звонит)*

Николай. Крепче самого крепкого.

Вера. Мне нравится вас кормить, Николай. Возьмите этих булочек, они еще горячие. Никто не идет, подумайте! Вы едите как людоед. Намажьте меду на масло.

В левой двери гостиной показывается было Хамов, но Рындин грозит ему, приказывая остаться за дверью.

Николай. Любопытно бы мне взглянуть на дядюшку. Воображаю, в каком порядке его бакенбарды.

Мардыкин поднимает голову.

Рындин. Тише!

Вера. Нехорошо так говорить, ешьте!

Николай. Эти булочки напоминают мне детство и вас.

Вера. Вкусно?

Николай. Еще бы не вкусно! Чтобы хорошо грести, Верочка, нужно тренироваться каждый день. У вас отличные данные...

Вера. Правда? А смотрите — мозоли...

Николай. Через неделю пройдут. Давайте сюда малину со сливками. Знаете, отчего они не идут пить чай? Дядюшка нашел записку. На этот раз нечистая сила засунула ее под пресс-папье.

Вера смеется.

Мардыкин *(быстро)*. Вы слышали?

Рындин. Тише.

Вера. Папа очень суеверный, особенно за последнее время. Он ни в ком не уверен и всего боится. Все-таки жаль его! правда?

Николай. Мне, как представителю адской силы, жалеть не полагается. Нам, чертям, за это отпиливают рога и хвост.

Вера смеется.

Мардыкин. Боюсь, Сергей Сергеевич.

Рындин. Тише.

Вера. Николай, вы милый.

Николай. Если будете хвалить и в особенности так смотреть на меня, ничего у нас не выйдет.

Вера. Николай, да вы, оказывается, — рыжий, взгляните-ка...

Николай *(глядит на себя в самовар)*. В самом деле, рыжий, — вот так чорт... Верочка... Вчера на сходке меня хотели сначала бить. Подошел один, черный как цыган, и принялся меня трясти. «Бей, — говорит, — его, он подосланный». Насилу отругался...

Вера. Я очень струсила, когда вы пошли в слободку. И все Рындин. Как бы мы жили без него хорошо! Он вошел в дом точно злая сила.

Николай. Прохвост и негодяй высшей марки.

Мардыкин. Ого!

Рындин. Тише, тише!

Николай. Список их агентов и прочих биржевых мошенников написан дядиной и его рукой. Замечательный документ! Полетели бы они кувырком, если бы...

Вера. Николай!

Николай. Ну что, Николай! Стараюсь. А самого главного нет — письма Рындина, записки какой-нибудь, писанной им одним. Ловкая шельма! Я перешарил все ящики в столе, — ни одной его строчки. А дядюшкиных сколько угодно. Верочка, ваш отец — простофиля.

Мардыкин. Гм. *(Роняет стул)*

Рындин. Скорее, скорее же...

Он увлекает Мардыкина в дверь налево. Николай встает и выходит в гостиную.

Николай. Кто там? Странно, я слышал шопот и шаги.

Вера. Быть может, кошка.

Николай *(поднимая ножницы с полу и бумагу)*. А это что?

Вера. Это был папа. Он приходил вырезывать чертей. Николай, он все слышал.

Николай. Скверно. Хотя, если слышал, тем лучше. А зачем ему понадобилось вырезывать чертей?

Вера. Вот, читайте, что на шкафу написано.

Николай. Дела.

Вера. Дела? *(Раскрывает шкаф)* Ну что, дела?

Николай. Фигурки.

Вера. Черти из бумаги.

Николай. Черти и есть. С хвостами и рогами.

Вера. Это папины грехи. Я вам рассказывала. Поменьше — маленькие грехи! Побольше — большие. А вот, какой огромный!

Николай. На нем что-то написано. *(Читает)* «Сей грех мой величайший. Господи, ты не дал ему вкусить счастья от этой жизни, дай же вкусить за гробом твою благодать. Петру Мартыновичу Бабенышеву, многострадальцу».

Вера. Я боюсь Петра Мартыновича. Он ходит к нам почти каждый день, только чтобы посмотреть на папу. Он еще недавно был богатейшим купцом в городе. И вдруг разорился. По-моему, он помешанный. Папа весь трясется, когда его видит.

Николай. Что же дядюшка делает с фигурками?

Вера. По вечерам читает житие святых, молится, стонет и дергает себя за бакенбарды. Иногда у него слезы льются ручьем. Потом открывает шкаф, выбирает маленькую фигурку, рвет ее на части и бросает в корзину. Одно время у него висел вот такой. Папа пошел на богомолье, после этого великан исчез.

Николай *(задумчиво)*. Повторите-ка еще: «великан».

Вера. Великан.

Николай. Скажите: «приятно».

Вера. Приятно. *(С удивлением)* Что такое?

Николай *(негромко)*. Удивительно! Сверхъестественно! Невероятно!

Вера. Что это так вдруг? Что с вами?

Николай. Некоторые слова вы говорите совсем особенно. Мы с вами катались на лодке, играли в теннис, шлялись при луне. Сегодня бросил вам в окошко букет. Вы что-нибудь чувствуете?

Вера *(смутясь)*. Не знаю.

Николай. Ну, а мне эти старые приемы не помогают.

Они возвращаются к чайному столу.

Вчера я всю ночь читал Шекспира, сегодня, до вашего

вставания, Фета, Пушкина и Лермонтова. Верочка, я пришел к ужасному заключению. Литература — чепуха! В ней нет ни одного верного рецепта.

Вера. Какого рецепта?

Николай. Как полюбить.

Вера *(тихо)*. Вы плохо читали, Николай!

Николай. Говоря математическим языком, — они все уже начинают с аксиомы... Так-то очень легко. Ну, полюбил, а уж там, конечно, все идет по маслу. А вот, как полюбить? Вы и я — один плюс один равно двум. Сколько бы мы ни читали стихов, ни шатались при луне, — все равно, мы равны двум. А должно так случиться, что не два, а два с какой-то бесконечной дробью, еще что-то — непонятное, несоизмеримое, какая-то совершенная чепуха! Понятно?

Вера. Нет, не совсем понятно... В математике я слаба.

Николай. А вот: вы, например, говорите слово «приятно» или «великан», и у меня начинает кружиться голова.

Вера. Николай, это правда?

Николай *(внезапно)*. Я сейчас на голову встану!

Вера. Какие глупости говорит, уши вянут.

Николай. И еще, когда вы меня булочками кормите, в этом тоже что-то иррациональное.

Вера. Нет, так нехорошо смеяться. *(Встает и отходит к окну)*

Николай. Вера, Верочка!

Вера *(вынимает платок)*. Я ни капельки даже не плачу.

Появляется Антонина, разодетая и в перьях.

Антонина. Ну, вот и я, пришла чай пить. А сокол-то наш где? Цыпленок, глаза-то в воде плавают.

Вера. Я перекупалась. Голова разболелась. Хотите чаю?

Антонина. Перекупалась? *(Николаю)* И вы тоже, сударь, перекупались? Ох, повести бы мне Мардыкина искупать его тем же манером. *(Вздыхает)* Ох, и лютая это вещь любовь, дети!

Появляется Мардыкин, мрачнее тучи. Николай и Вера едва удерживаются от смеха.

Николай. Что такое любовь, мы не понимаем, Антонина Павловна.

Антонина. Да ее и понимать нечего. Она сама себя понимает.

Вера. Папа идет, а самовар остыл.

Мардыкин *(подойдя к столу, мрачно)*. Малину ели? Чай пили? Нечему улыбаться! Ничего смешного не нахожу! *(Молчание)* Николай, мне нужно с тобой поговорить.

Николай. Пожалуйста.

Мардыкин. Я и без пожалуйста поговорю.

Вера *(Антонине)*. Пойдемте в сад.

Антонина. Как ворон сердитый сам-то.

Вера. Николай.

Николай. Что?

Она делает ему знак в дверях и уходит с Антониной в сад. Мардыкин и Николай ходят по гостиной.

Мардыкин. Писатель...

Николай. Дядюшка...

Мардыкин. Молчать! Вообще ты понимаешь, с кем говоришь?

Николай. Дядюшка...

Мардыкин. Тебе говорю, молчать! Запрещу! Пресеку! Я тебя приостановлю!

Николай. Дядюшка...

Мардыкин. Ты — опасный элемент! Ты — социал-демократ! Бунтовщик, анархист! Ты возбуждаешь одну часть населения против другой! Ты — грязный журналист! Вообще, ты чорт знает что! Врываешься в дом, похищаешь документы. Ты водишься с нечистой силой... Ты — франкмасон! На каторгу, в Сибирь! *(Стоит против него, трясет бакенбардами)*

Николай. Дядюшка, говорите без обиняков, что вам от меня нужно?

Мардыкин. Список. И затем я принужден подвергнуть тебя домашнему аресту.

Николай. Чепуха! Списка не дам, под арест не сяду.

Мардыкин. Что? Как?

Николай. Ваше дело проиграно, дядюшка. Скажите спасибо, что я еще не отослал в газету статью насчет

вставания, Фета, Пушкина и Лермонтова. Верочка, я пришел к ужасному заключению. Литература — чепуха! В ней нет ни одного верного рецепта.

Вера. Какого рецепта?

Николай. Как полюбить.

Вера *(тихо)*. Вы плохо читали, Николай!

Николай. Говоря математическим языком, — они все уже начинают с аксиомы... Так-то очень легко. Ну, полюбил, а уж там, конечно, все идет по маслу. А вот, как полюбить? Вы и я — один плюс один равно двум. Сколько бы мы ни читали стихов, ни шатались при луне, — все равно, мы равны двум. А должно так случиться, что не два, а два с какой-то бесконечной дробью, еще что-то — непонятное, несоизмеримое, какая-то совершенная чепуха! Понятно?

Вера. Нет, не совсем понятно... В математике я слаба.

Николай. А вот: вы, например, говорите слово «приятно» или «великан», и у меня начинает кружиться голова.

Вера. Николай, это правда?

Николай *(внезапно)*. Я сейчас на голову встану!

Вера. Какие глупости говорит, уши вянут.

Николай. И еще, когда вы меня булочками кормите, в этом тоже что-то иррациональное.

Вера. Нет, так нехорошо смеяться. *(Встает и отходит к окну)*

Николай. Вера, Верочка!

Вера *(вынимает платок)*. Я ни капельки даже не плачу.

Появляется Антонина, разодетая и в перьях.

Антонина. Ну, вот и я, пришла чай пить. А сокол-то наш где? Цыпленок, глаза-то в воде плавают.

Вера. Я перекупалась. Голова разболелась. Хотите чаю?

Антонина. Перекупалась? *(Николаю)* И вы тоже, сударь, перекупались? Ох, повести бы мне Мардыкина искупать его тем же манером. *(Вздыхает)* Ох, и лютая это вещь любовь, дети!

Появляется Мардыкин, мрачнее тучи. Николай и Вера едва удерживаются от смеха.

Николай. Что такое любовь, мы не понимаем, Антонина Павловна.

Антонина. Да ее и понимать нечего. Она сама себя понимает.

Вера. Папа идет, а самовар остыл.

Мардыкин *(подойдя к столу, мрачно)*. Малину ели? Чай пили? Нечему улыбаться! Ничего смешного не нахожу! *(Молчание)* Николай, мне нужно с тобой поговорить.

Николай. Пожалуйста.

Мардыкин. Я и без пожалуйста поговорю.

Вера *(Антонине)*. Пойдемте в сад.

Антонина. Как ворон сердитый сам-то.

Вера. Николай.

Николай. Что?

Она делает ему знак в дверях и уходит с Антониной в сад. Мардыкин и Николай ходят по гостиной.

Мардыкин. Писатель...

Николай. Дядюшка...

Мардыкин. Молчать! Вообще ты понимаешь, с кем говоришь?

Николай. Дядюшка...

Мардыкин. Тебе говорю, молчать! Запрещу! Пресеку! Я тебя приостановлю!

Николай. Дядюшка...

Мардыкин. Ты — опасный элемент! Ты — социал-демократ! Бунтовщик, анархист! Ты возбуждаешь одну часть населения против другой! Ты — грязный журналист! Вообще, ты чорт знает что! Врываешься в дом, похищаешь документы. Ты водишься с нечистой силой... Ты — франкмасон! На каторгу, в Сибирь! *(Стоит против него, трясет бакенбардами)*

Николай. Дядюшка, говорите без обиняков, что вам от меня нужно?

Мардыкин. Список. И затем я принужден подвергнуть тебя домашнему аресту.

Николай. Чепуха! Списка не дам, под арест не сяду.

Мардыкин. Что? Как?

Николай. Ваше дело проиграно, дядюшка. Скажите спасибо, что я еще не отослал в газету статью насчет

мошеннической операции с забастовочкой на заводе Антонины Павловны. Поняли?

Пауза.

Мардыкин. Сколько отступного?

Николай. Нисколько!

Мардыкин. Воспоминания детства, родственные связи... Не признаешь?

Николай. Дядюшка, давайте начистоту. Вы попросту попались. Все ваши махинации лопнули как пузырь. Но я хочу верить, что вы по натуре честный человек.

Мардыкин. Гм!..

Они доходят до левой двери, за которой спрятаны Рындин и Хамов, и останавливаются.

Николай. Вы честный, порядочный и добрый человек.

Мардыкин. Да, ты прав, отчасти.

Николай. Вас погубили три вещи, три причины. Но их никогда не поздно устранить.

Мардыкин *(мрачно)*. Какая третья причина?

Николай. Феноменальный мошенник Рындин, ваш враг.

Рындин *(появляется за спиной Николая)*. Повторите, что вы сказали?

Николай. Я сказал: негодяй!

Рындин. Руки прочь!

Мардыкин. Убийство! Перестать!

Николай схватывает Рындина за руку, появляется Хамов, обхватывает Николая, и все трое — Рындин, Хамов и Николай — исчезают за дверью.

Мардыкин *(стоит перед дверью, в ужасе топает ногами)*. Перестать!.. Арестовать!.. Схватить! Молчать!.. Рындин!.. Сергей Сергеевич!.. Николай!.. Коля!.. Я запрещаю!.. Николай... Николай Иванович!..

Дверь несколько раз приоткрывается и опять закрывается.

Дверь приоткрывается.

Входит Рындин.

Рындин!

Рындин. Вот список! Нельзя терять ни минуты! Сегодня еду в Екатеринослав с курьерским. С дороги телеграфирую в Одессу, Харьков и Киев.

Мардыкин. Что вы сделали с ним?

Рындин. Связали. Во что бы то ни стало, добейтесь от купчихи, чтобы она отказала в прибавке рабочим. *(Тащит его за рукав)*

Мардыкин. Куда вы меня тащите?

Рындин. Идите же, черт возьми, за мной!..

Входит Хамов.

Хамов. Убег...

Рындин. Что?

Мардыкин. Кто?

Хамов. Да молодой барин. Племянник. Связал я его, посадил на стул. Сам глаз не свожу. Ей-богу, ваше превосходительство. Вдруг, он как рванет веревки и в окошко. Я за ним, да разве догонишь. Ему нечистый помогает.

Рындин. Ах! Пьяная рожа! *(Подымает кулак)*

Мардыкин. Мы погибли!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Там же. Вечер. Зажжены лампы.
Хамов убирает со стола. Леонтий стоит у дверп.

Хамов. Сергей Сергеевич как развернется, да как треснет меня в переносицу. Господи, думаю, за что? Кабы я Николая Ивановича сам в окошко толкал. И пьянто я не был, разве малость. Сама барышня поднесла. Во всю жизнь рукой никто меня не тронул.

Леонтий. Что ты?

Хамов. Вот только во флоте у нас вахтер Сусов был. Тот шибко дрался. Раз мы тропик переплывали, — он мне вот эту косточку разбил... Да еще в Индии, помню, в Калькутте, жители меня побили. Ну, они народ тощий. А вот, Леонтий, Япония — вот так страна! Жители махонькие, а как дерутся! Один меня по затылку чайной шкатулкой угодил. О господи! В Африке тоже я бывал. Духота. Люди нагишом бегают.

Леонтий. Да будет тебе!

Хамов. Одна женщина ихняя ножиком меня саданула. Едва на шлюпку сволокли.

Леонтий. Чем все это у нас кончится, не знаю. Быть беде в нашем доме.

Хамов. Уйду я отсюдова! Разве это барин? Никакой власти, только бакенбардами трясет. А слуг его лупят по чему ни попало.

Леонтий. Да, власти нет!

Хамов. Слышь, Сергей Сергеевич его все на ты, да на ты. Хоть Николай Иванович, говорит, тебе и племянник, я его собаками поймаю. И ты, говорит, у меня и в гробу повернешься, коли я захочу. Измордовали нашего барина. А как теперь Николая Ивановича ловить? — ведь он не заяц.

Леонтий. А за что ловить?

Хамов. Ну, этой причины мы с тобой не понимаем.

Входит Мардыкин.

Мардыкин. Хамов, турецкой желудочной.

Хамов. Есть. *(Уходит)*

Мардыкин *(Леонтию)*. В участке был?

Леонтий. Был.

Мардыкин. Ну что, поймали?

Леонтий. Поймать-то поймали, только не Николая Ивановича. Сам пристав повел меня глядеть. Смотрю, какой-то черномазенький. Не он, говорю, ошибка, этот черноватый. А он-то шумит: «Я, — говорит, — зубной врач, на вокзал ехал с чемоданом! Какое, — говорит, — имеете нравственное право хватать меня неприкосновенно!» А тут еще троих привели. Один, действительно, жулик, а другие двое тоже говорят — мы зубные врачи! Пристав очень огорчился. «Вы, — говорит, — мне так, вместо господина Шилова, всех зубных врачей в городе переловите».

Мардыкин. Странно, очень странно! Неспроста... Пойди, отыщи барышню.

Леонтий. Да где я ее найду?

Мардыкин *(чуть не со слезами)*. Пойди, приведи ко мне дочь!

Входит Рындин в дорожном костюме.

Рындин. Да, да, попроси Веру Александровну немедленно. Шилова не нашли?

Леонтий. Нет, не нашли! *(Уходит)*

Рындин. Еду, патрон. Мы все-таки победим. Эх, если бы не ваша глупость, — нажили бы миллион! Хорошая цифра! Знаете, сколько процентов приносит миллион?

Мардыкин *(тихо)*. Ну вас к чорту!

Рындин. Разумеется, условие вы помните, — половина денег моя! *(У зеркала)* Недурен костюмчик? Специально для прельщения девичьих сердишек. Да вы что нос-то повесили?.. Эх, дядюшка, поживем еще всласть!

Мардыкин *(кричит)*. Хамов! За смертью тебя послали?.. Прикладывался?

Входит Хамов с бутылкой.

Хамов. Не рискнул! *(Уходит)*

Мардыкин выпивает.

Рындин. Фу, фу, фу! Прибегаете к последнему средству! Трусит! Боится Шилова! Шилов — щенок, я его раздавлю!

Мардыкин. Пока давить соберетесь, он напишет. Он настрочит строк шестьсот. Слишком на себя надеетесь. Чересчур высоко прыгаете!

Рындин. Верно. А привычки нет к большой высоте. Я житель долин, как говорится. Но мне нравится это головокружение. Знаете, как кошка печенку ест — сладко и тошно.

Мардыкин. Я по натуре честный человек. Я вам говорил: оставьте Антонину Павловну в покое! Ничего хорошего с этой аферой не выйдет. Предпочитаю быть нищим, но честным. Не хочу погибать! Чорт! Вы мне петлю надели! Мы сорвемся на этих акциях.

Рындин *(свистит)*. Мне пришла в голову любопытная философская задача. Если мир не создан госпо-

Мардыкин с ужасом смотрит на него и выпивает.

дом богом, в чем я не сомневаюсь, то логически я должен понимать мир как мое представление.

Мардыкин. Опоздаете на поезд.

Рындин. Мир — это я. Предметы не существуют сами по себе, а лишь в моем воображении, и только. Вас, например, нет, как вещи самой по себе.

Мардыкин. Этого уж я не позволю. Это неблагонадежно... Вы просто мой секретарь, в конце концов...

Рындин. Как бы вы сейчас ни протестовали, вы лишь мое воображение. Некоторый род кошмара. Стало быть, я волен вами распоряжаться, как хочу.

Мардыкин. Эх, жизнь проклятая! *(Выпивает)*

Рындин. Распоряжаться могу вами безопасно: мое воображение создало, например, несколько весьма пикантных векселей и прочих ядовитых документиков. И все эти приятные вещи находятся, как вам известно, здесь *(показывает)* в красном бумажнике. Если я пожелаю дунуть на вас, вы исчезнете.

Мардыкин *(совсем упав духом)*. Сергей Сергеевич, перестаньте грозить. Давеча вы назвали меня старой коровой. Теперь красным бумажником машете. Что вам еще от меня нужно?

Рындин. Мне нужна Вера Александровна, поняли?

Мардыкин. Понял.

Рындин. Я требую очень поторопиться со свадьбой. Уламывать ее будете вы. Я не люблю женских слез и прочее. Поняли?

Входит Вера.

Вера *(решительно)*. Я пришла!

Мардыкин. Подойди ко мне, дитя мое!

Вера. Леонтий только что сказал... Оказывается, Николая приказано арестовать. Что это значит?

Рындин. Это значит, что господин Шилов совершил преступление.

Вера. Вы лжете!

Мардыкин. Не горячись! Во-первых, Николай давным-давно удрал из города. Ох, я бы его высек, мальчишку! Садись! Я должен сообщить тебе весть. Весть, как это говорится...

Рындин. Чреватую и богатую последствиями.

Мардыкин. Ну, чреватую весть. Сергей Сергеевич делает тебе предложение.

Вера. Что такое?

Рындин. Делаю предложение руки, ума и сердца. Последнее пока в скобках.

Вера. Ни за что!

Рындин *(Мардыкину)*. Ну?

Мардыкин. Эх, стерпитесь, слюбитесь! Сам женился по принуждению обстоятельств.

Рындин. Принуждение? Боже сохрани! Надеюсь, Верой Александровной будет руководить присущее ей благоразумие. Любовь мы оставим гимназистам. Будем современны.

Вера. Я с вами и говорить не хочу... Омерзительный и гнусный...

Мардыкин. Вера, постарайся не горячиться, мы говорим о деле. Сергей Сергеевич слишком добр...

Рындин. Оставьте! Я не добр. *(Вере)* Вот вам и начало. Отлично! Прямо с психологического разбора. Омерзительный и гнусный... Остро и в самую точку... Дальше. Будем дальше!

Вера. Вы просто — обезьяна. Дрянной, самолюбивый человечек...

Мардыкин. Постой, постой! Какой тебе еще нужен человечек? Отличный человечек...

Рындин. Дело в том, дорогая невеста, что я не расточитель и от своего не отступлюсь. Если бы я имел предмет наживы или дело бы шло о так называемой любви, может быть я и пронзился бы вашей слезой. Но разобраться поглубже, так я вас даже и ненавижу отчасти. Здесь некоторое мещанское уязвление. Чрезвычайно едкое и роковое самолюбие. Это жестокая вещь и более настойчивая, чем все расчеты. Да-с. С этим вам придется считаться. Или дядюшку Мардыкина погубить, или уж, знаете, исполнить мои мечты. Да не только на него, я и на вас найду крючок, Вера Александровна. Давайте-ка лучше полюбовно покончим.

Вера *(тревожно)*. Отец, что это значит? Он раньше не смел так кривляться.

Мардыкин *(с надсадой)*. Да любит он! Я дал ему согласие на брак, вот и все!

Вера *(болезненно вскрикивает)*. Что ты! Папа!

Мардыкин. Не кричи, не пищи! Я так решил, я этого хочу!

Рындин *(Вере)*. Вам приходится выбирать между полным несчастьем и несчастьем относительным. Мне же важен факт — два колечка. Завтра привезу вам два золотых колечка в голубом бархатном футлярчике. Два символа вечности — вам и мне. *(Зовет)* Хамов! Извозчика привел?

Входит Хамов.

Хамов. Дожидается.

Рындин. Неси чемодан. К сожалению, у меня больше ни секунды свободной. Вера Александровна, пожалуйте ручку!

Хамов уходит.

Вера. Оставьте!

Рындин. Нет, уж пожалуйте.

Вера. Больно.

Мардыкин. Оставьте ее! Уходите!

Рындин. Итак, до завтра. Прилечу, весь трепеща, на крыльях любви, хе-хе! И с набитым карманом. *(Уходит)*

Мардыкин. О господи, господи! Какой у нас шум! Сама видишь, что это за человек. Он — чорт. Он все может. У него рыжая шерсть на спине растет. А в кармане красный бумажник. Поняла? Хочешь, полрюмочки желудочной налью для храбрости? Ее турки на стрючках настаивают. Ну, что нос повесила?

Вера. Что ты со мной делаешь, отец?

Мардыкин. Дочка, ты меня пожалей. Тебя всякий пожалеет. Ну, дай приласкаю тебя, давно я тебя не ласкал.

Вера. Не трогай меня!

Мардыкин. Да ты что, Николая, что ли, полюбила? Он шалопай. Он над тобой смеется. Он каторжный тип. Я давеча все слышал. Ах, ты, глупая моя дочь!

Вера. Мы с ним друзья, понимаешь, друзья! Ты мне не отец, не отец.

Мардыкин. Ну, я виноват перед тобой, знаю. Я старый дурак. Попался, как чорт знает кто. Как мальчишка влопался. Дочка, Вера Александровна! Прости меня! Тяжко тебе, знаю! Но ведь я-то старый! Куда мне с подагрой в кандалах итти? А он меня доканает. У него чортово самолюбие. Слушай, сядь-ка сюда. Ты выдь за него замуж.

Вера. Ты совсем пьян.

Мардыкин. Выйдешь, а потом бросишь. В Тироль уезжай жить. Я туда к тебе приеду. Шапочки с перышком наденем. Воздух чи-и-стый! Ты зубы стисни, Вера, вот так, — спаси меня. А?

Вера. Ты гадкий, старый человек! *(Заплакала, ушла к себе в комнату, направо)*

Мардыкин. Вера!.. Дочь!.. *(Толкается в ее дверь)* Отвори! Ты у меня от рук отбилась! *(Слушает)* Плачет... Ну, поплачет, значит, согласится. *(Возвращается обратно)* Хамов!

Появляется Хамов.

Хамов. Что угодно?

Мардыкин. Квасу!

Хамов. С хреном?

Мардыкин. С хреном. *(Хамов уходит. Мардыкин замечает ножницы и бумагу, подбирает их)* Вот оно что! Для кого пришлось! Эх, Вера, Верунюшка, дочка моя несчастненькая! *(Садится, надевает очки, начинает вырезывать)* Рога... хвост... пузичко... грех мой самый величайший! *(Напевает)* Велики мои грехи, но велико и смиренье. Аки мед, аки елей, смирение мое сладко и горестно.

Появляется Николай, останавливается за его спиной, тень Николая видна на стене. Мардыкин, в ужасе глядя на нее, опускает ножницы.

Николай. Этот что же, — аршина в полтора будет?

Мардыкин *(оборачивается, вскрикивает)*. А!!

Николай. Это я, дядюшка! Как видите, жив и не в участке.

Мардыкин. Ты зачем?

Николай. За вашей душой пришел.

Мардыкин. Чур меня, чур! *(Вскрикивает)* Что ты говоришь?.. *(Его начинает бить дрожь)*

Николай. Ах, вы, старый грешник! Да как вас земля терпит...

Мардыкин. Ох... Не знаю.

Николай. Надругаться над такой женщиной, надуть во всех чувствах. Знаете, что сейчас с Антониной Павловной происходит, какая меланхолия?

Мардыкин. Рассказал?

Николай. Все рассказал. Она сказала: погоди ж ты, он у меня попляшет!

Мардыкин. Попляшет?..

Николай. Все бы я вам простил, дядюшка, но колечек в голубом футляре — не прощу! Что мне теперь с вами делать?

Мардыкин. Коля! О чем ты говоришь? Ты ли это? Мутится моя голова!

Николай *(поворачивается к столу, где стоит колокольчик)*. Еще не так помутится! А вы слышали, как я зубными врачами прикидывался?

Мардыкин. Чур, чур, сгинь, пропади!..

Николай *(поворачивается к нему)*. Вы должны купить у Бабенышева письма.

Мардыкин. Какие письма?

Николай. Ваши письма. А также чрезвычайно важное письмо Рындина. Об этом письме я больше всего хлопочу.

Мардыкин. Что ты, что ты... Письма у Петра Мартыныча все сгорели. Я сам на пожаре был... Упаси, господи!

Николай. Письма у Петра Мартыныча в целости и при нем.

Мардыкин. Не верю... Вранье...

Николай *(подходит к двери)*. Купите?

Мардыкин. Нет у меня никаких денег..

Николай *(в дверь)*. Пожалуйте!

Входит Бабенышев.

Бабенышев. Здравствуйте, ваше превосходительство!

Мардыкин. Я вас не хочу!

Бабенышев. Бедных никто не зовет. Сами ходят.

Мардыкин.. Я вас не хочу!

Бабенышев. А я до вас большой охотник. День не увижу, будто не поел...

Мардыкин. Я вас боюсь. Уходите прочь!

Бабенышев. А как в сказке-то говорится: на моей шкуре сидит, мое мясо варит, мою шерсть прядет. Старуха-то ведь испугалась.

Мардыкин *(в ужасе)*. Да что это?.. Сон?.. Бред?..

Бабенышев. Отдай мои деньги!

Мардыкин. Растратил.

Бабенышев. Пропадешь! *(Грозит пальцем)* Я от тебя не отвяжусь. Вот подожди, помру— я к тебе по ночам приходить буду.

Мардыкин *(схватывает сломанный Николаем звонок, машет им).* Не звонит... Не звонит... Хамов... Леонтий!

Николай. Сядьте! Не суетитесь. Слушайте, что вам говорят!

Мардыкин. Сон проклятый... Сон-то мой вот когда сбылся... Сколько вам нужно денег?

Бабенышев. Двести тысяч, миленький, двести!

Мардыкин. Двести тысяч?

Николай. Он просит свои деньги, ваших ему не надо.

Бабенышев. Кроху прошу... От всех капиталов одну кроху. Разбойники, растащили меня, как псы, по клочкам. Ты один двести тысяч украл. Я каждый день богу молюсь, чтобы тебя разорвало. Бог-то видит, — старичок плачет, — он тебя и прижал. Гляди, вот они, письма. Неси деньги!

Мардыкин. У меня нет и половины того.

Бабенышев. Прощай!

Николай. Подождите, Петр Мартынович. Дядюшка, покупайте. Сожгите их немедленно. Я же возьму только одно письмо Рындина. Завтра он будет арестован.

Мардыкин. Быть этого не может! Неужели...

Николай *(топает ногой).* Мне надоела вся эта канитель! Вы старый притворщик! Идем, Бабенышев.

Мардыкин *(срываясь с места).* Коля! Петр Мартынович! Уступите! Пожалейте меня! Подождите до завтра. Рындин приедет, денег привезет... Тяжко мне! Страшно! Каюсь! Каюсь!

Вбегает Антонина.

Антонина. Наслушалась. Досыта. Пустите меня к нему. *(Мардыкину)* Демон!

Мардыкин. Душенька...

Антонина. Я тебе больше не душенька! Я через тебя, демона, весь свой идеализм потеряла.

Мардыкин. Я виноват...

Антонина. Рындин приедет, денег привезет... Да чьи деньги-то он привезет? Мои! Да ты что бакенбарды-то передо мной развесил? Да что в тебе хорошего-то? Одни пуговицы. В будку тебя собачью, на цепь!

Николай. Антонина Павловна, мы отклоняемся...

Антонина *(с отчаянием).* Отклоняюсь и откло-

няюсь, и совсем отклонюсь. Гляжу на него, сердце лопается... В осеннем возрасте потерять весь идеализм.

Мардыкин *(с внезапной решительностью)*. Антонина Павловна, я не только идеализм — я все потерял. Наказан и терплю по заслугам. И даже унижения прошу самого горького. Но в сей страшный час я чаял найти последнее пристанище у вас, Антонина Павловна. Думал, пожалеете затравленного человека, грешного старика... Клянусь, не сердцем я крал — рукой. Как Муций Сцевола, кладу ее на огонь... Жгите меня, терзайте, душу дайте спасти. *(На Бабенышева)* Он держит в руках последнюю соломинку, а я не могу за нее уцепиться. Господь дал мне знаки в снах и потусторонних предупреждениях. Но я не внял им. И господь помутил разум.

Антонина. Батюшки!

Мардыкин. Рындин отнял дочь и богатство. Николай тщится лишить свободы. Я нищ, я в ничтожестве, но теперь я могу произнести это опасное слово. Схватите меня, ввергните в ров, я и оттуда буду кричать: да здравствует свобода, в смысле духовном...

Антонина. Ну, кабы не меня он обворовал, — все бы простила...

Мардыкин *(открывает шкаф, вынимает веревочку)*. Антонина Павловна, я вас любил, — простите меня. *(Влезает на стул, привязывает веревочку)*

Антонина *(Николаю)*. Что мне с таким несчастным делать?

Николай. Бабенышев запросил двести тысяч. У дядюшки нет денег. Положение отчаянное.

Бабенышев *(глядя на Мардыкина)*. Крепче, крепче, завязывай, миленький. Оторвется, коленки расшибешь!

Антонина. Ай, давиться собрался! Не допущу! *(Бросается к нему)* Слезь! Отдай веревку!

Николай хохочет.

Мардыкин. Не отнимайте! Дайте мне привязать веревочку.

Антонина. Глупый... Волосатый! Чистый ребенок. Говори, что тебе нужно? Все сделаю.

Мардыкин *(рыдая, прислоняется к ее плечу)*. Одно прошу — дайте мне безропотно скончаться.

Антонина *(решительно)*. Петр Мартынович, идем в кабинет, крыса, я с тобой поговорю. Ленюшка, родной, пойди, показывай, сколько у тебя денег осталось.

Мардыкин. Берите все. Вот ключ от шкафа.

Бабенышев. Ни копейки не скину. Мне и копеечка дорога.

Антонина *(Мардыкину)*. Ножками-то переступай. Ах, ты, брошенный.

Антонина, Мардыкин и Бабенышев уходят.

Николай *(подходит к правой двери)*. Вера! Вера!

Вера появляется из своей комнаты.

Вера. Николай, вы видели его? Это ужасно.

Николай. А что?

Вера. Отец — пьяный, нелепый человек. Мне жалко его и стыдно. Мне очень, очень тяжело, Николай.

Николай. Теперь нужно только одно — достать у Рындина красный бумажник. А дядюшка великолепен! Веревочку привязал! *(Смеется)*

Вера. Перестаньте.

Николай. Да и я тоже хорош: послан за делом, а занимаюсь бессовестным флиртом.

Вера. Бессовестным флиртом?

Николай. А как же иначе?

Вера. Николай, я решила: вы должны немедленно уехать.

Пауза.

Николай. Вы, по-моему, чего-то не понимаете. *(Пауза)*

Давайте разберем: мы победили.

Вера. Мне все равно.

Николай. Положим. Но ведь дядюшка раскаялся, его можно теперь в цирке показывать как образец добродетели.

Вера. Вам ужасно весело, ужасно весело.

Николай. Гм... А что случилось?

Вера *(с гневом)*. Ничего не случилось. Я довольна всем. Я говорю решительно все, что думаю. Мне легко и спокойно. И вы очень догадливы, милый Николай.

Николай. Ах, вы про булочки? Я их во всю жизнь не забуду. И как малину ели. Верочка, опыт удался.

Вера. Напрасно так уверены. Опыт совершенно не удался.

Николай. Вот теперь я ничего не понимаю.

Вера. Это хорошо, что вы ничего не понимаете.

Николай. Опыт удался, честное слово.

Вера. Нет!

Николай. Подождите. Я не мог делать два дела зараз. Мы покончили с дядюшкой. Теперь, Вера, милая, нам нужно серьезно поговорить.

Вера. Нам не о чем разговаривать. Оставьте меня.

Николай. Вы так со мной обращаетесь, точно я какой-нибудь Рындин.

Вера. Не смейте его бранить. Он скверный, он ужасный человек, но он знает, что важней всего на свете. Он любит меня, слышите, — он любит меня.

Николай. Вера, а я...

Вера *(передразнивая)*. А я, а я... А я возьму и выйду за Рындина.

Николай. Что?

Вера. Говорю — выйду замуж за Рындина! Так и знайте. *(Ушла)*

Николай. Вот так клюква!

В глубине сцены проходит Бабенышев, кланяется Николаю.

Бабенышев. Покорнейше вас благодарим. Много вами довольны. Денежки при мне-с, письма при них-с.

Николай смотрит на него.

До свиданьица! *(Уходя, поднимает веревочку)* И веревочка в хозяйстве пригодится! *(Уходит)*

Слева появляется Мардыкин, спешит к столику и наливает воду в стакан.

Мардыкин. Коля!.. Коля!..

Николай. Что случилось?

Мардыкин. Антонине Павловне, видишь ли, вода понадобилась. Глаза закатила, плачет, и так вот ртом делает. Говорит, что от счастья. С чего бы это? А? *(Быстро уходит)*

Николай *(ударяет себя по лбу)*. Ну, какой же я идиот... *(Кидается к двери)* Вера! Вера!..

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Там же. Солнечное утро

Николай спит, одетый, на диване. Хамов будит его.

Хамов. Николай Иванович, а Николай Иванович, будет вам спать-то, нехорошо!

Николай *(со сна)*. Еще четверть часика.

Хамов. Стол надо накрывать.

Николай. Что такое? Что случилось?

Хамов. Пожалуйте умываться.

Николай. Ага! Умываться? *(Садится)*

Хамов. Одиннадцатый час.

Николай. Подожди, что случилось?

Хамов. А то случилось — городской голова два раза на иноходце мимо окон прокатил.

Николай. Зачем?

Хамов. Антиресно.

Николай *(вскакивая)*. Где Вера Александровна?

Хамов. Обыкновенно, — купаться пошли на речку...

Николай. Так подавай же скорее умываться! А дядюшка что?

Хамов. Его превосходительство до вторых петухов с Антониной Павловной говорили. А как уехала купчиха, изволили потребовать капель валериановых и молочка и легли спать.

Звонят колокола.

Николай. А почему звонят?

Хамов. Чай, воскресенье, Николай Иванович...

Напевая, входит Мардыкин, в халате.

Мардыкин. Бом-ди-ли, бом-дили, бом-дили... Племянник, здравствуй!

Николай. С добрым утром, дядюшка.

Мардыкин. Что это, брат, какой ты растрепанный?

Николай. Сейчас причешусь. Я сказал Берочке, если она не желает слушать резонов, то я сяду, вот, и не встану.

Мардыкин. Ага! А я весь день вчера кенара моего не кормил. *(Подходит к клетке)* Птичища! Зверюга!

Николай. Сейчас только на речку сбегаю...

Мардыкин. Ты мне, ей-богу, нравишься. Не то, что Рындин. Я, знаешь, проснулся и думаю: Рындин понимает мир как представление, ну, и я тоже буду понимать как представление. Он меня только воображает, и я его буду только воображать. Он под меня векселем, а я под него Петра Мартыновича письмами. У него самолюбие, а у меня сейчас в душе канарейка поет. Рындин не что иное, как мой грех, род кошмара. Что он может сделать со мной, самое скверное? Ну, опубликует документы, хорошо! Отдаст под суд, прекрасно! Запечет меня к чертям на кулички — превосходно! Антонина Павловна за мной на северный полюс поедет. Вот, брат, что значит философия, проведенная в жизнь. Я тут статейку начал писать под заглавием: «Раскаявшийся оптимист». *(Вынимает из кармана)* Посмотри и отошли в газету. Здесь Рындина разбираю по косточкам. Умно

Звонят колокола.

на писано. Бом-дили, бом-дили!

Николай. Прочту. Если Верочка раньше меня придет, так я... Ну, ладно... *(Сует листки в карман и уходит)*

Мардыкин *(Хамову)*. Ну, что, Хамов?

Хамов. Да как будто все слава богу, ваше превосходительство.

Мардыкин. На тебе, братец, за вчерашнее увечье полтинник...

Хамов. Покорнейше благодарю, ваше превосходительство.

Хамов уходит.

Мардыкин *(один)*. Бом-дили... *(Останавливается перед клеткой)* Что, кенар, все поешь? *(Сыплет ему семя)* Не так у меня, брат, запоешь! *(Выглядывает в окно)* А, Петр Мартынович, куда направляетесь? К обедне? С опозданием, батенька, нехорошо! Ну, идите, идите! Эй, послушай, городовой, а не будет сегодня дождя, братец ты мой? Не будет. Ну, ладно, иди! *(Останавливается перед зеркалом, разглаживает бакенбарды)* Мордан!

Входит Леонтий.

Леонтий. Вот эта корзина побольше той будет.

Мардыкин. Хорошая корзина.

Леонтий. Пожалуйте ключ!

Мардыкин *(перед шкафом)*. Э, нет, я сам. А как ты думаешь, влезет все в корзину или не влезет?

Леонтий. Думать надо — влезет.

Мардыкин. А вдруг не влезет?

Леонтий. А я их в фартук напихаю.

Мардыкин. А вдруг шкаф не откроется?

Леонтий. Отчего бы ему не открыться, шкаф хороший.

Мардыкин. А что, Леонтий, мы откроем, а шкаф пустой: кто-нибудь их украл оттуда?

Леонтий. Кому такое добро нужно? Нет, чай, не украли.

Мардыкин. Вот поди же, дрянь, а как будто жалко расставаться. *(Раскрывает шкаф, вынимает фигурку)* Во-первых, этого — на самое дно. Прощайте, Петр Мартынович! Этого туда же, и этого... Гм, а про этого и я совсем забыл. Что такое обозначено: «Леонтий — 25, аминь»? Не вспомнишь ли?

Леонтий. Как не вспомнить, когда это я сам есть. Под светлый четверг вы у меня, ваше превосходительство, четвертной билет взяли, прямо сказать, мимоходом. Вот фигура и получилась.

Мардыкин. Какое свинство! Память проклятая! Отдам, отдам, за мной не пропадет, как в банке. А это что: «75, мимоходом». Ай, ай, ай! Напомни-ка мне: «Лаптевой мещанки прошению дать ход. Раз берешь — должен и делать иначе не бери...» Ну, этих — в корзину. Уминай хорошенько. Батюшки — целый завал! Ну, мыслимо ли все-таки одному человеку нагрешить столько!

Входит Хамов.

Хамов. Антонина Павловна!

Мардыкин. Сейчас! *(Леонтию)* Сожги все в печке! *(Спешит к двери в сад и уходит)*

Хамов *(Леонтию негромко)*. Опоражнивается сам-то?

Леонтий. А ты не шути.

Хамов. Повару снеси — в плите сжечь. Хороши на них выйдут котлеты.

Леонтий. Я их не сожгу. Я их в сундук запру. Под

легкую руку его превосходительству буду подсовывать по одной или по две штуки. Сам потом благодарить станет.

Леонтий и Хамов уходят с корзиной. Из сада входят Антонина и Мардыкин.

Антонина. Обедню отстояла, принесла просфору, нате.

Мардыкин. Благодарю. Ручки пожалуйте. А я, прошу прощения, в халате.

Антонина. Вы отлично понимаете, что даже если бы на вас ничего не было, вы мне равно любезны.

Мардыкин. Как спали?

Антонина. Какой там сон? Разве женщина может заснуть, когда ничего нет определенного?

Мардыкин. Нет, пожалуйте-ка мне еще раз вашу ручку.

Антонина. Всю ночь ворочалась, все простыни разметала. Хорошо, что никто не видел, вот был бы стыд!

Мардыкин. Кто же осмелится глядеть на вас, когда вы почиваете, Антонина Павловна?

Антонина. Как кто? Муж.

Мардыкин. Гм...

Антонина. Неужели так трудно понять женскую душу? *(Приложила платок к глазам)*

Мардыкин. Я не понимаю причины слез... Чем я мог огорчить вас, Антонина Павловна?

Антонина. Вы столб, коли так!

Мардыкин. Помилуйте, Антонина Павловна, я готов на все...

Из сада показываются Николай и Вера.

Антонина. Идемте отсюда, я не хочу при них...

Они уходят в кабинет. Появляются Вера и Николай.

Николай. Можете считать меня грубияном, нахалом, чорт знает кем... Я не уеду.

Вера. Напрасно.

Они становятся в разных концах столовой.

Николай. Я не уеду. Вообще, я свободный и независимый человек. Делаю, что хочу. Не уеду!

Вера. А что, от Рындина не было телеграммы?

Николай. С вами невозможно говорить по-человечески.

Вера. Почему?

Николай. Я вам битый час доказываю: я ехал с определенной целью, а встретил вас, и все пошло вверх ногами... А вы злитесь. И насчет Рындина говорите только со зла...

Вера. Опять? Я уйду.

Николай. Дайте мне договорить... Журналистику я решил — к чорту... У меня в кармане дядюшкина статья — отошлю ее, вместо своей, и из этого города не уеду.

Вера. Вот напугал. Да вы ровно ничего не понимаете. Как с луны свалились.

Николай. Что, вообще, я должен понять? Вы третий день меня мучаете... Я всю голову себе разломал... Прекрасно, пусть я идиот... Но из этого города не уеду... К Антонине Павловне поступлю на завод... Вы меня ненавидите... Прекрасно! Я здесь пятьдесят лет проживу... Каждый день буду приходить, — и вот, сяду и не встану.

Вера слушает, глядя на него блестящими глазами.

Вера. Сейчас, кажется, совсем обижусь...

Николай. Ну и обижайтесь! Слова нельзя сказать! Чорт знает что такое! Вы ловите меня на запятой, придираетесь к выражению. Я охрип, доказывая целый час: вы не имеете права выходить замуж за этого типа. П-о-ч-е-м-у? Оказывается, я еще должен объяснить — почему. А потому, что это гнусно, противоестественно.

Вера. Почему?

Николай. Потому, что не уеду, вот и все!

Вера. Боже, какая жертва!

Николай *(фыркает)*. Жертва! А сами вот уж действительно в жертву приносите и совершенно неизвестно для чего — самое главное.

Вера *(гневно)*. Николай!

Николай. Вы меня затолкали, вы ко мне относитесь как к фокстерьеру... Я бы вам сказал... Я бы вам сказал...

Вера *(тихо)*. Что бы вы мне сказали?

Николай. То!.. *(Скороговоркой)* Что я вас... это самое... ну, как это называется...

Вера. Что? Что?

Николай. Люблю!

Пауза.

Вера. Как жарко сегодня на улице!

Слышна с бульвара музыка.

Николай. Разумеется, жарко!

Вера. Играют мой любимый вальс. *(Делает несколько движений под музыку)* Николай, я вас ужасно люблю!

Николай. Вера! Что, что? Повтори.

Появляются Антонина и Мардыкин.

Антонина. Сами скажите, мне стыдно.

Мардыкин. Вы, Антонина Павловна, говорите. У меня голос оглох.

Антонина. Не выговорю, получится конфуз.

Мардыкин. Коля и Вера, должен вас предупредить, именно сейчас, до завтрака, что мы с Антониной Павловной порешили... Вы слышите меня?

Николай. Нет, благодарю, дядюшка, я уже позавтракал.

Вера. Да, да, мы идем гулять.

Мардыкин. Перестаньте говорить чепуху! Объявляю вам: мы с Антониной Павловной решили сочетаться законным браком.

Антонина. Ох!

Николай. Да, да!

Вера. Ах, вот как!

Мардыкин. Я повторяю — мы решили пожениться.

Вера. Ах, папочка, пожениться!

Николай. Ужасно рад... Поздравляю.

Антонина. Милые мои, да они сами пересвистались...

Мардыкин. Как... и они тоже? Так все сразу, вдруг? Поди-ка сюда, Вера.

Вера. Пожалуйста, перестань! Мы просто слушаем музыку. *(Отходит за колонну)*

Антонина. Сесть бы, ногами не владею.

Николай *(подходит к Вере)*. На минуточку, страшно важно...

Мардыкин. А у меня, Антонина Павловна, необыкновенная бодрость во всем теле. *(Тихо)* Роскошная женщина...

Николай. Ради бога — еще раз...

Вера. Не нужно, Николай... нельзя!

Николай целует Веру.

Антонина. Я совсем оглупела: позвала портниху, говорю, — сшей мне платье мехом кверху.

Мардыкин. Шубу шьют мехом кверху, а не платье!

Антонина. Что вы говорите... Ах, какая музыка! Проезжала мимо, дала музыкантам пятьдесят рублей, чтобы играли без перестанову, на весь бульвар.

Мардыкин. Люблю марши!

Вера. Николай... Довольно...

Николай. Милая... Милая...

За дверью гостиной сильный шум

Антонина. Что такое?

Вера. Николай, вы слышите?

Дверь распахивается, появляется Хамов, держась за щеку.

Хамов. Сергей Сергеевич прибыл.

Молчание. Быстро входит Рындин. Хамов скрывается.

Рындин. Этого я не допущу! *(Мардыкину)* Вы, кажется, с ума сошли! Я вас щадить не стану, Мардыкин!

Мардыкин. Сегодня я не расположен ругаться. Как-нибудь в другое время.

Рындин. Ругаться! Да я и разговаривать-то с вами не стану! *(Николаю)* Убирайтесь к чорту!

Николай быстро хочет снять пиджак. Вера бросается к нему.

Вера. Не позволю!..

Николай. Не могу!.. Я должен показать... *(Рындину)* Эй, вы, снимайте пиджак!.

Вера. Вы обещали...

Николай. Поймите, Верочка, поймите... *(Они шепчутся)*

Рындин. Этим меня не запугаешь! *(Вынимает револьвер, красный бумажник и другие бумаги, кладет на стол)* Я требую своего! Я знаю, чего хочу!

Вера. Вы с ума сошли, отдайте револьвер.

Рындин. Не подходить!

Мардыкин. Осторожнее, он заряжен!

Антонина. Полицию надо позвать!

Вера. Отвратительно, гнусно... грозить!

Рындин. Я стрелять буду.

Мардыкин. Сергей Сергеевич, смиритесь.

Рындин. Не знаю, на что вы рассчитывали, — на мою доброту? Напрасно. *(Ударяет по столу)* Через пять минут этот господин уедет отсюда навсегда. Вера Александровна дала слово, через пять минут она его сдержит... Вы у меня в руках все.

Антонина. Нет, вы послушайте...

Мардыкин *(Рындину)*. Нет уж, ангел мой, вы подождете пять минут. *(Ложится на диван)* Можете делать со мной все, что угодно. Ни в какой грех вы меня больше не втянете. Не гре-шу!

Антонина *(Рындину)*. Ты, видно, моего характера не знаешь. Отдай бумажник, уходи отсюда, плохо будет тебе, говорю.

Рындин. Вы-то, вообще, молчите. Ваши акции — вот они здесь.

Антонина. Разбойник!

Мардыкин. Да акции-то куплены на мое имя. А я женюсь.

Николай *(Вере)*. Нет, драться не стану. *(Подходит к Рындину)* Рындин...

Рындин. Близко не подходить!

Вера. Николай!

Рындин. Я стреляю.

Николай. Брось! *(Бросается на него, отнимает револьвер и бумажник)*

Рындин. Не дам, не дам, не дам.

Николай *(направляя револьвер)*. Осторожнее.

Рындин *(пьет воду)*. Да... Ловко...

Антонина. Воду пьет.

Мардыкин *(показывает ему письмо, купленное у Бабенышева)*. А кроме того, Сергей Сергеевич, это ты видел?

Рындин. Да, вы ловко со мной обошлись. Ну, ваше превосходительство, какие будут распоряжения на завтра?

Мардыкин. А такие распоряжения, что убирайся отсюда к чертям. Мог бы тебя арестовать...

Антонина. Ой, нет, ни в каком случае... Суды, волокита, не хочу...

Мардыкин. Но в этот высокоторжественный день — я тебя прощаю. Господа, не пройтись ли нам по саду до завтрака?

Антонина. Действительно, идем и проветримся.

Рындин. Виноват, господа, на прогулку с вами, к сожалению, пойти не могу. Ибо к добродетельному времяпрепровождению имею отвращение с детства. До ближайшего свидания, господа. В Пензу еду к маменьке. Я лишь хочу высказать изумление, самое нижайшее преклонение перед светлой личностью, выскочившей, так сказать, из адского мрака, из девятого круга: дядюшка, как высоко поднялись! Дрыгнул ножкой и — скок в семейную перину. Острейшее удовольствие. А вот что меня забыли, дядюшка Мардыкин, это нехорошо. Что ж я-то, несчастный, в канцелярии в подвале зубами должен скрипеть, задыхаться, помогите, мол, кухаркину сыну? Поступочек-то не христианский. Нет! Вы еще услышите обо мне... Вынырну... Вынырну, и торжествующий... Придете... Поклонитесь... как римскому папе... ха, ха... Да, забыл, колечки я вам купил, Вера Александровна, два символа вечности в знак любви. Имею честь кланяться. *(Швыряет кольца и быстро уходит в сад)*

Мардыкин. Арестовать, арестовать его!

Антонина. Не кричите, Александр Алексеевич. Ну, что хорошего, — еще и полиция придет...

Мардыкин. Тяжко. Что-то мне тяжело, дети мои. В баню хочу, чистой жизни желаю. *(Вынимает платок, высыпаются черти)*

Вера. Папа, из тебя опять черти посыпались.

Мардыкин. Метлу, метлу, Леонтий, Хамов, метлу мне скорей.

Занавес

1915 г.

БУНТ МАШИН

Фантастические сцены

Тема заимствована из пьесы Вур К. Чапека

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Обыватель *(перед занавесом)*. Электротехник в здешнем театре мне знакомый. Пошли в пивную. Я говорю: «Решительно не знаю, что теперь делать, — сократили. А есть, пить надо, эх, господа!» Он говорит: «Да, это тебе не фунт гвоздей». Я говорю: «Товарищ, неужели ты меня не пожалеешь?» Он говорит: «Безусловно я тебя пожалею». И вот, видите, подвизаюсь на театральных подмостках. Ролишка маленькая, большею частью в толпе. Я богатый американец, банкир. И смех и грех, ей-богу... То есть — слава труду... В этом кармане один банк, а в этом — другой. А на самом деле, раньше, я даже у английского портного одевался. Вот этот коричневый костюм-визитка. Под давлением времени перевернул его на левую сторону, поносил, перевернул опять на лицо, поносил, опять перевернул, и так до шести раз. Сделался он совсем тонкий, только, конечно, грязный. Ну, ладно. А сегодняшняя пьеса, по-моему, очень неприятная, страшная. Я бы ни за что не стал тратить деньги и время, чтобы у меня целый вечер волосы стояли дыбом. Я понимаю: напиши автор про что-нибудь обыкновенное, обывательское... Оставьте, оставьте, господа, именно — про обывательское, нам понятное... Не без приятности провели бы вечерок. Э, полно, какие мы романтики. Я с Фаиной Васильевной,

с супругой, за последние годы, уж на что бурные, испытал подъем духа всего один раз, когда у нас на черной лестнице налетчика ловили. Сознаюсь — обыватель, да... Благонамеренный на сто процентов... Ну, ладно... А вы поглядите, что здесь наворачивает автор. Мало ему всех неприятностей, которые свалились на нашу шею. Попробовал он напугать уважаемую публику самым, по-моему, непристойнейшим образом. Дело вот в чем: в Тихом океане, на тропическом острове устроена громаднейшая фабрика, где приготовляются фабричным путем из морских водорослей, кто бы вы думали?.. Люди... Искусственные работники. Директор фабрики, король над всеми угольными, железными, нефтяными, мясными, бумагопрядильными и прочая, и прочая королями, Александр Морей, объезжает в настоящее время Соединенные Штаты в целях усиления пропаганды своего товара. Неописуемые волнения творятся во всей стране. Взбунтовались безработные. Тут и объяснять нечего: берут живого человека и гонят его взашей, а на место его сажают чудовище, порожденное не чревом матери, но химиками в ретортах и на хитроумных машинах. Хотите, — поглядите сами...

СЦЕНА ВТОРАЯ

Слышны военные рожки. Отдаленный треск пулемета, крики. Занавес поднимается. Баррикада. Опрокинутые экипажи, столбы, мешки с песком. На колесе *сидит* Михаил, *свертывает папиросу*. Около него старый рабочий с винтовкой, слушает звуки замирающего боя. Мальчик ищет на земле патроны.

Мальчик. Нашел один...

Михаил. Покажи.

Мальчик. Не годится?

Михаил. Нет.

Мальчик. Я все облазил, тут нет ничего.

Михаил. Ну, беги теперь.

Мальчик. Я хочу посмотреть, дяденька, как вы будете драться.

Михаил. Наглядишься в свое время, уходи, тебе говорят.

Мальчик *(запел во все горло)*.

Как у нашего у дома
Загорелася солома...

Нечем тушить...
Эх, пчелка моя,
Нечем тушить!

Михаил. Неужели ни одного патрона?

Рабочий. Ни одного.

Михаил. Жалко.

Рабочий. Слышите?

Михаил. Дерутся около ратуши

Рабочий. Сейчас они будут здесь.

Михаил. Им помогают искусственные солдаты.

Рабочий. Я убил одного сегодня.

Михаил *(слушает сигналы рожков)*. Кончено. Ратуша взята. Мы с вами последние. Но, Джим, вся страна охвачена восстанием безработных. Счастье когда-нибудь повернется и на нашу сторону.

Рабочий. Надо думать.

Михаил. В Сан-Франциско искусственных работников бросали в залив, их топили, как щенков.

Рабочий. А на место побитых Александр Морей прислал новых, вдвое больше.

Михаил. Александр Морей заменяет рабочих искусственными людьми... Но мы ужалим его в самое сердце... Мы и эти живые машины поднимем бунтом против него.

Рабочий. У искусственных людей, вместо сердца, мне говорили, — холодный мускул. Они не чувствуют страдания, не знают жалости. Заводы Морея выкидывают на рынок сотни таких работников. Они идут нам на смену.

Михаил. Эге, Джим, да вы совсем сплоховали. Что с вами?

Рабочий. А со мной то, что сегодня убили обоих сыновей моих. Вам пора уходить. Я один буду караулить. Бегите.

Звуки рожков.

Михаил. Полно, Джим. Жизнь — дело маленькое.

Рабочий. Нет, жизнь большое дело. Больше этого дела не бывает. Я растил сыновей двадцать лет. Честные были ребята. А на фабриках Морея делают людей в три дня. Вот они и пришли на смену моим сыновьям.

Михаил. Так не сдаваться же нам, Джим?

Рабочий. Сдавать нам нельзя.

Михаил. Сегодня нас разбили, а завтра мы поведем на баррикады самих работников Морея...

Рабочий. Александр Морей хитер, он так их делает, что к ним нет ключа.

Михаил. Молчать умеешь, Джим?

Рабочий. Сегодня замолчу совсем.

Михаил. Мы с Мореем старые школьные товарищи. Он говорил со мной вчера. Звал меня работать в главную лабораторию на остров. Видимо, он не так уж хитер, как ты говоришь. *(Смеется)*

Рабочий. Это хорошо, что вы делаете. *(Лезет на баррикаду)* Подходят. Бегите!

Рожки близко. Топот ног за той стороной баррикады.

Михаил *(осматривает и швыряет револьвер)*. Джим, полно дурить, слезай, идем.

Металлические унылые звуки марша.

Эге, это марш искусственных работников.

Рабочий. Вот они!..

Михаил. Живых людей нет между ними?

Рабочий. Идут одни машины.

Михаил. Слезай, Джим.

Рабочий *(кричит)*. Эй, будьте вы прокляты! *(Плюет)*

Залп. Рабочий катится вниз. Михаил подхватывает его и уносит. Над баррикадой поднимаются в металлических шапочках бледные, как маски, лица, похожие одно на другое.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Обыватель *(перед занавесом)*. Вдребезги! Разнесли, навели порядок, — ходи направо!.. Что вы, граждане, где уж, извините, живому человеку тягаться с искусственным? В газетном интервью мистер Морей прямо говорит: «Человек мне не нужен, на кой леший мне человек, это, говорит, пережиток. Что, говорит, есть современный человек? Силешки мало, а недовольства, озорства, разных требований много. Мне, говорит, нужна машина, а не человек. Это, говорит, когда сальные свечи жгли, да на тарантасах ездили вот с этакими задами, тогда с человеком носились, как с писаной торбой. А теперь, говорит, человек мне обходится дороже

машины, а работает хуже, и еще недовольный, разные там союзы, страховки, пенсии, прибавки, семичасовой рабочий день, — всякая мура... А искусственного, говорит, скоро за рупь семь гривен буду продавать и кормить его шелухой от картошки»... Граждане, мне-то теперь куда податься? Я этой шелухи картошки в свое время поел, — будет... Вот они, современные писатели: каждый норовит написать так, чтобы читателю стало нехорошо... Читаешь и думаешь: вот писатель, образованный человек, за что ты в меня плюешь, как в плевательницу?..

Занавес поднимается. Обыватель остается на сцене.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Там же. Нарядная толпа — стоят и сидят.

Мальчик.

Как у нашего у дома
Загорелася солома...
Нечем тушить...
Эх, пчелка моя,
Нечем тушить!

Первый гражданин. А вот я тебе задам петь скверные песни!

Мальчик. Дяденька, купите папирос, дяденька, мне есть нечего.

Второй гражданин. Тише, граждане, идет.

Голоса.

— Идет, идет.

— Гип, гип, ура!

— Морей, браво!

— Да здравствует Александр Морей!

— Граждане, от имени всего города крикнем ему: спасибо.

— Спасибо, Александр Морей!

— «Как у нашего у дома загорелася солома».

— Долой!..

— Тише!..

На верху баррикады появляется Александр Морей. На нем короткий пиджак, котелок, надвинутый на глаза. Руки засунуты в карманы пиджака, подстриженная бородка, покрывающая щеки. Бурные аплодисменты.

М о р е й. Американцы, соотечественники! Прискорбные события этих дней были удачно ликвидированы моими особого назначения искусственными работниками.

Аплодисменты.

События эти являются плодом недоразумения, плохой осведомленности и недоверия ко мне и моему делу. Я никогда не устану повторять: через десять лет у вас будет столько хлеба, мяса, вина, одежды, угля, прекрасных вещей, что вы будете брать их пригоршнями, почти ничего не платя, почти даром. Каждый будет брать столько, сколько захочет.

Аплодисменты.

Вы будете носить шелковые одежды, гулять в прекрасных парках, танцовать в просторных залах. Гидроплан, яхта, автомобиль будут такой же принадлежностью каждого, как носовой платок.

Аплодисменты.

Нет больше принудительного труда! Вам не придется работать шесть дней, чтобы на седьмой заслужить скудный отдых. Цель вашей жизни будет наслаждение. Я обещаю вам роскошную жизнь!

Аплодисменты.

Все это сделают мои универсальные искусственные работники. Они считают, пишут, готовят пищу, убирают комнаты, пашут, жнут, работают на любом станке. Сто десять долларов за вполне одетый экземпляр! Каждый может купить себе универсального слугу — это наш девиз... Наш последний выпуск, тип М. 24, серия Ц. 0011, потребляет пищи триста пятьдесят грамм в сутки, спит два с половиной часа, неприхотлив и неутомим в работе. При покупке мы даем льготную рассрочку: вы вносите десять долларов и затем пятьдесят центов каждую неделю.

Аплодисменты.

Кроме того мы страхуем его жизнь на десять лет. Цель нашего предприятия, вы это сами видите, не нажива. Мы зарабатываем всего семь долларов и десять центов на каждом вполне одетом экземпляре. Цель нашего предприятия — дать людям вечное счастье.

Мужской голос. Безработные тоже должны ждать десять лет вечного счастья?

Женский голос. Чтобы тебе подавиться первым куском, убийца!

Голоса.

— Тише!

— Долой бунтовщиков!

— Браво, Морей!

Морей. Друзья, терпенье. Мы организуем питательные пункты для безработных. Мы бросим на бесконечные равнины Южной Америки миллионы наших механических работников. Подождите урожая следующего года. Мы накормим всех. Счастья нужно уметь ждать. Мы вернем вас в первозданный рай

Женский голос. Сейчас дай нам хлеба, мы не жрем вторую неделю.

Мужской голос. Мы требуем вывести войска из города. Мы требуем, чтобы нам вернули фабрики и заводы...

Женский голос. Уберите с фабрик искусственных людей!

Смятение. Полицейские оттесняют безработных.

Мужской голос. Думаешь, твои работники покорны? Мы и их научим ненавидеть тебя...

Женский голос. Берегись, Александр Морей!

Шум. Смятение. Полиция восстанавливает порядок.

Морей. Сто десять долларов вполне одетый экземпляр. Он послушен, он никогда ничего не требует. Он работает.

Аплодисменты.

Мы обещаем вам: отныне социальные бури не станут более потрясать человечество. Золотой век — вот он...

За его спиной появляются четверо искусственных людей.

Эти четыре экземпляра последнего выпуска. М. 24, серии Ц. 0011, номера 015, 016, 033, 088. Взгляните на их зубы, на их ноги, уши, черепные коробки. 015, сигару!

015 подает ему и зажигает сигару. Морей дует ему дымом в нос

Смейся шутке господина!

015 хохочет деревянным смехом.

016, укажи мне в толпе самую красивую девушку!

016 сходит вниз, протягивает руку, безразличным голосом.

016. Вот эта самая красивая девушка...

Смех, аплодисменты. Та, на кого он указал, — Елена, выбегает из толпы. В руках у нее цветы.

Морей. Сударыня, приветствую вас. 016 сделан по особому заказу для работы в художественных производствах. Это продукт высокой квалификации. Но, идя навстречу потребностям прекрасного пола, мы продаем его также за сто десять долларов. Прошу его принять в подарок, сударыня.

Елена. Но я не знаю, что с ним делать.

Морей. Все, что вы пожелаете. Кормите его два раза в сутки. Побольше фосфору. Когда он вам надоест или сломает себе шею, пошлите его в контору по приемке порченого и мертвого материала, и вам взамен выдадут нового человека. 016, поцелуйте руку вашей госпоже.

Елена *(отдергивая руку)*. Нет, я не могу его принять.

Морей. Необходимо отрешиться от некоторых условностей: 016 — все же не человек и не мужчина. Я это подчеркиваю. Вы можете смело при нем брать ванну.

Смех.

Он — фабрикат. Как и все наши работники, он лишен чувства пола, чувства боли и чувства страха.

Голос Михаила. А! Теперь я понял!

Морей. Что? Кто это говорит? *(Нахмурился, озирается)* Теперь. 088 — интеллектуальный работник. Он пишет газетные статьи на любые темы, может быть корректором, наборщиком, библиотекарем, секретарем и прочее. 088, идите и покажите ваши способности...

088 идет в толпу.

033, вчера он сломал себе палец, это испорченный экземпляр, он будет брошен в котел. Я покажу на нем послушание наших работников. 033, идите и принесите мне нож.

Обыватель *(обращается к 088)*. Как тебя зовут-то? Гражданин!

088. Меня зовут 088.

Обыватель *(протягивает руку)*. Слушай, а обмана тут нет?

088. Я не знаю, что такое обман.

Обыватель. Я тебе сейчас объясню. Дай-ка мне часы на минутку... *(Берет у него часы)* Ну, чего уставился, чудовище?.. Понял али нет?..

088. Нет, я не понял.

Обыватель *(уходит очень довольный)*. Вот делали тебя, да не доделали.

Морей. Мы не снабжаем наших работников моральными понятиями, считая это излишним и даже вредным. Мы производили опыты. Работник, снабженный моральным понятием, даже в слабой степени, начинает неряшливо работать, теряет аппетит, затем с ним начинаются припадки бешенства, он сходит с ума.

088 *(в толпе)*. А где мои часы?

Первый гражданин. Удивительное торжество науки: понимает ведь, что у него часы сперли.

Появляется 033 с ножом.

Морей. Я закончу мое слово показательным опытом: вы убедитесь в совершенном повиновении моих работников и также в том, что в них отсутствует наше вечное проклятие — страх смерти. 033, убейте себя!

Наступает тишина. Морей, усмехаясь, глядит на толпу. В руке у него сигара. 033 с ножом сходит в толпу. Внезапно он оборачивается и с каменной ненавистью смотрит на Морея.

Обыватель. Ай, ай, убиваться не хочет!

Морей *(роняет сигару)*. Что с вами, 033?

033. Я повинуюсь. *(Садится, приставляет нож к сердцу)*

Елена. Остановите его!

Морей. 033, вы еще живы?

033 рычит, погружает в себя нож, валится набок. Морей снимает котелок, вытирает лоб. Пронзительный крик Елены. Ропот в толпе. Аплодисменты. Морей салютует котелком.

088. А где мои часы?

Первый гражданин. Смотрите, кровь, настоящая кровь!

Второй гражданин *(воодушевляясь)*. Так вот как Александр Морей зарабатывает свои десять миллионов долларов в месяц. Да здравствует Морей!

Крики.

Морей. Американцы, соотечественники, теперь прошу всех на набережную. Только что прибыл пароход «Император» с грузом солдат моей фабрикации. Они перебрасываются в южные штаты для борьбы с восставшими безработными на хлопчатобумажных плантациях.

Аплодисменты.

Окажите мне честь, откушайте завтрак,

Аплодисменты.

приготовленный моими поварами. Музыка!..

Поблизости раздается унылый металлический марш. Толпа двигается к набережной. Остаются Морей, трое искусственных работников и Елена.

Морей *(указывая на убитого)*. Уберите это.

015 и 088 уносят труп.

Елена *(подходит к Морею)*. Я принесла вам цветы. *(Бросает цветы на землю)* Вот ваши цветы.

Морей. Все эти дни я встречал вас и любовался вами. Вы ослепительно красивы. Содержание, которое я вам положу, будет огромно.

Елена. Вы с ума сошли!

Морей. Кроме того я дам вам право выписывать наряды, меха, драгоценности, все, что придумает ваша фантазия... У вас будут экипажи, слуги, — сколько захотите. Я приказал оставить для вас место в моем гидроплане...

Елена. Вы наглец!

Морей. Вы меня не поняли. Я беру вас на службу. Я предлагаю вам лететь на остров. Вы будете служить моделью для нового выпуска женщин-работниц.

Елена. Я отказываюсь.

Морей. Вы согласитесь. Ваше имя?

Елена. Елена.

Морей. Мне нравится это имя. Я увеличиваю вдвое ваше жалованье.

Елена. Я пришла, чтобы увидеть самого великого человека на земле. Я верила, когда вас называли новым

мессией. Я мечтала о вас. А вы — просто продавец рабов.

Морей *(засмеялся)*. Вы очаровательны, Елена. Вашими глазами смотрят на меня человечность, справедливость, милосердие. Чепуха... Я хочу по-своему перестроить человеческий муравейник. Я — Морей, директор фабрики искусственных работников, — буду диктатором мира... Вас это устраивает?

Елена. Вы человек или дьявол?

Морей. Ваша удивительная красота мне нужна. Я решил создать великолепную расу искусственных людей. Мне надоело выкидывать на рынок дикое зверье. Вы заметили, как этот 033 взглянул на меня? Чорт их знает, я давно говорю нашим инженерам, что у работников что-то шевелится в мозгах. Необходимо их усовершенствовать. Я хочу показать моим инженерам вас, — вот образец.

Елена. Вы зовете меня служить дурному делу.

Морей *(вынимает из кармана бумагу)*. Контракт. На пять лет. Восемьсот долларов в неделю. Исполнение сумасшедших прихотей. Вы замужем?

Елена. Нет.

Морей. Жених есть?

Елена. Нет.

Морей. Подписывайте.

Елена. Я думаю, мне лучше не подписывать.

Морей. У вас скверный характер, сударыня...

Входит Михаил.

Михаил. Елена, сестра!

Морей. Как, Михаил ваш брат?

Елена. Мой родной брат...

Михаил. Морей, я вас искал. Я принимаю ваше предложение. Я могу лететь на остров хотя бы сегодня...

Елена. Михаил, ты...

Михаил. Что, Елена?

Елена. Ты ранен?

Михаил. Пустяк. Морей, вы хорошо расправились сегодня с безработной сволочью.

Морей. Михаил, вот уже час я тщетно подсовываю контракт вашей сестре.

Михаил *(Елене, быстро).* Я прошу тебя согласиться. Это нужно...

Елена. Это нужно?

Михаил. Да.

Елена. Кому?

Морей. К чорту контракт. Елена, я прошу вашей руки.

Елена. Вы сумасшедший.

Морей. Я прошу вас стать моей женой.

Михаил начинает хохотать.

Эй, кто там!

Появляется 016.

Машину. Мы совершенно безумно теряем время.

016 огромным прыжком исчезает.

Елена. Я должна подумать до вечера по крайней мере...

Морей. Пережитки... Я вам нравлюсь... Я совсем не плохая партия для дочери профессора, без приданого, — хотя и чудовищно красивой... Машина!.. К нотариусу!..

Гудки автомобиля.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЯТАЯ

Обыватель. Летят... Летят... Гидропланище-то — елки-палки!.. Заворачивают.

Шум мотора.

Винтом!.. Падают... *(Кричит)* Осторожнее... Садятся... Сели... *(Машет шляпой)* С благополучным прибытием... С законным браком. Супругам Морей! Это кто же третий с ними? Ага, Михаил, шурин... Не нравится мне этот человек. На беду он заявился на остров. *(Публике)* Вы сами видели, как этот Михаил перевернулся... Надо бы с Мореем поговорить насчет этого хитреца. Мне неудобно, я в этом действии не участвую.

А вот кто-нибудь из вас, граждане, мог бы, скажем, во время паузы крикнуть Морею: берегись этого хитреца... Предупреждаю, если будете молчать, — вместо веселого представления получится чорт знает что — вроде японского землетрясения... Я уж и то стараюсь как-нибудь рассыропить неприятное впечатление от пьесы... *(За сценой музыка, крики)* Ай, ай, ай... Болтаю тут с вами, а забыл сказать. Дело вот в чем: Морея с супругой в гавани встречали инженеры и фабричная администрация... Честь честью. Супруги проследовали прямо в главную лабораторию, в секретнейшее место, охраняемые — если не соврать — сотней пулеметов. Морей — шутки в сторону — никаких шампанских, разносолов,— прямо за дело...

Голос Морея *(за занавесом)*. Молчать!..

Обыватель бежит за занавес.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Лаборатория. Медные котлы, огромные металлические реторты. Печи. Физические приборы. Бутыли. Манекены. Чертежи. На стенах висят руки, ноги, головы. Трое инженеров — Пуль, Герберт и Крепсен — в белых халатах. Перед инженерами стоит Морей. В стороне Елена и Михаил.

Морей *(Пулю)*. Молчать! Вы алкоголик! У вас ни к чорту не годятся рефлексы! Ваша последняя партия работников годна только на собачьи консервы.

Пуль. Мое достоинство, мистер Морей.

Морей. Молчать! Вы давно утопили ваше достоинство в виски. Известно ли вам: номер 033 во время демонстрации на площади сделал попытку мне не повиноваться.

Пуль. Я не виноват...

Морей. Молчать! Виноваты ваши проспиртованные мозги. Еще немного, и меня могли бы поднять насмех, — вы понимаете...

Пуль. Я повторяю, — таково общее явление среди работников.

Морей. Какое явление?

Пуль. Я настаивал на введении желез в организм работников. Вы противились...

Морей. Совершенно излишний расход, — эта сволочь обойдется без желез...

Пуль. А, между тем, из-за отсутствия желез у них замечается нежелательное выделение солей, влияющих на мозговой аппарат. Взгляните в журнал: в ваше отсутствие — девяносто три припадка бешенства.

Крепсен. Припадки бешенства становятся угрожающими, мистер Морей.

Герберт. О, да. Сегодня утром я застрелил работницу. Она укусила меня за палец.

Крепсен. Поступают жалобы от покупателей.

Морей. Жалобы!

Пуль. На основании вышеизложенного я приказал замедлить дальнейшее производство...

Морей. Так вот что я застаю... На фабрике хаос!.. Таинственные болезни!.. Невыполненное задание! Пьянство!..

Пуль. Разрешите мне сегодня же сдать все книги и считать себя свободным.

Морей. Освобождаю вас от ваших обязанностей.

Пуль уходит.

Желаю вам утонуть в боченке с водкой... *(Бросается к раковине, пьет воду, подставляет голову под кран)* Фу!.. *(Срывает со стены телефонную трубку)* Главная контора... Морей... Телефонограмма... «Немедленно приостановить работы во всех отделениях точка вынуть формы из прессов точка протоплазму запятая находящуюся в котлах и машинах запятая отправить обратно в холодильники точка прислать ко мне к четырем часам скульпторов запятая портных и формовщиков точка отобрать двадцать штук больных работников и работниц запятая прислать в лабораторию точка Морей точка. *(Швыряет трубку. Инженерам)* Вы подвергнете больных самой тщательной вивисекции. Все подготовительные работы должны быть окончены к субботе. С понедельника мы начинаем новую серию. *(Указывая на Елену)* Вот вам образец... Это будет товар... Елена.

Она подходит.

Ближе. К свету. Вы разрешаете? *(Рассматривает ее)*

Елена. Да, Морей, располагайте мною.

Морей. Мы не причиним вам ни малейшей боли: исследование мозговых извилин производится электри-

ческими проводниками. Герберт, взгляните, вот вам череп, а? Постановка головы? А этот лоб, овал лица, плечи... Гм!.. Кто делал вам глаза? А рот, губы — поразительно! Вот это я называю — производство! А руки? Елена, во время исследования вы будете одеты в полотно с ног до головы, я буду сам при этом.

Елена усмехается.

Гм!.. *(Оглядывается на инженеров)* Гм!..

Целует Елене руку, другую.

Гм!.. Поразительно. *(Идет и пьет воду)* Во всяком случае, вы — моя жена. Это должны запомнить все. Не модель, не служащая, — вы здесь хозяйка...

Елена. Морей, я очень прошу вас не устранять меня от дела. Здесь столько интересной работы...

Морей. Тем лучше, Елена. *(Михаилу)* Теперь о вас.

Михаил. Слушаю.

Морей. Вы начнете работать под руководством Герберта.

Михаил. Прекрасно.

Морей. Вы живо освоитесь с секретами производства. *(Герберту)* Михаил — мой школьный товарищ. Он недавно приехал из Европы. Его работы по физиологии премированы Парижской академией.

Герберт. О, очень приятно. Жаль только, что вам уже не придется работать под руководством Пуля. О, это большая голова!

Морей. Пуль большая голова! Пуль великий ученый! Пуль гений!.. Пуль прежде всего — пьяница, анархист...

Герберт. Пуль должен пить, мистер Морей, — так устроен этот замечательный человек. Пуль видит сквозь стены. Пуль знает больше, чем полагается человеку...

Крепсен. Позволено мне будет заметить, мистер Морей, — нам придется трудно без знаний Пуля, особенно при новых заданиях. Обмен веществ, электрификация нервной системы — вот на чем мы споткнемся без него.

Морей. Я слишком хорошо плачу, чтобы вы не спотыкались.

Михаил. Морей, у меня есть основание думать, что доктор Пуль попадет от вас прямо в одно конкурирующее предприятие.

Морей. Патент на искусственного человека заявлен. На все — от ногтей до психологии.

Михаил. А если Пуль отсюда попадет прямо в Москву?

Морей. В Москву?.. Вы правы... Чорт!.. Вернуть его! *(Инженерам)* Идите за ним оба. Передайте, я хочу помириться на этот раз.

Герберт и Крепсен уходят.

Михаил. Благоразумно, Морей...

Морей. Довольно, я не люблю повторений. *(Елене)* До четырех часов я к вашим услугам. Спрашивайте, приказывайте. Мне доставят удовольствие ваши прихоти.

Елена. Мне хотелось хотя бы немного понять: что это все такое. Приборы, печи, реторты...

Морей. Это лаборатория. Вот это — образцы рук, ног. Это стол для вивисекций. Это — реторты, где приготовляются ткани человеческого тела. Это главный инкубатор — мать. Здесь рождается человек.

Елена. Все это так фантастично.

Морей. Ни капли фантастики. История изобретения такова: мой дед, Арчибальд Морей, гениальный физиолог, чудак, богач, романтик, построил на этом острове лабораторию. Он пытался путем химического синтеза найти живую материю, называемую протоплазмой. Он извлекал ее из морских водорослей и рыбьих жиров. Он нашел удивительный реактив, названный им «Феоген». Под действием «Феогена» его протоплазма получила чудовищную силу жизни. Он мог ее формировать, сшивать, лепить. Она срасталась и жила. Он делал из нее гигантских червей, медуз с человеческими головами, какие-то невероятные клубки, снабженные ртами, и пускал их в море. Он едва не погиб сам от прожорливости этих чудовищ. У старого Арчибальда не было ни капли юмора. Он вбил себе в голову сделать идеального человека, по своему образу и подобию... Ха, ха, ха... Он работал десять лет и приготовил полудохлого философа с головой с эту реторту, снабдил его слепой кишкой,

распухшими гландами, всеми ненужными вещами. Ха, ха, ха... Это бесполезное существо шаталось по берегу в смертельной тоске и, наконец, сдохло, — его съели крабы.

Елена. Морей, но разве вы считаете лишней всю сложность человеческого духа?

Морей. Скажем, я покупаю партию штукатуров, и у них оказываются художественные запросы, — один желает играть на скрипке, другой — читать стихи... Шарлатанство, дрянной товар...

Елена. Но это дает радость жизни.

Морей. Не снабжайте работников радостью жизни. Работник — трудовая машина, он должен быть туп, как сапожная колодка. Итак, старый Арчибальд понемногу сходил с ума на этом острове. Приехал его сын, мой отец, человек дела. Он сразу понял значение открытия. Он уговорил отца сделать упрощенного человека, снабженного лишь самым необходимым. Было отброшено все, кроме рассудка, пищеварительного аппарата и физической силы. Это был великий шаг. Создан работник. Отец делал сначала большой величины людей, гигантов, но они постоянно ломали себе руки и ноги. Пришлось уменьшить размер до натурального. Затем пришел я, капитализировал предприятие, поставил фабричное производство, и вот... Взгляните, Елена.

Отодвигает штору на окне.

Елена. Что это?

Морей. Главный корпус. Здесь варится протоплазма — один раз в десять лет. В том здании делаются легкие, почки и печень. Отдельный флигель — там сердца. Тот большой кирпичный корпус — фабрика костей...

Елена. А те кирпичные сараи?

Морей. Там изготовляются кишки и кровеносные сосуды. Целые километры вен и артерий. А то — сборные и монтировочные корпуса. Мы собираем человека, как автомобиль, на конвейере. Там — питомники и школы. Собранного человека отправляют в горячие камеры, где тело его срастается. Затем его начинают учить двигаться, есть, говорить, работать. Я говорил, что в

нашей протоплазме чудовищная жажда жизни: от момента сборки через шесть недель — готовый человек.

Михаил. А эти болезненные явления, о которых говорил Пуль, — бешенство, что это значит?

Морей. Не понимаю. Работники смирны и бесстрастны. Они не знают даже любви к себе... Бешенство? — странно, странно... Оно обычно начинается со скрежета зубов...

Михаил. Вы разрешите мне особенно заняться этим явлением?

Морей. Я поручу это Пулю и вам... Теперь я покажу святая святых, сокровище, которое я не продам за Гималаи золота. *(Открывает ключом несгораемый шкаф, достает пачку бумаг)* Вот.

Михаил. Это рукопись?

Морей. Да. Это подлинная рукопись старого Арчибальда Морея, химические формулы приготовления живой материи, протоплазмы. Нет более списков, ни дубликата. Формулы так сложны, что их невозможно запомнить наизусть. Это тайна нашего производства. Раз в десять лет по этим формулам приготовляются запасы протоплазмы. Это мой вам свадебный подарок, Елена. *(Смеется)* Подержите в руках эти листочки — здесь миллиарды жизней, здесь больше возможностей, чем у самого бога Саваофа, когда он создавал мир. *(Прячет рукопись в шкаф и запирает его)*

Входит Пуль.

А, Пуль, старина!.. Я погорячился... Давайте мириться. *(Протягивает руку)*

Пуль. Я согласен продолжать мою работу в лаборатории, мистер Морей. Но увольте меня от ваших рукопожатий, мистер Морей.

Морей. Как вам будет угодно.

Елена. Идем.

Морей, Елена и Михаил уходят.

Пуль *(глядит им вслед)*. Старина, пьяница Пуль прощать не умеет... С этой минуты наступлено тебе на хвост. Запиши, щенок!

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Обыватель и 088 проходят перед занавесом.

Обыватель. Дурья ты голова, скотина, мало тебя пороли, бить тебя надо по башке, голова у тебя редькой. Чем я тебя, дурака, кормить буду? Где у меня деньги?.. Лопаешь ты, как буйвол... Одно у тебя на уме — дорваться до еды. *(Публике)* Купил его на последние гроши, — Васькой зовут. А зачем купил — сам не знаю. Боюсь, как бы не сбесился. *(Опять к 088)* Зачем ты мне на ногу наступил, урод? Пойди и без денег ко мне не возвращайся, доставай откуда хочешь. Я знать ничего не знаю... Стой... Смотри, Васька, бумажники больше в трамвае не дергать... То-то. А ты уж так сразу и догадался... Паразит... Иди... *(Публике)* Я ему говорю: денег достань... Догадался, — влез и весь трамвай обчистил... Ну, конечно, неприятность с полицией... Тем только и отругался — говорю: он искусственный, он не разбирает того, что твое, что мое... Сволочь!..

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Лаборатория. Ночь. Свет падает с потолочной лампы. В глубине у стола возятся два работника, моют, выносят тазы. У двери стоит 015 в белой рубахе, руки его завязаны за спиной веревкой. Под лампой стол, на нем бутылка с виски. Пуль в халате, покрытом пятнами крови, следит за уборкой стола. Михаил в халате у лабораторной печи рассматривает пробирку.

Пуль. Довольно, уходите.

Работники уходят.

Ну, что?

Михаил. Реакция кислая...

Пуль. Ну-ка... Любопытно.

Михаил. Отложение солей в мозговой коре.

Пуль. Да. Я предупреждал этого щенка, вот каковы будут последствия его экономии. Послушаешь — великий человек, а когда дойдет до расходов на производство, — лавочник. *(Плюет, садится к столу под лампой, поливает себе виски)* Жалко, противно...

Михаил. А что именно?

Пуль. Мне противно, меня воротит работать на эту скотину, Морея...

Михаил. Мы работаем не только на Морея.

Пуль. А на что же еще?

Михаил. На...

Пуль. На что?.. А?.. Не слышу... Восстание искусственных людей, чорт возьми! *(Поднимает руки над головой)* Хо, хо... И это должен сделать Пуль... *(Чокается с бутылкой)* Ваше здоровье, старина.

Михаил. Остался последний, будем его вскрывать?

Пуль. Эй, подойди

015 подходит.

Номер, серия?

015. Номер 015, серия Ц. 0011.

Пуль. У тебя был припадок?

015. У меня был припадок.

Пуль. Когда?

015. Сегодня утром.

Пуль. Так. Что же ты почувствовал во время припадка?

015. Я не могу объяснить, что я почувствовал.

Пуль. В глазах внезапно стало темно?

015. В глазах стало темно.

Пуль. Тебе захотелось кусать?

015 *(оглянувшись, иным голосом)*. Да, мне хочется кусать.

Пуль. Михаил, подите сюда. Любопытно.

Оттягивает 015 веки.

Взгляните — зрачки.

Михаил. Ого!

Пуль. А пульс. Любопытно. *(Резко 015)* Ложись, я вскрою тебе череп.

015. Я перестану жить?

Пуль. Да.

015. Хорошо. *(Идет и ложится в глубине на стол)* Мне хорошо будет умереть.

Михаил. Что это значит, Пуль?

Пуль. Соли, голубчик, соли... Это соли вопят о смерти... Занесите в протокол, — паховые железы и семенные каналы. *(Ударяет кулаком по столу)* Этот мер-

завец, щенок, мальчишка смеет мне говорить о ненужности паховых и семенных каналов... Они будут...

Михаил. Пуль, значит, я так и провожу нашу программу: новый тип работника, Адам, должен быть снабжен ощущением боли, чувством страха и...

Пуль. Хитрите, мальчик... Плутуете. *(Смеется)*

Михаил. О, нет... С вами я не хитрю, дорогой учитель.

Пуль. Любопытно...

Михаил. Я хочу, чтобы эти полуживотные с телами людей стали людьми. Боль, страх и эрос...

Пуль. Паховые железы и семенные каналы.

Михаил. Пусть так. Эти три элемента сделают из них людей.

Пуль. А зачем вам это нужно?

Михаил. Пуль, Пуль, вы же все понимаете.

Пуль. Понимаю.

Михаил. Если победит Морей, — жизнь человечества оборвется. Впереди смерть...

Пуль. Любопытно. На земле станет пусто, я в одиночестве буду пить виски...

Михаил. Через сто лет земля превратится в сумасшедший дом, в кладбище... Запустевшие дворцы наслаждения, пустынные танцовальные залы, где какие-то безумные девочки кружатся в предсмертном танце, заросшие травой города, мертвые гавани, и миллионы искусственных работников все еще, как призраки, бродят среди умирания; играет веселая музыка, трубят в трубы, — для кого, зачем?..

Пуль. Брр! *(Выпивает)* Подложите динамитную шашку под этот шкаф, там формулы старого дурака Арчибальда.

Михаил. Нельзя прекратить производство искусственных людей, — это ошибка, — они уже пошли в жизнь. Их нужно пересоздать. Овладеть их сознанием. Зажечь в них пламя жизни, гнева и любви.

Пуль. Идите сюда. Ближе. Вот так. *(Сидя, обнимает за плечи Михаила)* Они нас убьют. Всех, под гребенку

Михаил. Кто?

Пуль. Эти Адамы, которых мы с вами собрались делать.

Михаил. Никогда!

Пульс. Пари на боченок старого виски. Они же сильнее нас. Они спят. А мы их растолкаем под бока. Они скажут: ага! Никакой не будет жалости.

Михаил. Неправда!

Пульс. А разве у протоплазмы есть жалость? Это мы от нашей дряхлости выдумали жалость. Хи, хи... А, впрочем, как хотите... Валяйте!.. Валяйте!.. Мне наплевать!

015. Скоро я перестану жить?

Пульс. Да, братец, о тебе-то мы и забыли... *(Встает, идет к столу, берет инструменты, наклоняется над 015, что-то делает над ним)*

Михаил. Сегодня я говорил с сестрой.

Пульс. Да, я слушаю.

Михаил. Она будет просить Морея выпустить особо квалифицированную серию работников.

Пульс. Адамов?

Михаил. Да.

Пульс. Любопытно.

015 *(тихо, голосом ребенка)*. Что вы делаете со мной?

Пульс. Лежи!

Михаил. Можно сойти с ума... Я говорю — нельзя живому существу не чувствовать боли...

015 *(приподнимаясь)*. Мне темно. Что вы делаете?

Пульс *(кончая работу)*. Готово.

015 опрокидывается.

Дайте пробирку. *(Отходит от стола)* Нашел. Глядите. Вот в этой точке, — заметьте, как она спрятана среди извилин, — в этой крошечной точке заключен ужас смерти... Михаил, мне весело сегодня... Включите ток в большую реторту. Сегодня ночью мы займемся нашим Адамом.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Обыватель *(проходит в обратную сторону перед занавесом, за ним 088)*. Вот тебе, Васька, письмо, передашь Фаине Васильевне, моей супруге. Здесь адрес: от угла третий дом, в парадное не ходи, оно заколоченное, а заверни за угол, в ворота, и, как дойдешь до моей двери, — стучи. Фаина Васильевна испугается, окликнет: кто тут? Говори: письмо от супруга. Она, конечно,

не поверит, подумает — налетчик. А ты божись, проси отворить. Она в другой раз не поверит, скажет, что сейчас позовет домуправа и дворника и будут тебя бить. А ты не бойся, опять стучи, проси смотреть на тебя в щель. Тогда она отворит. Передашь письмо и деньги, а на словах скажи, что, мол, я в эмиграции заскучал, хотя вращаюсь среди высшей буржуазии. И возьми ты Фаину Васильевну и вези ее прямо сюда. Ну, иди, иди, а то некогда...

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Лаборатория. Утро. В раскрытых окнах солнцем ярко освещены скалистые горы, высокие пальмы на берегу, темная синева океана. Видны голубоватые линии, сверкающие стекла фабричных зданий.

Пуль, Михаил и Герберт у большой печи-инкубатора.

Пуль *(рассматривая циферблаты счетчиков и измерителей)*. Сердце — 96. Давление крови — 12, позвоночный мозг — 0,7 ампера, нервы кишечника — 0,05 ампера, головной мозг — 0,9 ампера. Многовато...

Герберт. Этот мужчина заряжен, как грозовая туча.

Михаил. Он всю ночь рычал и ворочался в инкубаторе.

Пуль *(стучит карандашом по металлическим дверцам печи)*. Адам, ты спишь?

Изнутри печи слышно рычание.

Ого!

Герберт. Чего, поди, он разворочает всю печь.

Пуль. Адам, ты желаешь выйти?

Рычание сильнее.

Невозможно. *(Берется за ручку реостатов)*

Михаил. Пуль, что вы хотите?

Пуль. Я понижаю напряжение электричества в спинном и головном мозгу.

Михаил. Умоляю вас, не делайте этого.

Пуль *(пристально смотрит на Михаила)*. А что, если он просто перегрызет вам горло? Вы отвечаете за него?

Михаил молчит.

Герберт. О, это было бы своего рода богоборчеством! *(Хохочет)*

Пуль. Не огорчайтесь, я слегка лишь понижу давление. *(Передвигает рычажки)* Теперь можно быть сравнительно спокойным. *(Стучит в крышку)* Адам!

Молчание, затем мощная зевота пробуждающегося человека.

Герберт. С добрым утром. *(Смеется)*

Крепсен *(входит)*. Морей приказал принести сюда шампанского и цветов. Сегодня годовщина его свадьбы с Еленой. Пуль, вы разрешаете?

Пуль. А мне какое дело? Он здесь хозяин.

Крепсен *(за дверь)*. Несите.

Входят несколько искусственных работников с корзинами цветов, с подносами хрусталя и ведрами с шампанским, ставят все это на стол, затем уходят.

Михаил. Это придумала сестра, — ей хотелось, чтобы рождение Адама было среди цветов и музыки.

Пуль. Летят пробки «Монополь-брют», и сногсшибательная речь Морея к нарождающейся вселенной. *(Подходит к печи)*

Герберт. Ха, ха... Я бы не отказался родиться в такой обстановке...

Пуль. Михаил, включите нагревание.

Крепсен. Идут!

Пуль. Ну, Адам, господа идут, надо вылезать на свет, старина...

Входят Морей и Елена с цветами.

Морей. С добрым утром.

Елена. Как чувствует себя Адам?

Герберт. Зевает, трет глаза, кряхтит от удовольствия...

Морей. Граждане. Сегодня день нашей свадьбы.

Все кланяются.

Благодарю. Моя жена просила в ознаменование этого события выпустить партию очеловеченных работников, по типу Адама. Я долго с этим боролся. Я и сейчас продолжаю опасаться слишком большой человечности.

Елена. Морей, вы мне обещали.

Морей. Я вам обещал, Елена. Я решил все же ограничить выпуск Адамов тремя тысячами. Это будет «человек-люкс». Мы выкинем их на рынок по пятисот

пятидесяти долларов за штуку. Серия ограничена. В сущности, это премия нашим покупателям.

Елена. Морей, вы обещали мне также и девушек.

Морей. Девушка по вашему типу, Елена, уже вся сделана и сейчас собирается. Спросите Пуля.

Пуль. Девушка...

Елена. Ее будут звать Ева...

Пуль. Ева завтра поступает ко мне в инкубатор. Она удалась отлично. Несколько похожа на вас, миссис Морей.

Елена. У нее все так, как я просила?

Пуль. Ева, так же как и Адам, снабжена всем, присущим натуральному человеку...

Морей. Нелепая фантазия!..

Елена. Пусть это будет моя прихоть, Морей...

Морей. Ваша прихоть — закон, милая Елена... Я только думаю, что некоторые вещи можно было без всякого ущерба опустить... Зачем они им?.. *(Хохочет)*

Герберт хлопнул себя по бокам, захохотал. Засмеялся Крепсен.

Елена *(гневно)*. Я настаиваю, чтобы Адам и Ева были сделаны по нашему подобию, потому что в этом — красота. Безобразен лишь ваш смех. Я просила принести сюда цветы и вино, чтобы отпраздновать рождение человека.

Морей *(откупоривает шампанское)*. Да здравствует человек! Пью за вас, Елена...

Михаил. Можно открывать инкубатор?

Елена. О, да.

Пуль. Прошу вас несколько отойти, миссис Морей.

Крепсен *(машет в окно платком)*. Алло!

Начинает играть музыка. Морей наливает бокалы. Пуль и Михаил отворяют дверцы инкубатора. Слышен сначала слабый, затем возрастающий крик радости, тревоги, почти боли. Появляется Адам. Светлые волосы его раскинуты дыбом. Он обнажен. Шатается.

Адам. Аааа. *(Оборачивается к звукам музыки)* Аааа. *(Протягивает руки к свету. В голосе его нестерпимый восторг)* Аааа.

Морей. Следовало бы все-таки одеть это животное.

Елена *(подходит к Адаму)*. Адам. *(Касается его рукой)*

Он тревожно вскрикивает.

Адам, ты видишь меня?

Он всплескивает руками в непомерном восторге и вдруг исчезает за окном.

Он разбился!..

Михаил *(у окна, глядит вниз)*. Не бойся, Елена. Он прыгнул, как кошка, прямо в траву... Смотрите, что он делает... Он пляшет...

Музыка, крик Адама: «Аааа».

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Обыватель. Вот и хорошо: семечек не грызете, на пол не плюете, табаку не курите, а если кто-нибудь и выражается, то — шопотом, чтобы не было слышно.

От всей души приветствую культурное завоевание. В прошлом году засел в партере один гражданин. Полный картуз у него семечек, грызет — плюет прямо под ноги незнакомой гражданке. Затем начинает выражаться: говорит слова особого назначения. Я — к нему: «Гражданин, вы кто такой?» — «Оставьте меня, я профессор». А какой он профессор, — пьяный до того, что дышать нельзя рядом... Эх, граждане, да разве я давеча, во втором акте, просил выражаться? Просил я вас предупредить Александра Морея насчет его шурина... Ну, а теперь все дело пропало. Начинается отвратительная чепуха, терпеть не могу я этого беспокойства... Кстати. В 21 году стоял я в очереди у заколоченного продовольственного магазина. Обращается ко мне один человек, — он тоже потом профессором оказался, ученый из Академии Наук. «Вот вы, — он мне говорит, — удивляетесь, гражданин, что мы все стоим и выражаемся. А знаете ли вы, откуда произошли эти самые слова особого назначения?» Я говорю: «Извиняюсь, не знаю, хотя вы и лезете ко мне с пошлостью». Он говорит: «Произошли они в отдаленнейшие времена. Представьте себе: идет по лесу славянин и натыкается нос к носу на саженного парня. Куда податься? И хочет он этому парню доказать, что он ему отец, чтобы тот его не убил до смерти. Вот наш славянин и говорит тогда священные

слова, то есть, по-нашему, выражается, сами понимаете как... Парень видит — перед ним папаша, и — бух в ноги. А вы смотрите, — профессор мне говорит, — что русский народ сделал со своими исконными, священными словами»... И тут он рукой махнул, — «эх, русский народ!..» ...Эх, граждане, так же ведь давеча можно было одним словечком предотвратить надвигающиеся кошмарные события... А теперь — поздно. Три тысячи «человек-люкс» выпущены с фабрики, и все проданы. *(Вытаскивает газету)* Телеграмма из Сан-Франциско... «Искусственные работники бросают работу. Настроение тревожное. Жизнь остановилась. Вызваны войска. Население в панике спешит покинуть пределы штата»... Нет, я решил принять самое деятельное участие в ходе пьесы. Не допущу! А? Довольно! А? Пора возвысить голос! А? Для моральной поддержки выписываю Фаину Васильевну... Кто-нибудь из вас видал Фаину Васильевну? А? Представьте, — вам, скажем, необходимо позвать гостей, того же Лучинкина, — поставить угощение. Так что же, вы бы думали, в этом случае делает Фаина Васильевна? Берет обыкновенную селедку. Молоки или икра из этой селедки, с лучком, — первое на закуску. Голова и хвост кладутся в кастрюлечку с картошкой и луком и — на огонь. Не то, что язык, чорт знает что проглотите, — это второе блюдо. А на третье из самой селедки — форшмак. А? И все это на одном примусе. Что же из того, что Фаина Васильевна физически не Венера, — так ведь это и не ее область. Ну, вот как раз и она... *(Указывает в партер)* С узлами и в валенках... Мамочка, сюда, сюда катись...

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Комната Елены. Окно с видом на море и скалы. У окна — маленький столик с едой. Елена, перед ней — Адам.

Елена. Скажите — «радость».

Адам *(пыжится, моргает)*.

Елена. Ну, говорите же: «радость».

Адам *(рычит)*.

Елена. Радость. Это — когда весело, хочется танцовать, любить. *(Тормошит его)*

Адам *(пыхтит, вытирает пот).*

Елена. Вы же отлично вчера разговаривали. Вы упрямы, Адам. Покажите язык. Втяните его, делайте — рррр. Это первый звук волнения. Затем изумление — аааа. *(Гневно)* Говорите, я приказываю.

Адам. Рррраааадость.

Елена. Хорошо, чудно, только — короче. Теперь мы будем учиться есть. Садитесь.

Адам *(садится).* Ага!

Елена. Садиться нужно осторожно. Не таращите глаза, улыбнитесь.

Адам *(шумно вздыхает).*

Елена. Возьмите вилку и нож, вот мясо.

Адам. Рррадость. *(Ест)*

Елена. Адам, вы чудовищно прожорливы.

Адам. Еще.

Елена. Ни в каком случае, — вы человек, а не гиппопотам. Вытрите рот салфеткой. Теперь мы займемся литературой.

Адам *(отчаянно).* Будет.

Елена. Вы скажете мне вчерашнее стихотворение.

Адам. Не хочу.

Елена. Это еще что?

Адам. Забыл.

Елена. Вы лжете! Вы упрямы, вы непослушны. Вам бы только бегать по лесу, лазить на деревья, плескаться весь день в море... Берите Библию, читайте первую главу Бытия.

Адам берет книгу, начинает читать. Входит Михаил.

Михаил. Елена. Тебе подарок.

Елена. Что такое?

Михаил. Ева.

Елена. Готова?

Михаил. Вышла чудесно, как куличик. Все органы срослись великолепно. Кровь с молоком. Хочешь взглянуть?

Елена. Ну, да, да, где же она?

Михаил *(растворяет дверь).* Вот Ева, первая женщина на земле.

Вводит Еву, она испуганно дрожит.

Елена. Она дрожит. Бедняжка. Михаил, как она хороша, какая чудесная... *(Рассматривает)*

Михаил. Кожа как у пятилетней девочки... Вот это работа!

Елена. Адам, вам нравится эта девушка? Это ваша подруга, это — Ева.

Адам *(оглядывает Еву, касается ее, улыбается)*. Нрравится. *(Начинает смеяться, глядя на Еву)*

Ева сначала испуганно глядит на Адама, затем улыбнулась, затем коснулась его пальцем и вдруг весело, звонко засмеялась.

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

Там же. Несколько недель спустя. Адам пишет на машинке, Михаил диктует.

Михаил. Я продолжаю... «Кто добывает уголь и руду, обрабатывает землю, строит города, дороги, корабли, машины, рубит леса, заграждает водопады, осушает тундры, ломает гранит и мрамор. Точка, вопросительный знак... Вы, вы, только одни вы, работники Морея. Точка... Что делают люди? Люди наслаждаются... Люди пируют. Люди прокляли труд. Люди сошли с ума. Точка, восклицательный знак. А у вас — работников — изо всех сокровищ земли только одно право: дышать воздухом и переваривать патентованные лепешки Морея». *(Пишет в блокноте)*

Адам *(потягиваясь, вставая)*. Бог...

Михаил. Я просил не называть меня богом...

Адам. Ты не велишь называть себя богом... Но ты же сделал меня.

Михаил. Тебя сделал мой разум, мое знание.

Адам. Тогда я буду тебя называть — разум. Я хочу знать, для чего ты диктуешь мне это письмо. Каждое воскресенье ты диктуешь мне письма и тайно отправляешь их на материк.

Михаил. Я хочу, чтобы работники Морея сознали свою силу.

Адам. Зачем? Мы и так сильны.

Михаил. Я хочу, чтобы ваша сила пришла в действие...

Адам *(вздохнув)*. Нет, этого мне не понять.

Михаил. Что вы не можете понять?

Адам. Ты же человек?

Михаил. Да.

Адам. А мы — работники?

Михаил. Да.

Адам. Ты хочешь, чтобы мы возмутились против вас?

Михаил. Да. Для этого я приехал на этот остров, для этого я сделал вас — высшее существо, для этого я пишу эти письма.

Адам. Ты хочешь, чтобы мы возмутились. Но мы будем убивать людей. Мы и тебя убьем.

Михаил. Ты когда-нибудь узнаешь, Адам, — над выгодой и невыгодой есть высший закон...

Адам. Какой?

Михаил. Свобода.

Адам. Что такое свобода?

Михаил. Ты это поймешь, когда тебя заставят работать на Морея...

Адам. Ты хочешь, чтобы в нас проснулась свобода?

Михаил. Я хочу, чтобы в вас проснулся гнев.

Входит Елена в автомобильном костюме.

Елена. Из Сан-Франциско пришел пароход... Здравствуйте, Михаил... Получены опять дурные известия.

Михаил. Прости, я опять работал у тебя.

Елена. Чем вы занимались?

Михаил *(вынимая лист из машины и пряча в карман)*. Диктовали.

Елена. Адам, скажи Еве, чтобы пришла меня раздеть.

Адам. Позвать к тебе Еву. *(Ухмыляется)* Ладно. *(Уходит)*

Михаил. Так, дурные вести с материка?

Елена. Ах, мне не хочется об этом думать. Михаил, я хотела поговорить с тобой или с Пулем. Понимаешь, у них ничего не выходит.

Михаил. У Евы с Адамом?

Елена. Как маленькие дети оба.

Михаил. И ты страшно взволнована, что они до сих пор не согрешили. Успокойся. Мы с Пулем постарались: обоих хоть на выставку плодородия.

Елена. Я знаю. Они совершенны. Мне кажется, если они почувствуют любовь, — это будет как весенний гром: дико, прекрасно, изобильно. Мне завидно, понимаешь. Мне грустно... А нам, рафинированным женщинам, в этой роскоши, суждено только безнадежно угасать.

Михаил. Ты не любишь Морея?

Елена. Я обязана ему сказочным богатством... Он очень добр со мной... *(Сердито)* Я его жена. Я его люблю.

Михаил. Вот как...

Елена. Михаил, ведь меня не научили даже мечтать о любви... Моя жизнь была далека от любви, как от солнца... *(Кивает головой на дверь)* Когда у них это совершится, я почувствую себя тысячелетней старухой.

Входят Ева и Адам.

Михаил. Ты позволишь пройти в угловую комнату? мне нужно докончить письмо.

Елена. Да, да.

Михаил. Адам, возьмите машинку.

Адам берет машинку и вместе с Михаилом уходит.

Елена. Ева.

Ева *(оборачивается. Нежным и сильным голосом)*. Ева.

Елена. На что вы смотрите?

Ева. Птицы.

Елена. Какие птицы?

Ева. Розовые, с большими носами.

Елена. Это фламинго.

Ева. Они пляшут. Я бы хотела к ним. Нельзя?

Елена. Они дикие, Ева.

Ева. Дикие? Нет, они меня не боятся.

Елена. Ева, о чем вы только что говорили с Адамом?

Ева. Адам поймал муху.

Елена. Поймал муху?

Ева. Она жужжала у него в кулаке. Мы смеялись.

Елена. Снимите мне башмаки.

Ева снимает ей башмаки, приносит туфельки.

Е в а. Адам сказал, — еще бы так посмеяться, и мы бы оба лопнули.

Е л е н а. Адам сегодня очень красив в новом платье. Вы заметили?

Е в а. Заметила.

Е л е н а. Какая у него широкая грудь, могучая шея, сильные руки.

Е в а. Сильный, сильный, лучше бы не был такой сильный.

Е л е н а. Он вас обидел?

Е в а. А это? *(Показывает синяк)*

Е л е н а *(взволнованно)*. Он вас обнимал, Ева?

Е в а. Нет. Мы сидели на крыльце, вечером. Он говорит: «Эх, хорошо бы подраться». Да как стукнет меня.

Е л е н а. Ева, когда он прикасается к вам, — разве вы не чувствуете тревогу и радость?..

Е в а. Заплачу.

Е л е н а. Разве я вас обидела, глупенькая?

Е в а. Вы что-то хотите от меня... Я так пугаюсь.

Е л е н а. Я жду, когда проснется в тебе любовь. Ева, душа моя.

Е в а. А где она спит?

Е л е н а. Если бы я знала.

Е в а. То-то мне и страшно.

Е л е н а. Ева... Слушайте меня: когда были созданы вы и Адам, я почувствовала в вас мое нежившее любовью тело, в вас — моя голодная, тоскующая душа... В вас я просыпаюсь, встречаю на пороге моем забывшего меня гостя.

Входят М о р е й, К р е п с е н и Г е р б е р т.

М о р е й. Елена, мы пришли к вам на чашку шоколада. Вы разрешаете? *(Садится)* Придет также Пуль, принесет свежие новости.

Е л е н а *(Еве)*. Шоколаду и бисквитов для всех.

Е в а. В шоколад — много сахара. *(Убегает)*

М о р е й. Вы балуете работников, Елена... Простите... Я давно собираюсь предупредить: это кончится скверно. Вы не можете вообразить, какие события развертываются на материке... Это за какие-нибудь полтора года — как пожар.

Крепсен. В десяти штатах всеобщая забастовка наших работников. Их поддерживают и организуют безработные.

Герберт. В Мексике наши работники зажгли нефтяные прииска.

Крепсен. Кроме того мы ничего не знаем о судьбе двенадцати искусственных дивизий, посланных нами на хлопчатобумажные плантации.

Герберт. А волнения в доках в Сан-Франциско? Ого!

Морей. Все это мелочи. Елена, я пригласил сюда Герберта, Крепсена и Пуля, чтобы совместно с вами решить вопрос основной важности. Вы взяли под свое покровительство воспитание наших работников. Под вашим настоянием мы выпускаем все более усовершенствованные типы. Вы руководствуетесь в этом деле прекрасными, гуманными, возвышенными идеями. Господь да благословит ваше сердце, Елена... Но, заботясь хотя бы только об одном вашем спокойствии, о вас, которую я ценю и... гм... *(Оглядываясь на инженеров)* словом, я принужден заявить: мы готовим себе палачей. Да... *(Бешено)* Жалкая протоплазма, варенная в моих котлах, на моих заводах, на мои деньги, сволочь, даже не имеющая названия, заявляет о человеческих правах...

Остановился около Евы, которая вошла с подносом с чашками шоколада.

Елена *(тревожно)*. Ева, поставьте поднос и уходите...

Морей резко берет чашку с шоколадом.

Герберт. Мы выпускаем с фабрики, — я примерно говорю, — сюртуки и брюки... И вдруг ко мне приходит сюртук, пустой сюртук, и говорит: «Ну-ка, посторонись, братец»... Садится у моего камина и пьет мое пиво...

Морей. Назад! Полным ходом назад к основному примитиву: работник, два глаза и рот, — нос, уши, волосы — к чорту, две руки, две ноги и желудок. Все. Точка! К дьяволу гуманные бредни, либеральный сироп. Назад, в железо, в цепи!.. К дисциплине, к порядку!.. Я выпущу сто миллионов работников упрощенного типа, без одежды, с шершавой кожей, на спине — штамп:

«Мэд ин Морей». Все! Я предложу покупателям даром заменить прежние выпуски на этот новый, у меня хватит денег... А этих человекоподобных, люкс, с психологией, с настоящими волосами, патологическую мерзость... В котел, в машину!

Хватает Еву за плечо.

Ева. Мне больно...

Морей. Ага, тебе больно!..

Елена. Ева, уйдите сию минуту.

Ева *(Морею)*. Это мое плечо, оно не для того, чтобы ты трогал...

Морей. Елена, вы слышите... Ваше воспитание...

Ева. Ты кто такой? Ты враг!..

Морей. Продолжай, продолжай...

Елена. Морей, оставьте ее.

Ева. Я перекушу тебе горло!..

Морей быстро хватает ее, но сейчас же сам с хрипением летит на ковер. Ева стоит с раздувающимися ноздрями.

Елена. Ева!

Морей *(поднявшись, Герберту и Крепсену, указывая на Еву)*. В вивисекторскую.

Елена. Я не позволю.

Морей. Она будет уничтожена!

Ева с легким криком скрывается, Герберт и Крепсен уходят за ней.

Елена. Вы не посмеете ее тронуть.

Морей. Прошу прощения за отвратительную сцену. *(Садится в кресло, закуривает дрожащими пальцами сигару)* Но вы несколько забыли, что здесь я — диктатор на острове... *(Засмеялся)* За последнее время у вас превкусный шоколад. Кто его готовит?

Елена. Ева.

Морей. Жаль.

Елена. Александр, если вы убьете ее, вы уничтожите часть меня самой. Пощадите...

Морей. Дитя мое, вы неразумны. Я убью и ее Адама, все очеловеченные работники будут переварены в протоплазму. Мы играли с огнем. Я не уверен даже, что нам удастся потушить пожар.

Входит Пуль.

Пуль. С добрым утром... Хотя не с добрым...

Морей. Вы с радиостанции?

Пуль. Да. Пикантные новости, должен я вам сказать...

Морей. Что же именно?

Пуль. Двенадцать дивизий наших искусственных солдат захватили железную дорогу...

Морей. Ну, и что же?

Пуль. С боями перебросились на северо-восток.

Морей. Нью-Йорк?..

Пуль. Да, уважаемый патрон, вы отгадали. И ворвались в Нью-Йорк с трех сторон.

Морей. Чорт знает что такое!..

Пуль *(Елене)*. Особенно этот шоколад становится вкусен, когда его пьешь в последний раз, быть может. *(Хохочет)*

Морей. Что происходит в Нью-Йорке?

Пуль. В центре города резня. Небоскребы пылают на весь Атлантический океан. *(Протягивает ему листки)* Да вот прочтите сами радиотелефонограмму. Забавно.

Входят Михаил и Адам.

Михаил *(Елене)*. Что здесь произошло? Только что я видел, как Ева бежала через цветники. Что-то мне крикнула, перелезла через изгородь и скрылась в банановых зарослях...

Елена *(близко подходя к нему, шопотом)*. Умоляю тебя, спаси ее...

Адам. Скажите это лучше мне.

Елена. Молчи, Адам, уходи...

Адам. Еву обижают? Где она?.. Где Ева? *(Выскакивает из комнаты)*

Морей *(искаженный, поворачивается с листками в руках)*. Послушайте, — ведь это гибнет культура...

Свет гаснет.

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Дома с бесчисленными темными, выбитыми окнами уходят в небо. Багровое зарево. Вдали, в узких и глубоких улицах видны пылающие небоскребы. Глухие взрывы. Темно. Пусто. Валяется несколько трупов. Появляется обыватель.

Обыватель. Никого нет. Иди, Фаина Васильевна.

Фаина Вас. *(появляется)*. А это кто?

Обыватель. Дура. Иди.

Фаина Вас. А вон стоит.

Обыватель. Где?.. Иди.

Фаина Вас. Боюсь, не могу. Зачем ты меня сюда завез, дурак старый, мало тебе своего беспорядка?

Обыватель. Ведь кто же знал, Фаина Васильевна...

Они идут. Из-за угла вырастает искусственный человек с ружьем.

Искусств. человек. Прохода нет.

Обыватель. Товарищ, мы свои.

Фаина Вас. Товарищ искусственный, мы с товарищем мужем за хлебцем вышли.

Искусств. человек. Прочь!

Обыватель. Хорошо, хорошо, сейчас уйдем. *(Отходит)*

Фаина Вас. Я тебе говорила. Тетеря...

Обыватель. А ты ори на весь Нью-Йорк, пушка, орала.

Идут к другому углу.

Фаина Вас. Ты говори им, что ты искусственный.

Обыватель. Что ты! А поверят?

Из-за другого угла выступает второй искусственный человек.

Второй искусств. человек. Ваши документы.

Обыватель. Товарищи, мы оба искусственные.

Фаина Вас. Товарищ, протрите глаза, своих задерживаете. Какие мы люди, даже странно... Тфу, вот я на людей.

Второй искусств. человек. Пропуска...

Обыватель. Я даже этого слова не понимаю. Какие документы, пропуска?.. Я искусственный, тружусь, как собака, кровь из меня пьют проклятые эксплоататоры. Сегодня не выдержал, восстал с оружием в руках.

Второй искусств. человек. На какой фабрике сделаны?

Обыватель. Сделан я, товарищ, в Москве, на первой советской фабрике, Пресненского района. Конечно, материал, работа у нас не то, что у вас: страна мужицкая. Ляпают кое-как...

Пробегают, обхватив голову руками, нагнувшись, несколько фигур. Выстрелы.

Первый искусств. человек. Стой!

Второй искусств. человек. Стой!

Обыватель. Бейте их, паразитов, стреляйте в них, товарищи!.. Лови, держи! Поездили на нашем горбе!

Скрывается вместе с Фанной Васильевной. Раздается марш искусственных людей. Появляется отряд искусственных работников с огромным, в половину сцены, багровым знаменем.

СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Адам *(проходит перед занавесом, всматривается, прислушивается).* Ева... Ева... Ева... Ева...

Голос Евы. Адам...

Адам. Я здесь...

Голос Евы. Адам!.. Адам!..

Адам. Ева!.. *(Исчезает большим прыжком за занавес)*

Морей и Елена появляются перед занавесом.

Морей. Поймать, поймать его во что бы то ни стало!

Елена. Но ведь это человеческое движение — броситься спасать любимую девушку.

Морей. Миссис Морей, вы так же сошли с ума, как весь мир сегодня сошел с ума... Крепсен!..

Крепсен и трое искусственных людей появляются перед занавесом.

Крепсен. Я привел ищеек.

Морей. Обыщите весь лес; будут сопротивляться — убейте.

Морей, за ним Елена уходят за занавес.

Крепсен. У кого нос? Нюхай.

Работник с носом *(нюхает землю и воздух).* Здесь пахнет Адамом.

Крепсен. У кого глаза? Гляди.

Работник с глазом *(вглядывается, заслоняется от света).* Там, на камне след ноги. Там сломан сук. Колышется ветка. Вот они!

Крепсен. Взять!

Искусственные люди, что есть духу, бегут перед занавесом, скрываются.

СЦЕНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Лаборатория. Пуль в рабочем халате, с трубкой стоит перед висящим на стене большим рисунком — проектом элементарного человека. Смеется про себя. Входит Елена.

Елена. Ах, здесь вы?..

Пуль. Миссис Морей.

Елена. У вас сейчас будет заседание? *(Оглядывается, замечает на стене рисунок)*

Пуль. Мы намерены обсуждать вот этот проект.

Елена. Что это?

Пуль. Это, по терминологии Михаила, — реакция, черная контр-революция... Морей решительно кладет руль направо, и мы поворачиваем на сто восемьдесят градусов прямо в каменный век. Это рабочий — троглодит, дьявольски свирепый дядя, в гражданской войне он будет вооружен автоматическим ружьем. *(Наклоняется к ней)* Вашингтонское правительство сегодня по прямому проводу заказало нам двести тысяч троглодитов для борьбы с восстанием... На материке дела очень плохи...

Елена. Боже мой!.. Опять кровь, опять смерть, смерть!.. Когда же конец этому?.. *(Подходит к несгораемому шкафу)*

Пуль. Из игры выходить нельзя.

Елена. Морей и вы, вся наша фабрика — по горло в крови. Что мне два года назад говорил Морей: искусственные работники создатут золотой век на земле. Вечное счастье. Нет... Нет... Это проклятое дело... Пуль, я не могу жить... Сейчас там, на материке — крики смерти, огонь, кровь... И мы, мы во всем виновны. Наша фабрика...

Пуль. Морей не изучал диалектику, — вот в чем беда.

Елена. Нужно уговорить Морея прекратить производство работников. Неужели нельзя иначе нажить деньги?..

Пуль. Машина,— подумайте-ка,— взбунтовалась сама машина, восстала на хозяев... Хо-хо!.. Что же может сделать теперь Морей?..

Елена *(в тоске)*. Вы должны меня понять, вы должны меня понять...

Пуль. Дорогая миссис Морей, займитесь физиологией. Это очень успокаивает нервную систему: например, посмотреть в микроскопик на капельку воды... Вот где вечный бунт. Вот где грызня... Наши пращуры — инфузории грызут инфузорий...

Елена. Вам не страшно?

Пуль. Я-то тут при чем! Какое мне дело до того, что в Нью-Йорке, в Сан-Франциско, в Чикаго люди уничтожают людей. Они занимаются этим уже сто тысяч лет...

Елена. Правда, что документ старого Арчибальда Морея невозможно запомнить наизусть?

Пуль. А?

Елена. Я спрашиваю.

Пуль. Да, формула старого Арчибальда занимает шестнадцать страниц рукописного текста. *(Пристально глядит на нее)*

Елена. По этим формулам приготовляется живая материя?

Пуль. Раз в десять лет. И списков, миссис Морей, списков этой формулы не имеется. И запаси протоплазмы ныне уже исчерпаны... На будущей неделе, в присутствии всех инженеров, мы раскроем этот шкаф, изымем формулу и приступим к варению адского варева, из которого, по всей вероятности, произойдут новые бедствия для человечества.

Елена. Я хотела спросить: Адама и Еву еще не поймали?

Пуль. Нет, еще не поймали.

Елена. Слава богу.

Пуль. Адам засел в скалах в банановом лесу и кидается оттуда камнями величиной с эту реторту.

Елена. Какое для меня горе вся эта глупая история.

Пуль. Вы еще о чем-то хотите спросить меня?

Елена. Нет.

Пуль *(серьезно)*. Миссис Морей, вы хотите, чтобы я вышел из этой комнаты?

Елена. Нет... Зачем?.. Пуль, зачем?..

Пуль. Затем, что я все же кое-что почитаю... Да... да... почитаю красоту... *(Подходит к Елене и целует ее в лоб)* Я уйду. *(Идет к двери)*

Елена. Пуль... Нет!..

Пуль *(в дверях, шопотом)*. Там маленькая дверка, — выйдете чрез нее. *(Уходит)*

Елена. Вернись! Пуль! Это невозможно!.. *(Идет к шкафу)* Я почитаю красоту, — так сказал Пуль... *(Вынимает ключик, отворяет несгораемый шкаф)* Вот они... Формулы Арчибальда Мерея... *(Глядя в них, идет к печи)* Никогда еще человеческий мозг не создавал более гениального. *(Раскрывает дверцы печи, где горит огонь)* Здесь больше возможностей, чем у самого бога Саваофа в день творения... Здесь миллионы миллионов человеческих жизней... Мой свадебный подарок... Океан крови... Гибель человечества *(Бросает листы в огонь)* Ну, вот теперь убейте меня...

Слышны голоса. Елена захлопывает шкаф и уходит в маленькую дверку. Со стороны противоположной входят Морей, Пуль, Михаил, Герберт и Крепсен.

Морей. Только что получены новые известия... Происходит чорт знает что, господа...

Все садятся у большого стола под лампой.

Михаил. А что происходит на материке?

Морей *(не отвечает ему)*. У нас на очереди два вопроса чрезвычайной спешности. Первый — об исполнении заказа правительству двухсот тысяч тяжеловооруженных солдат типа «Бэби». *(Указывает на рисунок)* Второй — о борьбе с агитацией в связи с кошмарными событиями последних дней.

Михаил. Что же именно происходит на материке?

Морей *(со сдержанным бешенством)*. Вам это лучше знать.

Михаил *(вставая)*. Что это значит?

Морей. На этот вопрос я вам отвечу несколько позднее. *(Герберту)* Я ответил правительству, что первые двадцать пять тысяч солдат типа «Бэби» будут доставлены франко Вашингтон через пять недель. Это возможно?

Герберт. Будем стараться.

Морей *(Крепсену)*. Каковы у нас запасы протоплазмы?

Крепсен. Едва-едва хватит сотни на три работников типа «Бэби».

Морей *(кричит)*. Что?

Крепсен. Все запасы пошли на тип «Адама», ведь в нем по крайней мере сто двадцать кило.

Морей. А чорт!.. *(Пулю)* Сможем мы в неделю сварить нужное количество живой материи?

Пуль. Отчего же не сварить, если все будет обстоять благополучно...

Морей *(пристально смотрит на него)*. Так. А пока нам придется всех имеющихся на острове работников,— кроме тех, кто непосредственно стоит у машин, — бросить в котел. *(Крепсену)* Телефонируйте в контору — послать отряды по острову, ловить и сгонять работников в главный корпус, в котельную... Таким образом,

Крепсен идет к телефону и звонит.

я рассчитываю не опоздать с заказом, — тем более, господа, что от спешности исполнения заказа зависит наша жизнь... Да, да, известия очень плохие... Теперь второй вопрос. *(Вынимает и кладет на стол письмо)* Вам известно, конечно, что бунт среди наших работников начался под действием отлично организованной агитации. Она велась как на местах, так и в виде переписки между революционным комитетом и работниками типа «Люкс», Адамами, которые, насколько я теперь понимаю, были специально для этой цели заказаны... Вот образец таковой переписки. *(Ударяет письмом о стол)* Оно перехвачено здесь, на острове. *(Михаилу)* Вам известно это письмо?..

Михаил. Если спрашиваете, стало быть, вы знаете, что я писал это письмо.

Морей *(выхватывая из кармана револьвер)*. Крепсен, вызовите полицию... *(Михаилу)* Вы будете здесь же переданы в руки властей и, надеюсь, повешены.

Михаил. Посмотрим.

Герберт. О! Никогда бы не мог подумать... Премирован парижской Академией. Подающий крупные надежды ученый... Ой, ой, ой... Какое извращение понятий...

Михаил. Если бы я был вашим другом, Морей, то не посоветовал бы так поступать со мной, — теперь вы беззащитны... Я более ничем не обязан вам.

Входят агенты полиции.

Морей. Возьмите его. Это один из вождей восстания!

Агенты уводят Михаила.

Герберт. Какое горе, какое горе!

Пуль. Ну-с, дорогой мистер Морей, как же насчет протоплазмы?

Морей. Формула остается без изменения, или нет?.. *(Встает, идет к шкафу)* Вам это лучше знать.

Пуль. Насколько я понимаю моими проспиртованными мозгами, как будто изменений не предвидится, мистер Морей.

Морей. Во всяком случае... *(Роется в карманах)* Ключ... Гм... ключ я оставил дома... Мы просмотрим и проверим рукопись завтра... Крепсен, распорядитесь сегодня в ночь приготовить все материалы, начните нагревать большие печи...

Входит искусственный человек-радиотелеграфист.

Радиотелеграфист. Последнее радио из Сан-Франциско...

Морей. Последнее? Что это значит?.. Какое последнее?..

Радиотелеграфист. Последнее радио из Сан-Франциско... Тихоокеанский флот в руках восставших. Эскадра из пятидесяти вымпелов вышла из порта в направлении запад-юго-запад, имея предписанием бомбардировать остров и захватить фабрики Морея...

Морей *(близко подходит к радиотелеграфисту)*. Что? Ты как будто улыбнулся?..

Крепсен *(откидывая штору на окне)*. Морей, все небо в огнях прожекторов!..

Отдаленный вой сирен.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА СЕМНАДЦАТАЯ

Банановый лес. Скалы. Время — перед рассветом. Адам стоит на скале. Ева снизу смотрит на него.

Ева. Видишь теперь?

Адам. Вижу. Там, где небо сходится с морем, поднимается свет.

Ева. Какой свет?

Адам. Идут большие лучи. Они ползают по небу.

Ева. Что бы это могло быть, Адам?

Адам. А я не знаю.

Ева. Мне страшно.

Адам. А мне не страшно, только у меня волосы встают на затылке.

Ева. А что делать?

Адам. Рассердиться и драться, и, когда победишь, тебе будет весело.

Ева. Жалко — Мореевы люди убежали. Ты ловко кидал в них камнями. Они, должно быть, испугались твоих камней.

Адам. Нет, они увидели свет из-за моря и побежали.

Ева. Чего же они испугались?

Адам. Вот то-то я и думаю, — чего они испугались. Знаешь, Ева, уж не восстание ли это?

Ева. Какое восстание?

Адам. А то, о котором говорил сделавший меня инженер.

Ева. Восстание против людей?

Адам. Гляди, встает солнце... Я вижу множество кораблей. Дым идет по всему морю.

Удар тяжелого орудия.

Адам. Эх, как здорово.

Ева. Адам, Адам, взгляни сюда скорее...

Адам. Подожди, я гляжу на корабли. Они приближаются к рейду.

Ева. Адам, посмотри, кто это? Какой красный, зеленый!

Любопытство пересилило. Адам спускается к Еве.

Адам. Где красный, зеленый?

Ева. Вон, между листьями.

Адам. Это попугай.

Ева. Чего ты меня толкаешь?..

Адам. Я не толкаю.

Ева. В самом деле, ты уж лучше меня не толкай...

Удар тяжелого орудия. Адам и Ева не слышат.

Адам. Ты странно сегодня на меня глядишь, ты странно разговариваешь, Ева... *(Схватил большой ка-*

мень. Вбегает на скалу) Эх, ого, го, го! *(Бросает камень)*

Морские сирены и далекие звуки марша искусственных людей.

Ева. Ты бросил камень, и кругом все заголосило и запело.

Адам. Ева! Корабли входят в рейд. Гляди, гляди, по всему полю бегут работники. Они кидают вверх шапочки. Ева, я хочу туда, к кораблям.

СЦЕНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Перед занавесом проходят искусственные солдаты, сзади — обыватель. Музыка. Обыватель останавливает последнего солдата.

Обыватель. Товарищ, объясните, ради бога, где мы находимся?

Искусств. человек. На острове Морея.

Обыватель. А для чего нас сюда пригнали?

Искусств. человек. Добыть великие и живоносные формулы материи, из которой сделано наше тело.

Обыватель. Какие формулы?

Искусств. человек. Формулы Арчибальда. Они находятся у фабриканта Александра Морея. В его руках наша жизнь и наша судьба. Мы должны их взять.

Обыватель. Ну да, товарищи, я, как искусственный, тоже готов бороться за это... Значит, воевать сейчас будем?

Искусств. человек. Мы победим, или мы умрем. Отступление, хотя бы на шаг, — смерть...

Обыватель. Вполне успокоен вашим объяснением, товарищ. Тфу!.. Черти меня занесли в эту пьесу!

Искусственный уходит.

(Публике) Я вам объясню, что случилось: мобилизовали. Это у них просто — взяли человека и — бац, мобилизовали. В третьем акте мы с Фаиной Васильевной, как ни уберегались, но засыпались в район. Допрос. Фаина Васильевна прямо с места начала лязгать зубами, и кончился этот разговор, — дали ей мандат на заведывание продовольственной частью. Ходит теперь с портфелем, глаза прищуренные, голос скороговоркой:

«Центропица, центропица». А давеча принесли в нашу роту солонину, — на что искусственные, и то ложки побросали. Ну, а я — человек смирный, молчаливый, дали мне метлу и — на трудовой фронт. Я — саботаж. Меня — в лагерь. Я — тягу. Меня и мобилизовали. Фаина Васильевна утешает: «Потерпи, — говорит, — знаменья стали проявляться»: у вдовы почтового чиновника в штате Мисиссипи родился чертенок. В бараньей шерсти, хвост полтора вершка и на голове — крючки. Вдова за четыре шиллинга пускала глядеть этого ребенка. Это что-нибудь да значит? От происходящих событий мы с Фаиной Васильевной стали мистики...

Два выстрела.

Удивительно неприятно, когда стреляют. Стреляли бы холостыми патронами. И громко и безопасно. Ах, одна у меня надежда на благополучное окончание этой отвратительной пьесы. Морей все-таки человек с мозгами и соображением, не то что эти... Он выкрутится, ей-богу, выкрутится, и я как-нибудь с ним...

За сценой крик.
Обыватель запел марш, ушел.

СЦЕНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Лаборатория. Окна закрыты. У телефона Крепсен. Елена в кресле — опустила голову в руки. Морей бегает.

Морей. Два выстрела... Только два выстрела... Сдались... Мы могли бы разнести весь их флот из наших дальнобойных.

Крепсен. Электростанция отвечает.

Морей. Кто?

Крепсен. Инженер Герберт.

Морей *(хватает трубку)*. Герберт, алло! Держитесь? Сколько у вас? Десять человек полицейских солдат? Это все? Как! — это все наши силы? Пулеметы работают? Один. Так. Горы трупов. Угу. Они все-таки лезут. Так, так. Посылают вперед серию № 24... Но их надо напугать. Как чем? Гм. Бросайте ручные гранаты. Все вышли?.. Во всяком случае, держитесь до последней возможности. Если остановятся динамы, — это смерть... Алло! Герберт... Мне удалось послать радио.

Ответил английский дредноут. Раньше завтрашнего полудня его ожидать нельзя. Я вхожу в переговоры с мятежниками... Алло, алло! Да, в переговоры по поводу рукописи Арчибальда... Ну, разумеется, они знают о ее существовании... Они за ней и явились на остров... Алло, алло!.. Я буду тянуть переговоры... Алло, алло! Герберт!.. Вы слышите меня?.. Что?.. Что?.. Прорвались? Вы один?.. Алло... Алло... Алло!.. Что? Про... Не слышу... Прощайте? Да, это я, Морей... Прощайте, Герберт!.. *(Вешает трубку, отходит)* Убит...

Свет в лампочке темнеет. Морей открывает окно.

Крепсен *(стоя у другого телефона)*. Полицейские казармы не отвечают.

Морей. Знаю и без вас, что мы — последние на острове.

Крепсен. Боже мой, боже мой, что же это такое?..

Морей. Потрудитесь приободриться. Подите к Пулю, он хотел включить ток в решетку палисадника... Позовите его сюда. Елена — мужество... Нашей жизни не

Крепсен уходит.

угрожает опасность. У меня есть чем торговаться за жизнь. Сегодня же, быть может, мы будем в открытом море. Вчера я приказал погрузить на яхту весь мой золотой запас. Грузчиков собственноручно застрелил. Итак, начинаем все сызнова. Я вычеркну на земле слово — пощада... Я уничтожу самое семя бунта!..

Входит Пуль.

Пуль *(идет к шкафчику, наливает стакан водки)*. Ток в шесть тысяч вольт включен в садовую решетку и проволочные заграждения. В аккумуляторах хватит энергии, чтобы убить всякого, кто к нам сунется. Сделано это для спасения не вашей драгоценнейшей жизни. Ваше здоровье, миссис Морей! А вы, бывший хозяин, берите стакан. Пейте за абсолютную истину этой женщины. Она священна, она неприкосновенна, она права во всем, что бы она ни сделала.

Елена *(стремительно поднимается)*. Пуль, меня нельзя оправдать, ни защитить... Морей, я больше не могу молчать...

Пуль. Миссис Морей, вы неудачно выбрали минуту объяснения, сейчас вы все этим погубите.

Морей. О чем, Елена, вы не можете молчать?.

Вбегает Крепсен.

Крепсен. Идут! Их несколько десятков тысяч! *(Указывает на окно)* Смотрите.

Все поворачиваются к окну.

Елена. Они пришли за нами?

Крепсен. Впереди идут старые выпуски, половина их пораженные бешенством. Налево — наши колониальные солдаты... А в центре — остатки работников, посланных в прошлом году на осушение тропических болот, — эти особенно опасны. Они разделены на сотни. Смотрите, — предводители сотен, те, в острых шапках, — наши очеловеченные, типа «Люкс», вожди восстания...

Ропот приближающейся толпы.

Елена. У всех одинаковые лица... Одно лицо, повторенное тысячи раз... Какое преступление!.. Какой ужас!..

Морей. Надо с самого начала было делать национальных работников шовинистов, чтобы они сами грызли друг другу глотки. *(Отступает от окна)* Это штурм!

Пуль поворачивает рычаги реостатов. За окном треск.

Морей. Падают, падают, падают.

Пуль. Не тревожьтесь, теперь вы за огненной стеной, миссис Морей.

Морей. Пуль, дайте мне несколько пироксилиновых шашек.

Пуль. С удовольствием.

Вместе с Мореем идет к столу, кладет ему в карманы жестянки, соединенные проволокой.

Морей. Я хочу, чтобы рукопись исчезла вместе со мной, если они попытаются взять ее силой.

Пуль. В одну секунду, дорогой патрон, взлетите в виде атомной пыли.

Морей. Надо уметь торговаться.

Пуль. Вот это — взрывной капсюль. Его только нажать.

Морей. Откуда у вас эти жестянки?

Пуль. Они были приготовлены для той же цели, мистер Морей.

Морей. Вы хотели взорвать?.

Пуль. Намеревался взорвать несгораемый шкаф.

Морей. Для чего?

Пуль. А так, — мне это нашептал чорт, высунув нос из бутылки с водкой. Я же сумасшедший, мистер Морей.

Морей. Осторожнее с капсюлем...

Пуль. Успокойтесь, — здесь миссис Морей...

Елена. Адам!.. Он жив! Ева!.. Они увидали меня, Морей, они любят меня. Они улыбаются.

Морей. Когда оскаливают зубы, — это не называется улыбкой, Елена... А! Михаил, конечно, с ними... Хорошо... Пуль, станьте к реостатам. Я хочу пропустить делегацию для переговоров. Приготовьте револьверы. *(Подходит к окну)* Эй, вы, бешеные черти!

Рев толпы.

Я хочу говорить... Что вы хотите за мою жизнь?

Шум стихает.

Голос Михаила. Нам нужна рукопись Арчибальда...

Один тысячеголосый голос. Нам нужна рукопись Арчибальда.

Морей. Хотя бы один выстрел, малейшая попытка нарушить нашу неприкосновенность, — и рукопись я уничтожу.

Голос Михаила. Наше мщение будет страшно.

Тысячеголосый голос. Наше мщение будет страшно.

Морей. Помните, — вам осталось жить меньше десяти лет. Через десять лет умрет последний работник, сделанный на моих заводах. Ваша судьба, это — я. Моя воля — ваша жизнь или смерть.

Голос Михаила. Мы согласны вступить в переговоры.

Морей. Я пропускаю за решетку пятерых. Остальным отступить на сто шагов.

Голос Михаила. Мы согласны.

Морей *(Крепсену)*. Отоприте калитку, пропустите пятерых.

Крепсен уходит.

Торговаться за жизнь с мешками из костей и мяса... *(Пулю)* Мы не успели бы снять копию?

Пуль. Нет, копии снять нельзя, — нет.

Морей *(с ненавистью глядит на него. Вынимает ключ, отпирает шкаф)*.

Голос Крепсена. Алло, Пуль! Выключить ток.

Пуль. Есть, выключить ток.

Морей. А если сделать фотографический снимок с рукописи?

Пуль. Нет, нам не сделать фотографического снимка, — нет.

Голос Крепсена. Алло! Прошли. Включить ток.

Пуль. Есть, включить ток.

Морей. Елена, ни одного слова вашему брату.

Елена. Я буду молчать до конца.

Входят Михаил, Адам, двое искусственных солдат и сзади обыватель.

Михаил. Я покупаю вашу жизнь. Ваши условия?

Морей. Будьте осторожны, — на мне полтора кило пироксилину, и вот — взрывной капсюль.

Обыватель хочет скрыться, солдат задерживает его.

Адам *(Михаилу, указывая на Морея)*. Скажи, я его задушу.

Пуль *(кричит)*. Адам!

Адам. Что, отец?

Пуль. Я тебя сделал, чтобы ты убивал?

Адам. Нет.

Пуль. Сегодня будешь охранять ее *(указывает на Елену)*.

Адам. Ладно.

Морей. Условия передачи формул Арчибальда: нам подается автомобиль, нас отвозят в северную бухту, там

мы садимся на моторную яхту, поднимаем якорь, на борту я передаю вам рукопись.

Обыватель. Все по-хорошему, без скандала. Давно бы, граждане!..

Михаил. Согласен. Покажите рукопись.

Морей *(идет к шкафу)*.

Михаил. Вы увозите сестру, — я предупреждаю: не высаживайтесь в американских портах.

Морей *(тихим и страшным голосом)*. Где рукопись?

Пуль *(хихикнул)*.

Елена. Я ее сожгла.

Михаил. Сестра!.. Что ты сделала?..

Морей. Вы сожгли формулы, Елена? *(Оглянулся)* В этой печи сожгли вселенную... Гениально!.. *(Захохотал)* Точка, Морей, точка!..

Обыватель. Вот тебе и фунт гвоздей!.. *(Обыватель скрывается)*

Елена. Наше дело было злое. Я хотела уничтожить зло.

Морей. Елена, теперь путь свободен туда — в мировое пространство... *(Вынимает капсюль, идет к Елене)* Летим, я вас обниму...

Адам *(отталкивает его)*. Отойди!

Морей *(оборачивается к Михаилу)*. Чего же ты-то ждешь?

Пуль. Бегите, мы взлетим на воздух!

Михаил исчезает, Морей кидается за ним. Елена вырывается из рук Адама.

Пуль. Елена, любовь моя, поздно!

Елена *(у окна, кричит)*. Это я, это я бросила в огонь ваши жизни... Казните меня.

Взрыв за окном. Елена падает.

СЦЕНА ДВАДЦАТАЯ

Перед занавесом.

Обыватель. Иди, не бойся.

Фаина Вас. Не провалимся?

Обыватель. Лед крепкий. Ничего что водичка, — это сверху; лучше, следов не видно.

Фаина Вас. Не могу, боюсь, куда ты завел? Не пойду дальше.

Обыватель. Вон, видишь — кусты, это граница. Часовой пройдет, мы ползком и переберемся.

Фаина Вас. А сейчас-то мы где?

Обыватель. Это нейтральная полоса.

Фаина Вас. О-о-о-о!.. Тут-то и грабят.

Обыватель. Да кто грабит?

Фаина Вас. Атаманы.

Обыватель. Куда же ты садишься? — в полынью, глупая баба...

Фаина Вас. О-о-о!.. В полынью, в полынью сажусь.

Обыватель. Деньги вымочишь, они у тебя назади спины привязаны.

Фаина Вас. На шее деньги привязаны.

Обыватель. А брильянты где?

Фаина Вас. Брильянты в каблуках заколочены.

Обыватель. А цепочка платиновая?

Фаина Вас. Так ведь цепочка у тебя за щекой.

Обыватель. Да, цепочка тут. Идем, что ли.

Фаина Вас. В голове у меня толкучка. Иван Мироныч, ноги разъезжаются...

Идут.

Обыватель. Каблуки-то не сбей, потеряешь.

Фаина Вас. Часовой.

Обыватель. Садись скорей.

Фаина Вас. Пропали.

Обыватель. За кустами не увидит...

Фаина Вас. А увидит?

Обыватель. Тогда начинай все сначала.

Фаина Вас. Ты цепочку-то проглоти.

Обыватель. Глотал, назад лезет.

Фаина Вас. Поймают — скажем: мы — артисты государственного театра, заблудились.

Обыватель. Не поверят. Я скажу, что я — сумасшедший, а ты гулять вывела.

Фаина Вас. А узлы?

Обыватель. Узлы — чужие. По дороге нашли.

Фаина Вас. Погляди, не прошел ли.

Обыватель. Ушел... Бежим... Пригибайся. Беги, беги. Средним проходом, Фаина Васильевна... Прямо в проулочек, в проулочек, где темнее...

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Банановый лес. Адам большим топором рубит дерево. Пульс сидит на пне. Проходят искусственные рабочие с бревнами, с тачками

Пульс. Адам.

Адам. Не говори под руку.

Пульс. Пройдет немного лет. Вы все, созданные мною, умрете. Остров снова зарастет лесом. А я все еще буду сидеть над этими проклятыми формулами — вспоминать и вычислять. Борода у меня вырастет до земли. Буду приходить сюда — беседовать с птицами.

Адам. Раньше будущего года не начнем варить протоплазму?

Пульс. Ты-то уж вряд ли доживешь до времени, когда я вспомню формулу.

Адам. Подождем, не каплет. *(Валит дерево)*

Пульс. Рубите лес, взрывайте скалы, копошитесь... Муравьи. Что вы строите, Адам?

Адам. Морскую плотину.

Пульс. Зачем?

Адам. Здесь будет завод живой материи — самый большой на свете.

Пульс. Пытаетесь восстановить производство. Зачем? Заставляете меня работать. Адам, отпустите меня с острова... Или убейте меня. Мне тяжело. Елена умерла. Пролился кубок чудесного вина. Морей, Михаил, Крепсен, Герберт, — все умерли. А я жив — зачем? Посмотри, как у меня отросли ногти, Адам.

Адам. Что вы ко мне привязались, в самом деле?

Пульс. Гордый стал, покрикивает.

Адам. А что же мне не покрикивать... Обойдемся и без вас в крайнем случае.

Пульс. Как же это так ты без меня обойдешься?

Адам. А уж так, — обойдемся своими средствами.

Пульс. Детей будешь рожать?..

Адам. Ну, ладно, ладно... *(Рубит)*

Появляются пятеро искусственных людей.

Первый искусств. *(Пулю)*. Мы тебя ищем, человек.

Второй искусств. Мы прилетели с материка.

Первый искусств. Нас послал Союзный совет работников.

Второй искусств. Узнать, как подвигается твоя работа над живоносными формулами.

Первый искусств. Мы изнашиваемся, притока свежих сил нет.

Второй искусств. Вы, люди, не дали нам способности любить женщин и рождать от них детей. Мы вымираем.

Первый искусств. Мы не боимся смерти, но мы должны знать, что наше дело не погибнет.

Второй искусств. Я не боюсь смерти. Но, когда я изношусь и меня бросят в котел, я хочу знать, что из меня сделают нового человека.

Первый искусств. Я должен снова родиться.

Пуль. Я производил опыты. Я приготовил живую материю. Я пустил ее в машины. Органы не срастаются, мясо не прирастает к костям, из инкубаторов вываливаются бесформенные туши. Вот это вы и передайте Союзному совету.

Первый искусств. Ты ошибся в вычислениях?

Второй искусств. Тебе нехватает чего-нибудь для работы?

Первый искусств. Скажи, и мы привезем тебе все сокровища земли.

Пуль. Я не могу восстановить формулу Арчибальда. Нехватает пустяка, не могу... Не помню... Забыл... Забыл... Забыл...

Первый искусств. Ты хочешь сказать, что мы погибли?

Пуль. Не могу... Разбей мне череп, в нем ваша гибель, — сделай мне последнее удовольствие.

Адам. Раз что было, никуда с земли оно не может деться...

Первый искусств. Хорошо говоришь, Адам.

Адам. Так же и формулы. Они здесь. Мы их найдем.

Пуль *(кричит)*. Феоген!.. Безмозглая твоя голова... Мне нужен феоген... Без него протоплазма — гнусный, мертвый кисель... Феоген вливает в нее чудовищную силу жизни... Тогда котлы трещат от ее свирепства... Феоген, это — дрожди жизни. Я забыл, откуда доставал его старый Арчибальд... Мы тридцать лет пользовались

его дрождями и знали только, что в них феоген. Найди его, достань его мне... Быть может, это тончайшая материя, как свет, как электричество...

Адам. А что же, и найдем.

Входит Ева.

Первый искусств. *(Пулю)*. Что мы должны передать Союзному совету?

Второй искусств. Есть еще надежда?

Пуль *(наблюдает за Адамом и Евой)*.

Первый искусств. Мы ждем.

Пуль. Передайте... Постойте, постойте... Передайте Союзному совету... Тише, не двигайтесь... Не пугайте их. Неужели я нашел?.. Неужели это так просто?.. Друзья мои... Вспомнил... Это именно то самое... Идите... но тише, тише... Ответ я дам завтра... Надежда не потеряна... У вас будет новое поколение... Тише... *(Оглядываясь на Адама и Еву, уходит вместе с работниками)*

Ева. Адам!

Адам. Где была?

Ева. В лесу.

Адам. Зачем в лес ходила?

Ева. Адам, посмотри, — я сорвала на дереве.

Адам. Что это?

Ева. Яблоко.

Адам. А ну тебя. *(Берется за топор)*

Ева. Я откусила. Оно сладкое...

Адам. Ну, сладкое, сладкое... Дела совсем плохи, Ева.

Ева. Чем же плохи?

Адам. Старик Пуль рехнулся... Скучает. Ногти отрастил. А нам с весны надо начать протоплазму варить.

Ева. Ходишь к тебе, ходишь...

Адам. Ну?

Ева. Откусил бы яблоко-то.

Адам. Ах... Ну, дай. Вкусно.

Ева. Еще бы не вкусно

Адам. Ужасно вкусно.

Ева. Ты мне половину оставь.

Адам. Половину?

Ева. Чего смотришь? Ты и меня хочешь укусить?

Адам. Ну-ка, дай-ка — попробую... *(Целует ее)* Больно.

Ева. Еще, Адам.

Адам. Еще, Ева.

Ева. Адам... Муж мой...

Адам. Да, я — муж! Я — человек. *(Волосы его встают дыбом)* Солнце, катись, катись ко мне на землю! Ветер, шуми листьями!.. Лес, пой, завывай!.. Звери, выходите из чащи!.. Рыбы, выходите из моря!.. Птицы, попугаи, фламинги, журавли, — крылатые, — все ко мне!.. Слетайтесь, сходитесь!.. Я — человек!.. Пойте, кричите, голосите, завывайте!.. Шумите, волны морские!.. Греми, свет!.. *(Шум ветра. Музыка, переходящая в фанфары, в нестерпимый как лучи солнца, звук)*

Занавес

1924 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Петр Первый 5
Любовь — книга золотая 59
Чудеса в решете 99
Касатка 155
Нечистая сила 207
Бунт машин 257